

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. Вернадского

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 12(78). №1

Симферополь
2026

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 12(78), № 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического университета», который издавался с 1919 года.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2026

ISSN 2413-1741
Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-61819 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки), 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.10.2 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).
Адрес учредителя и издателя: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 2 от 24.03.2026 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР;

Айбабин Александр Ильич – директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Кравцова Елена Сергеевна – заведующая кафедрой философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Курск);

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург);

Науменко Валерий Евгеньевич – заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Института археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Михайлов Вадим Викторович – профессор кафедры истории факультета истории и социальных наук ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина», имеющий ученое звание профессор (г. Пушкин, Ленинградская область);

Мосейкина Марина Николаевна – заведующая кафедрой истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Прохоров Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры управления документами, архивами и организации работы с молодежью исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Романько Олег Валентинович – заведующий кафедрой истории России исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Львович – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник, член-корреспондент РАН (г. Санкт-Петербург);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Щевелев Сергей Стефанович – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
Подписано в печать 24.03.2026г. Формат 70x100 1/16 усл. п. л. Заказ № НП/ 803. Тираж 25 экз.
Распространяется бесплатно. Дата выхода в свет 16.04.2026 г.
Отпечатано в Издательском доме
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
http://sn-histor.cfuv.ru

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 12 (78), № 1. 2026 г.

УДК: 94

DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18678309

ОТ ВАРВАРА К ГРАЖДАНИНУ: ПУТЬ В РИМСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ

Бредихин В. В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
г. Белгород, Российская Федерация
E-mail: bredikhinvv@mail.ru

Рассмотрена трансформация варваров из внешних врагов Римской империи в полноправных граждан и даже правителей, как это представлено в позднеантичной нарративной традиции. Автор анализирует широкий спектр текстов IV – VI века – от исторических хроник до риторических произведений, таких как сочинения Сидония Аполлинария, Клавдия Клавдиана, Павла Орозия, Олимпиодора и других. В центре внимания находятся разнообразные нарративные стратегии, отражающие процесс интеграции варваров в римское общество: военная служба, предоставление гражданских прав, заключение браков с римлянами, освоение латинского языка и культурных кодов, а также принятие христианства. В статье показано то, как эти процессы привели к размыванию традиционных границ между «римлянами» и «варварами», формируя новую идентичность, основанную не столько на этнической принадлежности, сколько на культурных, правовых и религиозных признаках. Особое внимание уделяется анализу политики интеграции варваров в армию и администрацию империи, описанию их социальной мобильности, а также изменениям в восприятии римскости (Romanitas) в условиях политического кризиса, миграционных процессов и распространения христианства. Говорится также о том, что к VI веку варвары уже перестают восприниматься как угроза империи и становятся её преемниками, продолжая римские традиции в новых политических реалиях раннесредневековой Европы. Таким образом, позднеантичная нарративная традиция предстает ключевым источником для понимания эволюции понятий «римлянин», «варвар» и «гражданство», отражая переход от классического римского мира к новому средневековому порядку.

Ключевые слова: Поздняя античность; варвары; римляне; Romanitas; нарративная традиция; гражданство.

Поздняя античность стала эпохой глубоких трансформаций, затронувших не только социально-политическую структуру Римской империи, но и саму концепцию римской идентичности. В условиях миграций, войн и культурного взаимодействия перед римскими авторами встала необходимость осмысления статуса «чужаков» – варваров, которые не только воевали с Империей, но и служили ей, ассимилировались и становились частью римского общества. Так, по сообщению исследователя Р. Мэтизена, «ко времени вторжений варваров в V веке у римлян и варваров было больше сходств, чем различий, и это соображение помогает объяснить в основном ненасильственный характер варварской оккупации Западной Римской империи» [14, p. 191].

Одним из ключевых сюжетов позднеантичной нарративной традиции стало превращение варвара в римского гражданина – процесс, который имел как юридическое, так и символическое измерение. В трудах римских интеллектуалов

этого периода можно проследить различные модели интеграции варваров, отражавшие римские представления о варварстве, цивилизации и границах империи.

Позднеантичная эпоха, по мнению Д. Рорбахера, была «местом значительного участия германских народов в римских политических и военных делах, в частности готов» [15, p. 207]. Поскольку многие варварские народы были либо неграмотными, либо передали потомкам малое количество своих сочинений, мы сталкиваемся с прямой зависимостью от письменных исторических источников римского происхождения: в частности, в вопросах реконструкции культуры и истории варваров. Большинство сохранившихся текстов созданы римскими или византийскими авторами, которые рассматривали варваров через призму своей цивилизационной парадигмы. Это приводило к стереотипизации образов «чужих» народов, изображению их либо как угрожающих дикарей, либо как романтизированных «благородных дикарей». В таких источниках, за редким исключением, часто доминируют политическая пропаганда, моральные поучения и оправдание имперской политики, что усложняет реконструкцию реальной истории варварских народов. Однако, несмотря на стереотипизацию и политическую ангажированность таких текстов, они дают ценную информацию о том, как римляне воспринимали процесс интеграции варваров в свое общество. Как отмечает М. В. Кирчанов, «литературные тексты играли роль того пространства, в рамках которого не только конструировались образы империи, но и формировалась сама имперская идентичность» [2, с. 259–260].

На протяжении веков римская идентичность оставалась динамичным и многослойным феноменом, отражавшим эволюцию империи и её взаимодействие с окружающим миром. В отличие от греческой модели, основанной на этнокультурной исключительности, римская идентичность носила более инклюзивный характер, позволявший разным народам становиться частью римского мира. Представляется необходимым выявить и проанализировать нарративные стратегии, используемые позднеантичными авторами для описания интеграции варваров в римское общество, определить идеологические и политические факторы, влиявшие на этот процесс, а также проследить изменение представления о варварстве и гражданстве в позднеантичной традиции.

С момента основания Рима идентичность его жителей была неразрывно связана с гражданским статусом. Быть римлянином означало не только принадлежать к определённому народу, но и участвовать в политической и правовой системе, которая отличала римских граждан от остальных жителей. В начале Римской империи гражданство, по сообщению Р. Мэтизена, представлялось «элитным правовым статусом» [14, p. 191]. Это объясняется тем фактом, что граждане империи обладали определенными правами, привилегиями и обязательствами.

Большинство свободного населения империи проживало в провинциях и не имело гражданства. Эти люди были известны как *provinciales* (жители провинций) или *peregrini* (иностранцы). Постепенно политика предоставления гражданства распространялась и на эти категории жителей, что Р. Мэтизен, считает «одним из величайших успехов Римской империи» [Ibid]. Данная тенденция была связана с

включением *provinciales* и *peregrini* в систему управления империей: например, вступлением в городские советы или службой в *auxilia* (к началу позднеантичной эпохи данный термин претерпел значительные изменения в своем лексическом значении и стал обозначать «не вспомогательные войска, как во времена принципата, а самостоятельно действующие подразделения» [1, с. 238]). Таким образом, гражданство стало наградой за оказанные ее жителями услуги империи.

Кульминация распространения римского гражданства связана с эдиктом императора Каракаллы, известным также как *Constitutio Antoniniana*, изданном в 212 году, по которому всем, кто находится в «римском мире», предоставлялось гражданство Рима. Исключением являлся класс лиц, называемых *dediticii* – они по-прежнему оставались без гражданских прав. Данное событие в историографии расценивалось как своего рода «начало конца» римской цивилизации. Так, П. Браун отметил, что «хрупкие привилегии и самоуважение, когда-то связанные с понятием гражданства, исчезли» [9, p. 154]. Аналогичные утверждения отражены и в работах других исследователей: А. Солнера [17, p. 97], Дж. Ф. Гарднер [11, p. 187], А. Н. Шервин-Уайта [16, p. 445] и др. Более радикальное отношение к изданию эдикта 212 года прослеживается в работе П. Гарнси: «для некоторых современников с римских гражданством было покончено… гражданство утратило всю остаточную ценность, которой оно обладало ранее» [12, p. 140].

После того, как римское гражданство стало, по сути, всеобщим, появилось множество определений того, что значит быть *civis* (гражданином), и повсеместно существовало двойное гражданство различных форм. Иными словами, жители империи больше не идентифицировали себя как *cives Romani* – они предлагали другие виды *cives*. Так, существовала концепция муниципального гражданства – например, *civitates* (города). По мнению Р. Мэтизена, «быть *civis civitates* было, вероятно, основным статусом» [14, p. 196]. В качестве примера можно привести слова галльского поэта IV века Авсония: «Я люблю Бордо, я уважаю Рим: я гражданин одного, консул в обоих; моя колыбель была здесь, мое курульное кресло там» (Auson. *Orat*. 3. 1176).

Схожие тенденции в поисках иных способов идентичности, помимо универсального римского гражданства, прослеживаются и у варваров, проживавших на территории Римской империи. Так, в 423 году Флавий Фаустиниан описал свою покойную жену на эпитафии во Флоренции как *civis Alamanna* (*CIL*. XI. XXX, 1731). Показательной представляется и надпись на эпитафии солдата, похороненного в городе Аквинкуме: «я *civis Francus* и римский солдат с оружием в руках» [Ibid, p. 198]. Эти надгробные эпитафии демонстрируют сложный процесс интеграции варваров в римское общество и указывают на двойственную идентичность варваров, получивших римское гражданство, и позволяют проследить важный процесс инкорпорации варварских элит в римское общество. Сидоний Аполлинарий в письме папе Василию упоминает его спор с арианином Модахарием в 470-х годах и обозначает последнего как «*civis Gothus*» (Sid. *Epist*. VII. 6, 2).

Принятие христианства в качестве государственной религии в IV столетии также принесло дополнительные способы обретения статуса гражданина. Поскольку

христианские священнослужители, администраторы и императоры становились все более нетерпимыми к любому, кто не был ортодоксальным христианином, обладание полным гражданством стало основываться на христианском конфессиональном статусе. Позднеантичные авторы повествуют о том, что язычники, иудеи и еретики страдали от ущемления своих гражданских прав и возможности пользоваться римским гражданским правом (Lib. *Orat*. XXX F; Sym. *Rel. III*; Theod. *Hist. Eccl.* 5, 21; Socrat. *Hist. Eccl.* V, 19; Amm. XXII. 11, 9 и др.).

Таким образом, эдикт Каракаллы 212 года, распространивший римское гражданство на практически всех свободных жителей империи, радикально изменил само понимание того, кто является римлянином. Если ранее гражданский статус был главным инструментом разграничения римлян и неримлян, то после эдикта эта грань стерлась, вынуждая римскую интеллектуальную элиту искать новые критерии различия. В Поздней античности, на фоне политического кризиса, военных угроз и миграционных процессов, границы римской идентичности начали размываться, что поставило перед римскими авторами вопрос: кто может считаться римлянином? Ключевыми маркерами принадлежности к римской культуре начали выступать язык, уровень образования, манеры и стиль жизни. Владение латынью, особенно умение говорить и писать грамотно, рассматривалось как показатель истинной римскости (*Romanitas*), а риторическое искусство стало не просто средством социальной мобильности, но и своеобразным тестом на культурную аутентичность.

Особое место в этом обсуждении занимали варвары – выходцы территорий за пределами империи, которые, попадая в римское общество, могли принимать его нормы и ценности, но при этом сохраняли свою «чуждость». Как отмечает исследователь Г. Хэлсолл, «использование терминов «римлянин» и «варвар» обусловлено обозначением важного организационного и культурного различия между цивилизацией и дикостью» [13]. Их статус варьировался от наёмников и федератов до полководцев и даже императоров, что вынуждало римских интеллектуалов и хронистов пересматривать традиционные представления о принадлежности к римскому миру. Согласно исследованию Э. Демужо, «варвары, которые становились членами действующей армии, занимали римские военные или гражданские должности или женились на римлянках, должны были каким-то образом стать гражданами» [10, p. 384].

Так, оратор Фемистий в 383 году в своей речи отметил, что «готы больше не называются варварами, они – римляне» (Themist. *Orationes*. 167. 211–212), а ритор Пакат в 389 году заявил, что император Феодосий I (379–395 гг.) побежденным варварским солдатам «*iussisti esse Romanam*» (приказал быть римлянами) (Pacat. *Pan. Lat.* 12. 36, 4). Данные фрагменты подчеркивают специфический характер политики императора Феодосия I, в основе которого – интеграция варваров в римское общество, особенно в армию и административные структуры. Проварварская политика императора заключалась не только в военных союзах с варварскими племенами (например, с готами после битвы при Адрианополе в 378 году), но и в их постепенной романизации. Фемистий свидетельствует о политическом курсе на признание варваров частью имперской структуры, а не враждебной силой за ее

пределами. Вероятно, это была попытка легитимизировать новое положение варварских федератов, поселенных на римских землях. Пакат, в свою очередь, подчеркивает не только административное решение, но и идеологический посыл: варвары включаются в римское общество, получая права и обязанности, аналогичные римским гражданам, по крайней мере, в военной сфере.

Важное место во внутренней политике Западной империи второй половины IV – начала V в. занимал Стилихон – римский полководец варварского (вандальского) происхождения. Римский поэт Клавдий Клавдиан в панегирике Стилихону писал о нем следующее: «И ликовала судьбы грядущей провидица Рома, ради столь славного чада тебя удостоясь в гражданстве» (Claud. *De cons. Stilich.* 3. 180–181) [здесь и далее пер. с лат. Р.Л. Шмаракова, 2008 г.]. Данная цитата отражает ключевой мотив позднеримской идеологии – интеграцию варваров в римскую политическую и культурную систему. В этом контексте Рома, персонифицированная как богиня, символизирует не только сам Рим, но и его способность расширять границы гражданства, принимая в свой состав новых членов, достойных этого статуса. Для Поздней античности характерно представление о римском гражданстве не как о чисто юридическом статусе, а как о почетном даре, связанном с культурной и моральной трансформацией. Когда Клавдиан говорит о ликовании Ромы из-за появления «славного чада», это подчеркивает, что новообретенные граждане, даже если они происходили из варварской среды, должны были доказать свою римскость – через военные заслуги, службу империи, владение латинской культурой и добродетелями. Иными словами, ключевым становилось соответствие римским культурным и социальным нормам, а сам процесс принятия варваров в римскую общность рассматривался как своего рода символическое посвящение, благословленное самой Ромой. Фраза о том, что Рим «удостоил его гражданства», намекает на его интеграцию в римскую элиту и попытку представить его не как чужака, а как истинного римлянина. Историк Олимпиодор также являлся защитником Стилихона, как это ясно, например, из его очевидного принятия притязаний полководца на регентство над Гонорием и Аркадием, так как. «он [Стилихон] вел успешно войну за римлян со многими народами» (Olymp. fr. 2) [пер. с греч. С. Дестуниса, 1860 г.]. Слова Олимпиодора показывают, что к началу V века варвары не просто жили внутри империи, но играли ключевую роль в ее защите и управлении. Стилихон – пример того, как варвар мог стать полностью римским гражданином в военном и политическом смысле.

Заслуживает внимания Клавдия Клавдиана и деятельность Стилихона по покорению и включению в империю других представителей варварских обществ: «Токмо она побежденных к себе приемлет на лоно и человеческий род ласкает именем общим, матери как, не владычице сродно, и числит средь граждан ею смиренных, крепя далекое связью приязни» (Claud. *De cons. Stilich.* 3. 150–154). Клавдиан подчеркивает уникальность Рима среди других держав: он не просто покоряет народы силой, но включает их в свою общую цивилизацию. Империя представляется не как жесткий господин, а как заботливая мать, способная даровать гражданство и объединять покоренных варваров с римлянами. Фраза «числит средь

граждан ею смиренных» указывает на то, что варвары могут стать частью римского общества, но только после подчинения. Это важно в контексте военной политики Стилихона, который не просто сражался с варварами, но и активно привлекал их в армию и администрацию.

Письменные нормативные источники также свидетельствуют о данном направлении внутренней политики. Так, в законе 399 года прослеживается личная роль императора в предоставлении земель варварам, недавно принятым в «лоно» Рима: «Поскольку те, кто ищет римского счастья среди многих варварских народов, отправляются в нашу империю, от имени которой должны управляться *laetic* земли, никто не должен заслуживать ни одного из этих полей, кроме как через наше *adnotatio*» (*CTh*. 13.11.10). Статус *laeti* присваивался варварам с III века, в его основе, как сообщает Р. Мэтизен, было «разрешение селиться на землях в пределах империи в обмен на уплату налогов и военную службу» [14, p, 204]. Со временем *laeti* были включены и в правовую систему Римской империи, что делало их приближенными к статусу римских граждан. Однако, как видно из положения правовой нормы, присвоение данного статуса ограничивалось введением *adnotatio* (регистрация) – юридического документа, выдаваемого непосредственно императором конкретному представителю варварского сообщества. Данный акт предоставлял особую привилегию – фактическое включение варвара в римскую правовую систему, а, значит, и предоставление ему статуса римского гражданина. Наряду со статусом *laeti* некоторые варвары удостаивались и статуса колона – фермера-арендатора.

Позднеантичные нарративные источники богаты информацией относительно упоминаний об исполнении варварами со статусами *laeti* или колона своих обязательств перед империей. Так, Аммиан Марцеллин, повествуя о военных успехах Феодосия, отметил: «Много [алеманнского] народу он [Феодосий] перебил, некоторых взял в плен и послал их, согласно приказанию императора, в Италию, где они получили плодородные земли и живут теперь, как податное население, на реке По» (Amm. XXVIII. 5, 15). В «Истории Августов» также подчеркивается, что после победы Клавдия II Готского (268–270 гг.) над готами «римские провинции были заполнены варварскими рабами и готскими земледельцами» (SHA *Divus Claudius*. IX, 3). Панегирик Константину I (306–337 гг.) отмечает один из успехов императора, заключавшийся в том, что «франкские народы поселились в пустынных районах Галлии и поддерживают мир в Римской империи своим возделыванием, а в ее армии – своими наборами» (*Pan. Lat.* VII. VI, 6).

Заключение брака между римлянами и варварами также представляется важным аспектом становления последних гражданами империи. Так, испанский поэт конца IV века Пруденций писал: «общий закон делает нас равными… родной город охватывает в своих объединяющих стенах сограждан… чужеземные народы теперь собираются по праву брака: ибо со смешанной кровью создается одна семья из разных народов» (Prud. *Con. Symm.* 2, 598–614). Слова Пруденция выражают идеологическое оправдание интеграции варваров, подчеркивая, что варвары становятся римлянами не только по закону, но и через общую кровь, культуру и семейные связи.

Одним из «громких» браков между римлянами и варварами является женитьба короля вестготов Атаульфа (410–415 гг.) на похищенной в ходе взятия Рима Аларихом в 410 году Галле Плацидии – сестре императора Гонория (395–423 гг.). Современник этих событий, Павел Орозий, описывает данный союз как часть божественного плана: «связанная посредством брака с могущественнейшим королем, она [Галла Плацидия] принесла великую пользу для государства» (Oros. VII. 40, 2) [пер. с лат. В.М. Тюленева, 2004 г.]. Римский историк говорит о «великой пользе для государства», имея в виду попытку превратить вестготов из врагов Рима в его союзников. Это соответствует практике поздней империи, когда браки между римской аристократией и варварскими правителями служили способом включения варваров в римскую систему. Аналогичная поддержка данного брака встречается и у Олимпиодора, который подробно описывает процесс бракосочетания: «В чертоге, убранном в римском вкусе, с царским великолепием, сидела Плацидия на первом месте. Атаульф сидел вместе с нею, в плаще и остальной римской одежде… Брак совершился среди игр и веселья варваров и бывших с ними римлян» (Olymp. 24). Описанный Олимпиодором свадебный обряд подчеркивает стремление Атаульфа и его окружения следовать римским обычаям: так, «чертог, убранный в римском вкусе» – свидетельство того, что готская элита заимствовала римский стиль, демонстрируя стремление к ассимиляции; «с царским великолепием» – намек на римскую концепцию императорского достоинства, что подтверждает желание вестготского короля встроиться в римскую политическую систему; «Атаульф сидел в плаще и остальной римской одежде» – еще одно указание на принятие римских традиций. Одежда имела важное значение в римской культуре, и тот факт, что варварский король облачился в римское одеяние, подчеркивает его желание выступать не как завоеватель, а как римский государственный деятель. Действительно, брак Атаульфа и Галлы Плацидии мог бы оказать существенное влияние на судьбу Римской империи: по сообщению Д. Рорбахера, «если бы сын Атаульфа, провокационно названный Феодосием, выжил, как внук Феодосия Великого он был бы очевидным наследником престола» [15, p. 224]. Несмотря на смерть ребенка, а затем и Атаульфа вскоре после этого, оптимистичные суждения Павла Орозия и Олимпиодора представляли более мирное будущее с готами, союзными, но подчиненными римской власти.

Заслуживают внимания и брачные стремления дочери Галлы Плацидии – Гонории. Она была вынуждена выйти замуж, как отмечает Д. Рорбахер, «за неудачника» [Ibid, p. 227], и в отчаянной попытке сбежать тайно передала свое кольцо Аттиле, правителю гуннов, вместе с предложением руки и сердца. Тот, в свою очередь, прошел через Галлию, чтобы потребовать свою невесту в Италии, но был отбит объединением имперской армии под командованием Аэция и готской армии под командованием Теодориха I в Орлеане.

Описание свадебных церемоний римлян и варваров является и предметом повествования Сидония Аполлинария. Одно из его писем содержит информацию о свадьбе патриция свевского происхождения Рицимера с дочерью императора Антемия, которая также проходила по римским обычаям: крики «*Talassio!*» (как

отмечает Е.В. Литовченко, данные призывы «можно расценивать как пожелания счастья молодой семье» [5, с. 58]), участие в церемонии *pronuba* («подружек невесты»), одежда жениха и невесты, сам свадебный ритуал (Sid. *Epist*. I. 5, 10–11) – все эти элементы показывают, что такие браки были не просто личным союзом, но и социальным инструментом, помогающим варварам принять римскую идентичность и гражданство.

Важным представляется и описанное Сидонием бракосочетание молодого князя бургундского или франкского происхождения Сигизмера и дочери бургундского короля Хильперика (473–480 гг.). Как мы видим, данный брак представляет собой союз двух представителей варварской среды, однако свадебная церемония проходила все же по римским обычаям: «… [Сигизмер] одетый в огненно-красную тогу, отливающую багряно-золотым, и шелковую тунику молочно-белого цвета…» (*Epist*. IV. 20, 1) [здесь и далее пер. с лат. Е. В. Литовченко, 2016 г.], «кроме коротких туник различного цвета… на них [сопровождающих Сигизмера] были надеты зеленые плащи, окаймленные красными полосами и закрепленные фибулами; перевязи, спускающиеся с плеч, поддерживали мечи» (IV. 20, 2). Эти детали показывают, что варварская знать, даже будучи носителями военной традиции своих народов, стремилась адаптироваться к римским нормам, принимая внешние признаки римской элиты. Описанная Сидонием картина демонстрирует не только процесс романизации варваров, но и гибкость римской идентичности в условиях сосуществования с варварскими элитами, которые уже были частью римской системы власти.

Важным направлением в позднеантичной нарративной традиции представляется и само принятие римскими интеллектуалами факта обретения варварами статуса гражданина. Вопрос о том, какие качества и поступки делают варвара римлянином, становился центральным в дискурсе Поздней античности. Так, уважение Аврелия Виктора к варварам было основано на доблести дикарей, сражавшихся за Рим: «До сего времени Империей правили рожденные в Риме или в Италии; в дальнейшем же – чужеземцы и, может быть, даже намного лучше… город Рим возрос главным образом благодаря доблести чужестранцев и заимствованным у других искусствам» (Aur. Vic. *De Caes.* XI, 12–13). Аврелий Виктор иллюстрирует естественный процесс трансформации римской идентичности, в котором варвары становились не просто гражданами, но и ключевыми фигурами империи. Вместо жесткого противопоставления «римлян» и «варваров» происходило постепенное слияние, которое вело к созданию нового, более широкого римского общества.

Сидоний Аполлинарий, будучи одним из главных ненавистников всего варварского, находил из этой среды достойных представителей. Одним из таких был вестготский король Теодорих II (453–466 гг.), которого римский интеллектуал описывал в письме своему другу – Агриколе. В начале текста Сидоний отмечает понятие «*civilitas*» (Sid. Epist. I. 2, 1), приписывая его Теодориху. Как отмечает исследователь П.П. Шкаренков, «*civilitas* – это не только вежливость и учтивость, но также способность и склонность правителя вести себя как подобает гражданину… вестготский правитель уже доказал свою принадлежность к римскому миру» [8, с. 317]. Для Сидония Аполлинария важным в личности Теодориха II являлось

приспособление последнего к римской культуре – при описании как физических, так и духовных характеристик вестготского правителя Сидоний «воспроизвел стереотипное расписание и манеру поведения отчасти римских императоров, отчасти провинциальных имперских функционеров – то есть собственно германского элемента в описании Сидония не содержится» [3, с. 104].

Аналогичная тенденция Сидония Аполлинария встречается и в отношении следующего вестготского короля – Эйриха (466–484 гг.). Так, римский интеллектуал посвятил одно стихотворение его жене – Рагнахильде (VII. 14, 10). Как отмечает Е. В. Литовченко, оказание должного внимания к варварской женщине было обусловлено тем фактом, что она владела латынью, что для Сидония «являлось одной из высших духовных ценностей и признаком принадлежности к высокой римской культуре» [4, с. 197], так как целью римской интеллектуальной элиты в позднеантичную эпоху было «поддержание высокого уровня латыни, её сбережения от проникновения варваризмов» [6, с. 78]. Его обращение к Рагнахильде показывает, что варварские королевы могли играть ту же культурную и социальную роль, что и римские знатные дамы. Важность владения латынью прослеживается и в письме Сидония римскому полководцу франкского происхождения Арбогасту: «Хотя ты пьешь из Мозеля, у тебя во рту – вкус Тибра; и поэтому твоя речь не содержит варваризмов» (IV. 17, 1). Эти цитаты подтверждают, что границы между варварской и римской элитой стирались: варвары не просто завоевали Галлию, но и перенимали римские традиции.

В сочинении Павла Орозия приводится иной критерий для принятия варваров: будучи христианским историком, для него важным представляется христианское вероисповедание. Он не только считает, что обращение варваров в других странах достойно похвалы, но и восхваляет прибытие варваров в империю, поскольку это приводит к их обращению и, возможно, умиротворению. В конце своего труда Орозий отмечает: «Впрочем, если только ради того варвары были впущены в римские земли, чтобы повсюду от востока до запада Церкви Христа пополнились в качестве верующих гуннами, свевами, вандалами, бургундионами и другими бесчисленными народами, милосердие Божье оказывается достойным похвалы и прославления, так как… эти племена получили знание об истине, каковое не смогли бы открыть, если бы не случилось все таким образом» (Oros. VII. 41, 8). Орозий предлагает новый критерий римскости: теперь варвары могут стать частью римского мира не через законы или культуру, а через христианскую веру. Это показывает, что процесс превращения варваров в римских граждан уже шел не только на политическом и юридическом, но и на религиозно-идеологическом уровне.

Другим важным аспектом трансформации идентичности варваров было участие последних в традиционной римской гражданской деятельности. Так, в конце IV столетия христианский богослов Синезий высмеивал варварских генералов, которые, «завернувшись в грубый плащ и надев сверху тогу, приходят рассуждать с римскими магистратами об общественных делах, восседая в первом ряду после консулов, выше стольких почетных граждан. Потом, выйдя из сената, они снова надевают одежды из звериных шкур и смеются с своими товарищами над этой тогой,

одеждой, как они говорят, неудобной для людей, которым нужно носить меч» (Syn. *De Regno* 20). Цитата Синезия представляет собой яркое ироничное свидетельство той двойственности, которая сопровождала процесс интеграции варваров в римское гражданское и политическое тело. Эти «новые» граждане, по внешним признакам принявшие римскую культуру (тога, участие в сенате), на деле сохраняли приверженность своим традициям и внутренне дистанцировались от римской идентичности. Синезий показывает варваров как людей, играющих роль римлян – надевших «маску» гражданства – но не идентифицирующих себя с Римом по духу. Образ смены звериной шкуры на тогу и обратно символизирует поверхностность и ритуальность их «римскости»: в сенате – *cives*, а вне его – прежние варвары. Насмешка над тогой, «неудобной для тех, кто носит меч», отражает неприятие цивилизованных римских норм как слабости, и подчёркивает сохранение агрессивной варварской идентичности. В более широком контексте слова Синезия выражают тревогу образованной римской элиты по поводу утраты культурной гомогенности: варвары не просто становятся частью Рима – они, оставаясь иными, начинают занимать в нём почётные места, в том числе в управлении.

Аналогичная точка зрения относительно участия варваров в римской гражданской деятельности встречается у Зосима. Византийский историк отмечает: «Гайна [варвар готского происхождения], который не обладал ни честью, ни деловыми качествами для должности магистра, никак не мог удовлетворить свою варварскую ненасытность к взяткам». Цитата Зосима отражает характерный для позднеантичной римской нарративной традиции взгляд на варваров, получивших высокие должности и формально ставших частью римского государственного аппарата. Гайна, гот по происхождению, занимавший пост *magister militum* (военный магистр), представлен здесь не как полноправный и уважаемый гражданин, а как чужак, чьи моральные и профессиональные качества якобы не соответствуют римским стандартам. Слова «не обладал ни честью, ни деловыми качествами» подчёркивают, что, даже находясь у власти, варвар воспринимается не как равный, а как чужеродный элемент в системе. Упоминание «ненасытности к взяткам» усиливает образ варвара как носителя коррупции, алчности и моральной порчи – черт, противопоставляемых идеализированному римскому *mos maiorum* (обычное право римлян). Тем самым варварское происхождение увязывается с внутренним разложением имперской элиты, а включение варваров в римские институты подаётся как симптом общего упадка. Слова Зосима иллюстрируют, как правовая инклюзия не означала социальной или культурной ассимиляции и как римская идентичность продолжала формироваться через отрицание варварского как противоположного по духу.

Несмотря на подобные обвинения в нечестии, жадности и несоответствии римским добродетелям, варвары, достигшие высокого статуса в империи, не только формально включались в римские институты, но и активно участвовали в традиционных формах аристократической репрезентации, включая сенаторский эвергетизм. Получив гражданство и доступ к должностям, многие из них перенимали и демонстрировали нормы элитарного поведения – возведение общественных зданий,

устройство празднеств, подношения городским общинам. Подобные жесты благотворительности, воспринимаемые как проявление римской *virtus* (гражданственность) и приверженности общему благу, становились способом легитимации нового статуса и культурной интеграции, а также, как отмечают исследователи Е. В. Литовченко и С. В. Шилина, формирования «положительного общественного мнения о человеке, который их совершал» [7, с. 107]. Так, по сообщению Р. Матизена, в 460-х годах «варварский патриций Рицимер финансировал мозаики для арианской церкви в Риме» [14, p. 210], а в 471 году «варварский мастер солдат Валила Теодобий продиктовал, вычитал и подписал сохранившийся donatio (дар), который основал никейскую церковь в Тиволи» [Ibid]. Данные факты иллюстрируют важный аспект трансформации варваров в римских граждан – их активное участие в институционализированных формах социальной щедрости и религиозного покровительства, типичных для позднеримской элиты. Финансирование строительства церквей и украшение их мозаиками – не просто проявление личного благочестия, но акт публичного самопредъявления, демонстрации статуса и приобщения к культурному коду римской аристократии. То, что подобные инициативы исходят от людей варварского происхождения, таких как гот Рицимер или Валила Теодобий, показывает: они не только занимали высокие посты, но и осваивали ключевые механизмы римского *habitus* (поведение). Следует заметить, что Валила не просто упоминается как жертвователь – он диктует, читает и подписывает дарственную формулу, то есть действует в соответствии с римскими канонами институциональной памяти и юридической точности. Таким образом, такие акты можно рассматривать как свидетельства глубокой степени интеграции: варвары становятся не просто формальными гражданами, а полноценными участниками римской культурной и социальной системы, выражающими свою принадлежность через язык архитектуры, права и религии.

Утверждение о «сопротивлении варварской культуры» римскому влиянию отражает распространённый в историографии стереотип о варварах как внешней, антагонистичной силе по отношению к Римской империи [18, p. 388]. Однако фактическое взаимодействие этих групп с римским миром было гораздо сложнее и глубже. Вандалы, остготы, вестготы, франки и лангобарды на протяжении нескольких поколений находились в постоянном контакте с римскими институтами, служили в армии, осваивали латинскую письменность, принимали участие в административной системе и участвовали в христианизации, зачастую принимая даже внутренние церковные споры. Их элиты перенимали римские формы власти, образа жизни, представления о легитимности и даже символику имперского величия.

По сути, эти «варвары» не существовали вне римского контекста: они возникли как политические образования именно в процессе и в результате взаимодействия с Римом. Государства остготов в Италии или вестготов в Испании невозможно представить вне римской правовой традиции, языка и административных структур. Даже на уровне самопонимания варварские короли нередко позиционировали себя не как разрушители, а как продолжатели римского порядка. Поэтому корректнее говорить не о противостоянии, а о включённости этих народов в культурный,

правовой и идеологический ландшафт поздней империи: они были не внешними разрушителями, а трансформирующими агентами внутри римского мира. После падения Западной Римской империи в 476 году варварские королевства, возникшие на её территории, продолжили соблюдать многие римские традиции и обычаи. Вестготы, остготы, бургунды и франки, правившие бывшими римскими провинциями, переняли римские административные структуры, систему налогообложения и латинский язык как язык управления. Варварские правители, стремясь легитимизировать свою власть, часто сохраняли римские титулы, чеканили монеты с императорскими символами и поддерживали римские законы, которые адаптировались в правовых сводах новых государств.

Римские культурные традиции также оставались значимыми в повседневной жизни. Городская элита продолжала пользоваться римской одеждой, латинской письменностью и придерживаться римского стиля жизни, особенно в Италии и Галлии. Варварские короли, такие как Теодорих Великий, покровительствовали римским философам, юристам и архитекторам, что способствовало сохранению римского наследия в общественных и религиозных институтах. Римские обычаи в повседневной жизни (свадьбы), судопроизводстве и землевладении продолжали действовать и влиять на правовые и социальные нормы варварских королевств.

Так, во второй части сочинения Анонима Валезия представляется жизнеописание короля остготов, а в дальнейшем и короля Италии – Теодориха Великого (470–526 гг.). Анонимный автор представляет его успешным правителем, справившимся с политическим кризисом, вызванным захватом власти Одоакром в 476 году: «В его времена на тридцать лет в Италии установилось такое благополучие, что мир продолжался и после» (Anon. Val. II. XII, 59). Одним из успехов Теодориха, отмеченным в сочинении, является веротерпимость по отношению к ортодоксальным христианам (сам Теодорих придерживался арианства): «он ничего не помышлял против католической религии, так что римляне именовали его [вторым] Траяном или Валентинианом, временам которых он неуклонно следовал, а готы после [издания им] эдикта, по которому определялось право, считали его самым деятельным королем» (II. XII, 60). Нельзя пропустить и «крылатое» выражение Теодориха, упомянутое в данном сочинении: ««Жалкий римлянин подобен готу, разумный же гот подобен римлянину» (II. XII, 61). Данные цитаты свидетельствуют о том, что к началу VI века процесс интеграции варваров в римский мир завершился: варварские короли уже не были варварами в привычном смысле, а стали продолжателями римской традиции. Теодорих Великий – яркий пример этого, так как он принял римские государственные традиции, уважал римское население и религию, закрепил правовые нормы, обеспечившие мирное сосуществование римлян и готов. Таким образом, правление Теодориха демонстрирует конец эпохи варварских завоеваний и начало эпохи варварских государств, которые видели себя преемниками Рима.

На основании сказанного можно сделать следующий вывод: анализ позднеантичных нарративных источников показывает, что процесс интеграции варваров в римскую идентичность был сложным и многогранным. В исторических хрониках, надписях, литературных и юридических текстах IV – VI века прослеживается

постепенное превращение варваров из внешних врагов Рима в его полноправных граждан и даже правителей. Это было обусловлено как политическими реалиями, так и изменениями в самом понимании «римскости» (*Romanitas*), которая в этот период всё больше определялась не этническим происхождением, а приверженностью римским ценностям, законам и христианской вере.

Римские авторы, такие как Аврелий Виктор, Клавдий Клавдиан, Олимпиодор, Павел Орозий, Сидоний Аполлинарий и анонимные хронисты, создавали нарратив, в котором варвары не просто разрушали империю, но и становились её преемниками. Их интеграция в римское общество происходила через службу в армии, принятие римских титулов, освоение латинского языка и культуры, брачные союзы и христианизацию. Эти элементы формировали новую римскую идентичность, которая в значительной степени утратила жёсткие этнические границы, характерные для более ранних периодов.

Ключевую роль в этом процессе сыграла христианская традиция, особенно в трудах Орозия, который интерпретировал варварские вторжения как часть божественного замысла, способствующего расширению христианского мира. Одновременно такие фигуры, как Теодорих Великий, демонстрируют, что варварские правители могли восприниматься как достойные наследники римских императоров, если они придерживались римских законов и традиций.

Таким образом, позднеантичная нарративная традиция отражает глубокую трансформацию понятия римского гражданства и идентичности. Она свидетельствует о том, что к VI веку варвары перестали быть чужаками в римском мире и стали его неотъемлемой частью. Этот процесс, начавшийся с включения варваров в римскую армию и завершившийся правлением варварских королей в бывших римских провинциях, знаменует собой переход от единой Римской империи к новой политической реальности средневековой Европы.

Список использованных источников и литературы

1. Банников А. В. Позднеримские Auxilia // Античный мир и археология.– Саратов, 2006. – № 12. – С. 238–251.

Bannikov A. V. Pozdnerimskie Auxilia // Antichnyi mir i arkheologiya.– Saratov, 2006. – № 12. – S. 238–251.

2. Кирчанов М. В. Изобретение «римского», воображение «варварского»: конструирование имперской идентичности Рима в поздних текстах Овидия // Современные исследования социальных проблем. Красноярск, 2023. – № 2. – С. 255–287.

Kirchanov M. V. Izobretenie «rimskogo», voobrazhenie «varvarskogo»: konstruirovanie imperskoi identichnosti Rima v pozdnikh tekstakh Ovidiya // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem. Krasnoyarsk, 2023. – № 2. – S. 255–287.

3. Коньков Д. С. Дихотомия дружбы и вражды в римско-вестготских отношениях как стратегия этносоциальной адаптации: Торисмунд и Теодорих II // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 374. – С. 102–106.

Kon'kov D. S. Dikhotomiya druzhby i vrazhdy v rimsko-vestgotskikh otnosheniyakh kak strategiya etnosotsial'noi adaptatsii: Torismund i Teodorikh II // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 374. – S. 102–106.

4. Литовченко Е. В. К вопросу о взаимоотношениях римлян с варварами в эпоху поздней античности // Всероссийская молодежная конференция «Когнитивное моделирование: динамика

гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности»: материалы докладов и выступлений. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2011. – С. 194–198.

Litovchenko E. V. K voprosu o vzaimootnosheniyakh rimlyan s varvarami v epokhu pozdnei antichnosti // Vserossiiskaya molodezhnaya konferentsiya «Kognitivnoe modelirovanie: dinamika grazhdanskogo obshchestva i faktor natsional'no-konfessional'noi tolerantnosti»: materialy dokladov i vystuplenii. – Belgorod: NIU «BelGU», 2011. – S. 194–198.

5. Литовченко Е. В. К вопросу о свадебной церемонии в письмах Сидония: некоторые аспекты ритуала // Научные ведомости. Серия История. Политология. Белгород, 2016. – № 22. – С. 56–61.

Litovchenko E. V. K voprosu o svadebnoi tseremonii v pis'makh Sidoniya: nekotorye aspekty rituala // Nauchnye vedomosti. Seriya Istoriya. Politologiya. Belgorod, 2016. – № 22. – S. 56–61.

6. Литовченко Е. В. Чаша Сидония, кубок Эннодия и кольцо Авита: экфрасис в поздней античности // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». – 2024. – № 3. – С. 75–87.

Litovchenko E. V. Chasha Sidoniya, kubok Ennodiya i kol'tso Avita: ekfrasis v pozdnei antichnosti // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya». – 2024. – № 3. – S. 75–87.

7. Литовченко Е. В., Шилина С. В. Патронат и эвергетизм в позднеантичном обществе (по материалам сочинений авторов V – первой половины VI вв. // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 103–113.

Litovchenko E. V., Shilina S. V. Patronat i evergetizm v pozdneantichnom obshchestve (po materialam sochinenii avtorov V – pervoi poloviny VI vv. // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 4. – S. 103–113.

8. Шкаренков П. П. Образ Теодориха II в сочинениях Сидония Аполлинария: римская civilitas вестготского rex // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2018. – № 2. – С. 313–325.

Shkarenkov P. P. Obraz Teodorikha II v sochineniyakh Sidoniya Apollinariya: rimskaya civilitas vestgotskogo rex // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. – 2018. – № 2. – S. 313–325.

9. Brown P. Power and Persuasion in Late Antiquity. Towards a Christian Empire. – Madison: University of Wisconsin Press, 1992. – 192 p.

10. Demougeot E. Restrictions à L'expansion du Droit de Cité dans la Seconde Moitié du IVe Siècle // Ktema. – 1970. – Vol. 6. – P. 381–393.

11. Gardner J.F. Being a Roman Citizen. – London: Routledge, 1993. – 256 p.

12. Garnsey P. Roman Citizenship and Roman Law in the Late Empire // Approaching late antiquity. The transformation from early to late empire. Oxford: Oxford University Press, 2004. – P. 133–155.

13. Halsall G. Transformations of Romanness // Historian of the Edge. The Historical, Philosophical and Political Musings of an Autistic Historian. 2013, October 27. [Электронный ресурс]. URL: https://600transformer.blogspot.com/2013/10/ (дата обращения 3 февраля 2025).

14. Mathisen R. W. Becoming Roman, Becoming Barbarian: Roman Citizenship and the Assimilation of Barbarians into the Late Roman World // Migration and Membership Regimes in Global and Historical Perspective. – Leiden: Brill, 2013. – P. 191–217.

15. Rohrbacher D. The Historians of Late Antiquity. – London and New York: Routledge, 2002. – 332 p.

16. Sherwin-White A.N. The Roman Citizenship: A Survey of its Development into a World Franchise // Aufstieg und Niedergang der römischen. Welt 1, 2. – Berlin: Walter de Gruyter, 1972. – P. 23–58.

17. Sollner A. Inführung in die Römische Rechtsgeschichte. – Munich: Beck, 1980. – 186 p.

18. Von Rummel P. The Fading Power of Images: Romans, Barbarians, and Uses of a Dichotomy in Early Medieval Archaeology // Post-Roman transitions: Christian and Barbarian identities in the early medieval West. – Turnhout: Brepols Publishers, 2013. – P. 365–406.

Bredikhin V. V. From Barbarian to Citizen: The Road to Roman Identity in the Late Antique Narrative Tradition

This article examines the transformation of barbarians from external enemies of the Roman Empire into full-fledged citizens and even rulers within the context of Late Antique narrative tradition. The author analyzes

a wide range of texts from the fourth to sixth centuries, including historical chronicles and rhetorical works such as those by Sidonius Apollinaris, Claudius Claudianus, Paulus Orosius, Olympiodorus, and others. The focus is on the various narrative strategies that reflect the process of integrating barbarians into Roman society: military service, the granting of civil rights, intermarriage with Romans, mastery of the Latin language and cultural codes, and the adoption of Christianity. The article demonstrates how these processes blurred the traditional boundaries between «Romans» and «barbarians», forming a new identity based not so much on ethnic origin as on cultural, legal, and religious markers. Special attention is given to the analysis of policies integrating barbarians into the army and administration of the empire, their social mobility, and changes in the perception of Romanness (Romanitas) in the context of political crisis, migration, and the spread of Christianity. The article shows that by the sixth century, barbarians were no longer seen as a threat to the empire but as its successors, continuing Roman traditions within the new political realities of early medieval Europe. Thus, the Late Antique narrative tradition emerges as a key source for understanding the evolution of the concepts of «Roman», «barbarian», and «citizenship», reflecting the transition from the classical Roman world to a new medieval order.

Keywords: Late Antiquity; barbarians; Romans; Romanitas; narrative tradition; citizenship.

УДК 94(47):004.43(73:52)

DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18678506

РАЗВИТИЕ ЛИСП-КУЛЬТУРЫ В США И ЯПОНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Горлянский С. П.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: nconc@mail.ru

Представлен сравнительно-исторический анализ формирования и развития уникальной Лисп-культуры в двух ведущих технологических центрах второй половины XX века – США и Японии. Исследуется, как различия в социально-академическом контексте, институциональной поддержке и национальных исследовательских программах (таких как Агентство перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США и японский Институт новых поколений компьютерных технологий) определяли траектории развития этого языка функционального программирования и сообществ вокруг него. В США Лисп-культура анализируется как порождение «хакерской» среды университетских лабораторий (Массачусетский технологический институт, Стэнфордский университет), что привело к коммерциализации в форме Лисп-машин. В Японии фокус смещается на централизованные государственные усилия по созданию платформы для искусственного интеллекта, где Лисп стал инструментом национальной технологической стратегии. Методология исследования основана на сравнительном анализе исторических источников, архивных материалов и интервью. Делается вывод о принципиально разных моделях развития: «снизу вверх» (американская модель, движимая сообществом) и «сверху вниз» (японская модель, движимая государством). Наследие этих путей продолжает влиять на современные подходы к функциональному программированию и организацию научных исследований в области компьютерных наук.

Ключевые слова: Лисп, история информатики, сравнительный анализ, США, Япония, искусственный интеллект, хакерская культура, проект «Пятого поколения», функциональное программирование, сообщество программистов.

В эпоху новой гонки за лидерство в области искусственного интеллекта, квантовых вычислений и других стратегических технологий, обращение к опыту 1980-х годов – периода аналогичной «гонки» за искусственный интеллект, с точки зрения российских ученых является крайне актуальным. Вопросы о роли государства (как в Японии 80-х или современных Китае и ЕС) против роли частной инициативы и венчурного капитала (как в США) лежат в основе современных дискуссий о технологическом суверенитете и конкурентоспособности.

В генеалогии идей Лисп-культура является прямым предшественником и источником многих ключевых явлений современного IT-мира: движения за свободное программное обеспечение (выходцы из MIT AI Lab – Лаборатории искусственного интеллекта Массачусетского технологического института, такие как Ричард Мэттью Столлман [33]), эстетики функционального программирования, лежащей в основе многих современных языков, и самой хакерской этики как системы ценностей.

Статья позволяет проследить, как культурные паттерны, сформированные вокруг Лиспа, мигрировали и трансформировались, повлияв на современные сообщества разработчиков (например, устойчивое японское сообщество Common Lisp [32; 41]). Это важно для понимания преемственности и трансляции знания в технологических дисциплинах.

В статье проводится сравнительный анализ развития Лисп-культуры – уникального социотехнического феномена, объединяющего идеи функционального программирования, исследований в области искусственного интеллекта и специфической субкультуры разработчиков. Цель работы – выявить национально-культурные особенности становления этой культуры в США и Японии. Показано, что в США она сформировалась как органичная часть академической «хакерской этики» и привела к появлению специализированной аппаратуры (Lisp-машины). В Японии же Лисп был адаптирован в рамках масштабной национальной программы (ICOT) как стандартизированный инструмент для прорыва в области ИИ, что наложило отпечаток на более формализованный и централизованный характер местного Лисп-сообщества. Анализ демонстрирует, как одни и те же технологические основы порождают различные культурные и институциональные практики в разных национальных контекстах. Результаты исследования важны для понимания механизмов диффузии и адаптации культур программистских сообществ.

Объектом данного исследования является история языка программирования Лисп в контексте глобального соперничества в компьютерных технологиях в 1970–1980-е годы. Предметом – сравнительный анализ путей его институционализации и формирования вокруг него научно-технических сообществ («культур») в США и Японии. На основе историко-научного метода авторы реконструируют две различные модели: американскую, характеризующуюся предпринимательской активностью, выросшей из академической среды, и японскую, представляющую собой пример целенаправленной государственно-корпоративной политики. Особое внимание уделяется влиянию проектов DARPA и ICOT на формирование исследовательских проектов и инфраструктуры. Статья вносит вклад в историю информатики, детализируя, как национальные инновационные системы влияли на развитие конкретных парадигм программирования и формирование профессиональных культур в эпоху становления искусственного интеллекта как дисциплины.

Историография вопроса носит междисциплинарный характер, располагаясь на пересечении истории науки и технологий (STS), культурологии, истории программирования и сравнительных исследований. Представленный список исследований можно тематически сгруппировать для выявления сложившегося дискурса и лакун, которые заполняет данная статья.

Вначале обратимся к исследованиям, освещающим общий контекст истории вычислений и хакерской культуры. Фундаментальный исторический контекст для анализа обеспечивают работы по общей истории вычислительной техники и формированию профессиональных сообществ. Классической и неизменно цитируемой работой, задавшей канон понимания хакерской этики, является книга Стивена Леви «Hackers: Heroes of the Computer Revolution» («Хакеры: Герои

компьютерной революции») [22; 23]. Она содержит живые описания атмосферы в лабораториях MIT и Stanford, где формировалась ранняя Лисп-культура как часть более широкого мировоззрения. Этот социокультурный аспект дополняется исследованием Шерри Тёркл «Life on the Screen» («Жизнь на экране») [40], которая изучала идентичность и культуру программирования в MIT, включая взаимодействие с Lisp-машинами.

Более широкий исторический фон, включающий институциональные и экономические аспекты развития компьютерной индустрии в США, представлен в классическом труде Кэмпбелл-Келли и др. «Computer: A History of the Information Machine» («Компьютер: История информационной машины») [10]. Исследование Натана Энсменджера «The Computer Boys Take Over» («Компьютерные парни захватывают власть») [12] фокусируется на генезисе профессиональной идентичности программистов и борьбе за экспертный статус, что создает теоретическую рамку для анализа сообщества Лисп-программистов как технической элиты. Контекст послевоенных американских исследований, в недрах которых зародился и Лисп, и ИИ, детально раскрыт в работе Атсуши Акера «Calculating a Natural World» («Вычисляя естественный мир») [7].

Затем рассмотрим исследования американской Лисп-культуры и эволюции языка. Непосредственно истории Лиспа и его культурного фона посвящены как технические, так и исторические работы. Важным источником является статья самих создателей и видных деятелей сообщества – «The Evolution of Lisp» («Эволюция Лиспа») Гая Стила и Ричарда Гэбриела [34], представляющая собой авторитетный исторический обзор, написанный «изнутри». Более раннюю хронику предлагает Х. Стоян в «The History of LISP» («История Лиспа») (1980) [36]. Философско-культурную рефлексию о связи Лиспа и мышления в области ИИ дает статья П. Уинстона «Artificial Intelligence and the Culture of LISP» («Искусственный интеллект и культура Лиспа») (1984) [42]. Популярный и влиятельный взгляд на элегантность идей языка представлен в эссе Пола Грэма «The Roots of Lisp» («Истоки Лиспа») (2001) [16].

Специализированные исследования показывают Лисп как среду для реализации крупных идей. Книга Питера Норвига «Paradigms of Artificial Intelligence Programming» («Парадигмы программирования искусственного интеллекта») (1992) [30] является не только учебником, но и демонстрацией мощи Common Lisp для задач ИИ, фиксируя культуру «практического» Лиспа 1980-х. Работа Д. Боброу и М. Стефика «The Knowledge Medium» («Среда знаний») (1986) [9] отражает дискурс эпохи о Лиспе как о среде для представления знаний. В отечественной науке общий технико-исторический обзор развития функционального программирования, включая Лисп, представлен в статье Е. А. Шикина [6]. Более поздний культурологический анализ эволюции языков программирования провел И. В. Смирнов [4].

Далее рассмотрим исследования, посвященные анализу японского проекта «Пятого поколения» (FGCS) и роли Лиспа. Японская ветвь развития освещена в литературе, фокусирующейся на стратегии, итогах и уроках проекта FGCS.

Ключевым программным документом, раскрывающим исходную философию, является статья руководителя проекта Кадзухиро Фути «The direction the FGCS project will take» («Курс, который возьмет проект FGCS») (1983) [14]. Личную перспективу и оценку спустя десятилетие предлагает Т. Мотоко-ока в статье «The Fifth Generation Project: Personal Perspectives» («Проект пятого поколения: Личные взгляды») (1993) [29]. Историческую ретроспективную оценку проекта как явления в истории вычислительной техники дает статья Х. Мацуда «The Fifth Generation Computer Project: A Triumph or a Failure?» («Проект компьютеров пятого поколения: Триумф или провал?») (2014) [26].

Отечественные исследователи также проявляли интерес к этому феномену. Статья Е. Горного [2] представляет собой редкое для российского гуманитарного знания глубокое культурологическое исследование японского технологического вызова. Более прикладной, политологический анализ уроков проекта для России содержится в работе А. Н. Хахаева [5]. Работа Б. С. Гершунского (1990) [1] отражает ранний советский/российский интерес к философским и образовательным аспектам информатизации и искусственного интеллекта, в контексте которых воспринимался и японский проект.

В завершение изучим сравнительные исследования и работы, задающие методологический фундамент. Наиболее близкой по тематике и методологии к заявленной статье является диссертационное исследование О. А. Малютиной [3], в котором проводится сравнительный анализ становления искусственного интеллекта в США и Японии. Эта работа предоставляет ценный историографический и методический каркас для анализа технологических культур. Идеологический фундамент части американской Лисп-культуры, связанной со свободным программным обеспечением, отражен в «The GNU Manifesto» («Манифест GNU») Р. Столлмана (1985) [33], что важно для понимания ценностного раскола в сообществе. Классический сборник «Computers and Thought» («Компьютеры и мышление») под редакцией Э. Фейгенбаума и Дж. Фельдмана [13] задает интеллектуальный контекст эпохи раннего искусственного интеллекта, где Лисп играл ключевую роль.

Анализ литературы выявляет, что при наличии значительного массива работ по истории Лиспа [6; 16; 30; 34; 36] и японского проекта FGCS [2; 5; 14; 26; 29] в отрыве друг от друга, комплексное сравнительно-историческое исследование Лисп-культуры как социотехнического феномена в США и Японии не проводилось. Существующие исследования либо фокусируются на технической эволюции, либо на институциональной истории проекта «Пятого поколения», либо на общей хакерской культуре. Данная статья призвана заполнить эту лакуну, синтезировав два данных направления: рассмотреть Лисп не только как язык, но как культурное явление, развитие которого в США и Японии было обусловлено разными национальными моделями инноваций (сетевая академическая «культура снизу» против координируемой государством «стратегия сверху»). Методологическую основу для такого синтеза предоставляют работы по истории технологий [7; 10; 12], STS и сравнительные исследования [3].

Несмотря на обширную историографию по развитию вычислительной техники и программирования [10; 12], глубокие сравнительные исследования национальных путей развития конкретных парадигм программирования и их культурного измерения остаются редкими. Данная работа фокусируется на Лиспе не просто как на языке, а как на уникальном социотехническом феномене («Лисп-культуре»), что позволяет перейти от истории «железа» и алгоритмов к истории идей, практик и сообществ.

Исследование также обусловлено необходимостью преодоления фрагментарности в историографии развития Лиспа-сообщества. Существуют отдельные исследования по американской хакерской культуре [23; 40] и японскому проекту «Пятого поколения» [2; 26], однако их системное сравнение под углом зрения развития одной технологической культуры не проводилось. Настоящее исследование призвано синтезировать эти два пласта, выявив общие закономерности и фундаментальные различия.

Цель исследования – провести сравнительно-исторический анализ генезиса, институциональных форм и культурных паттернов Лисп-сообществ (Лисп-культуры) в США и Японии во второй половине XX – начале XXI века, выявив специфику национальных моделей инноваций в области фундаментального программного обеспечения и их долгосрочное социотехническое влияние.

Для достижения поставленной цели формулируются следующие задачи:

– реконструировать истоки и эволюцию американской Лисп-культуры как феномена, рожденного в академической среде;

– проанализировать роль ключевых исследовательских центров (MIT AI Lab, Stanford, CMU) и источников финансирования (например, DARPA) в становлении Лиспа как инструмента для ИИ;

– выявить ценностные основания и практики «хакерской этики», сформировавшиеся вокруг Лиспа, и их связь с более поздними движениями (например, свободное программное обеспечение);

– исследовать процесс коммерциализации и его кризис на примере Lisp-машин (Symbolics) и идеологического раскола, отраженного в дискурсе «Worse is Better» («Хуже, но лучше»);

– проанализировать генезис и специфику японской Лисп-культуры как результата целенаправленной государственно-корпоративной стратегии;

– изучить философию, структуру и цели проекта компьютеров Пятого поколения (ICOT) как системного драйвера для адаптации и развития Лиспа в Японии;

– определить особенности японской адаптации языка (на примере Kyoto Common Lisp – KCL) и его интеграции в национальную исследовательскую и промышленную инфраструктуру;

– оценить долгосрочное наследие проекта ICOT и его влияние на формирование устойчивого профессионального сообщества в Японии;

– провести синхронический и диахронический сравнительный анализ двух моделей, выделив ключевые факторы различий и сходств;

– сравнить институциональные ландшафты: взаимодействие академии, государства и бизнеса в США и Японии;

– провести сравнение культурных кодов сообществ: индивидуализм и культ мастерства против коллективизма и инженерного прагматизма; открытость/фрагментация против централизации/стандартизации;

– провести исторический анализ различных технологических траекторий: путь от исследования к нишевой коммерциализации (США) и путь от национальной программы к устойчивой нишевой экосистеме (Япония);

– обобщить результаты сравнительного анализа в рамках теоретических концепций STS и истории технологий, сформулировав выводы о взаимовлиянии технологий (язык Лисп), социальных институтов и культурных ценностей в разных национальных контекстах, эффективности моделей «инноваций снизу» (США) и «стратегического планирования сверху» (Япония) в области фундаментального программирования, а также исторических уроках, которые данный кейс предлагает для современной дискуссии о национальных инновационных системах, технологическом суверенитете и развитии исследовательских сообществ [2; 3; 5; 26].

Таким образом, последовательное решение этих задач позволит не просто описать историю Лиспа в двух странах, но и предложить объяснительную модель, связывающую особенности технологического развития с конкретными социально-историческими и культурными контекстами, что является центральным вкладом работы в современную историографию информатики и STS.

Источниковая база сравнительно-исторического исследования условно делится на несколько групп, отражающих генезис, институциональное развитие, идеологические противоречия и межкультурный диалог в рамках Лисп-сообщества. В первую очередь рассмотрим источники, которые отражают теоретические истоки и ранние практики развития Лисп-культуры в США.

Основанием для анализа служат первоисточники, зафиксировавшие рождение языка и его философии. Основополагающая статья Джона Маккарти «Recursive Functions of Symbolic Expressions and Their Computation by Machine, Part I» («Рекурсивные функции символьных выражений и их вычисление на машине. Часть I») [28] представляет не только техническое описание, но и интеллектуальный манифест, связывающий Лисп с фундаментальными вопросами искусственного интеллекта. Практическое воплощение этих идей отражено в первых руководствах: The Original «LISP I Programmer's Manual» («Оригинальное руководство программиста по LISP I») (1960) [38] и более позднем, но каноническом «LISP 1.5 Programmer's Manual» («Руководство программиста по LISP 1.5») [24]. Эти документы задали стандарты мышления и работы для первого поколения программистов. Важным источником для понимания генезиса является также личная ретроспектива создателя языка – «History of Lisp» («История Лиспа») Дж. Маккарти [27], написанная в 1978 году.

Для реконструкции повседневной среды, в которой формировалась уникальная хакерская культура вокруг Лиспа, ключевое значение имеют архивные материалы MIT AI Lab (AI Memos) («Лаборатории искусственного интеллекта MIT (Меморандумы по ИИ)») [8]. Этот корпус внутренних технических отчетов, дискуссий и черновых записей позволяет наблюдать процесс «изнутри» – рождение

идей, стиль коммуникации и ценности сообщества (свободный обмен, техническое совершенство, элитаризм), из которого позднее выросли такие феномены, как движение за свободное программное обеспечение.

Далее обратимся к источникам, которые связаны с институционализацией, коммерциализацией и идеологический расколом в Соединенных Штатах. Эволюция Лисп из академического инструмента в промышленный стандарт и предмет коммерции отражена в нескольких ключевых источниках. Кульминацией специализированной аппаратной культуры стали Lisp-машины Symbolics, документация по которым [37] служит материальным свидетельством попытки создания замкнутой, высокопроизводительной экосистемы, возникшей на стыке академических амбиций и предпринимательства.

Параллельно шел процесс стандартизации, итогом которого стала «Библия» Common Lisp – монография Г. Стила «Common LISP the Language» («Коммон Лисп как язык») [35], де-факто зафиксировавшая консенсус сообщества к концу 1980-х. Более формальным продолжением этого стандарта является «Common Lisp HyperSpec» («Гиперспецификация Common Lisp») [11]. Срез актуальных исследований и дискуссий на пике развития американской Лисп-культуры предоставляют «Proceedings of the 1984 ACM Symposium on LISP and Functional Programming» («Труды симпозиума ACM по Лиспу и функциональному программированию 1984 года») [31].

Глубокий идеологический раскол внутри сообщества, объясняющий, почему «лисповый» путь не стал мейнстримом, сформулирован в знаменитом эссе Ричарда Гэбриела «The Rise of «Worse is Better»» («Восход «Хуже, но лучше»») [15]. Этот текст является не только анализом, но и культурологическим манифестом, рефлексирующим конфликт между эстетикой «правильности» (The Right Thing) и прагматикой распространения (Worse is Better).

Перейдем к источникам по стратегической адаптации и государственной программе развития Лиспа в Японии. Японская траектория развития документирована через призму централизованной национальной стратегии. Ключевым комплексом источников являются ежегодные отчеты (Annual Reports) института ICOT [17] и его итоговый Final Report («Итоговый отчет») [18]. Эти документы детально раскрывают логику, структуру, технические задачи и промежуточные результаты проекта «Пятого поколения», в рамках которого Лисп (и его параллельные диалекты) был выбран в качестве базового инструментария. Дополнительный контекст предоставляют японские архивы проекта FGCS («Архивы проекта компьютеров пятого поколения») [21].

Адаптация языка под нужды проекта и национальной индустрии отражена в специфических технических документах, таких как отчет по Kyoto Common Lisp (KCL) («Отчет по Киотскому Коммон Лиспу») [43], который лег в основу многих японских разработок. Ценным источником, позволяющим увидеть процесс глазами непосредственного участника, являются работы Масаюки Иды, в частности, его доклад «What We Have Done with Common Lisp in Japan During 1984–1989» («Что мы

сделали с Common Lisp в Японии в 1984–1989 гг.») [20] и ретроспективный анализ 2002 года [19], оценивающий наследие и уроки японского опыта.

Важным источником, непосредственно связывающим японский контекст с Лиспом, являются материалы конференций, такие как «Lisp activities in Japan» («Активности Лиспа в Японии») (1979) [25], а также современные дискуссии в сообществе, например, на форуме Reddit [41] и сайте CLiki [32], которые фиксируют устойчивое присутствие японских разработчиков в современной экосистеме Common Lisp.

В завершение обратимся к источникам, отражающим сравнительный контекст развития Лисп-культуры в США и Японии. Для более глубокого понимания уникальности парадигмы, предложенной Лиспом, полезным источником сравнительного контекста является отчет по языку ALGOL 60 «The Revised Report on the Algorithmic Language ALGOL 60» («Пересмотренный отчет по алгоритмическому языку ALGOL 60») [39], олицетворявший иной, структурированный императивный подход к программированию, доминировавший в то время.

Таким образом, представленный корпус источников позволяет провести многоуровневый сравнительный анализ. Американские материалы [8; 15; 24; 28; 31; 35; 37; 38] демонстрируют эволюцию «культуры снизу»: от теоретического манифеста и академических мастерских через коммерциализацию и идеологические баталии к промышленной стандартизации. Японские документы [17; 18; 19; 20; 21; 43] иллюстрируют модель целенаправленного построения «культуры сверху», где язык был инкорпорирован в рамки масштабной государственно-корпоративной программы. Совместное рассмотрение этих двух массивов источников позволяет выявить не только национальные особенности технологического развития, но и общие закономерности формирования профессиональных сообществ вокруг сложных интеллектуальных технологий.

Теоретическая значимость работы заключается в её вкладе в несколько исследовательских полей: история информатики и STS – исследование предлагает конкретный кейс для анализа взаимосвязи технологии, социальных институтов и культурных ценностей, углубляя понимание формирования «культур программирования» как исторических феноменов; сравнительные исторические исследования – работа развивает методологию сравнения национальных моделей технологического развития, внося вклад в теорию национальных инновационных систем [3]; культурология языков программирования – статья раскрывает, как универсальные технические артефакты (язык программирования) порождают различные практики и идентичности в зависимости от культурного контекста [4].

Практическая значимость исследования проявляется в следующих аспектах: уроки для технологической политики – анализ успехов и неудач двух моделей (риски изоляции элитарных проектов в США и сложности коммерциализации масштабных государственных программ в Японии [5; 26]) предоставляет ценный исторический материал для современных дискуссий о стратегиях развития в области ИИ и других прорывных технологий; понимание динамики IT-сообществ – выводы работы помогают осмыслить логику формирования, устойчивости и трансляции знаний в

профессиональных сообществах разработчиков, что актуально для управления инновациями в IT-секторе; образовательный потенциал – материалы исследования могут быть использованы в курсах по истории науки и техники, социологии технологий и основам программирования.

Зарождение Лисп-культуры в США неразрывно связано с узкой прослойкой академических лабораторий, занимавшихся передовыми исследованиями в области искусственного интеллекта в конце 1950-х – 1960-х годах. Теоретическим фундаментом стала статья Джона Маккарти «Recursive Functions of Symbolic Expressions and Their Computation by Machine, Part I» («Рекурсивные функции символьных выражений и их вычисление на машине. Часть I») (1960), в которой язык Лисп был представлен не просто как инструмент, а как формализация для манипуляции символами, необходимая для моделирования человеческого интеллекта [28]. Практическая реализация этих идей осуществлялась в стенах Массачусетского технологического института (MIT), что отражено в первых руководствах – «The Original «LISP I Programmer's Manual»» («Оригинальное руководство программиста по LISP I») [38] и «LISP 1.5 Programmer's Manual» («Руководство программиста по LISP 1.5») [24].

Ключевую роль в создании уникальной среды сыграла лаборатория искусственного интеллекта MIT (MIT AI Lab). Её внутренняя документация – «AI Memos» («Меморандумы по ИИ») [8] – представляет собой важный источник для реконструкции повседневных исследовательских практик, атмосферы свободного творчества и коллективного решения сложнейших задач. Эта среда, как отмечает Стивен Леви, стала «плавильным котлом» для формирования хакерской этики, где техническая виртуозность и преданность идее ставились выше формальных рамок [22]. Финансирование этих радикальных исследований обеспечивалось в значительной степени Агентством перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA), которое в эпоху Холодной войны видело в ИИ стратегическую технологию [7]. Таким образом, ранняя Лисп-культура сформировалась на уникальном пересечении академической свободы, военно-стратегического финансирования и утопических устремлений пионеров искусственного интеллекта.

Изолированная среда MIT AI Lab стала ядром, из которого начала кристаллизоваться особая субкультура – сообщество Лисп-программистов. Его ценности, позднее описанные как «хакерская этика» [22; 23], включали убеждение в том, что доступ к компьютерам и информации должен быть неограниченным, а прогресс определяется исключительно техническим мастерством и креативностью («дело в коде»). Шерри Тёркл, изучавшая эту культуру, отмечала её глубоко личностный характер взаимодействия с машиной, где Лисп выступал как язык для «разговора» с компьютером на равных [40].

По мере роста интереса к языку и функциональному программированию в 1970-х – 1980-х годах сообщество институционализировалось. Важнейшую роль в этом процессе сыграли специализированные конференции, такие как «ACM Symposium on LISP and Functional Programming» (1984) («Симпозиум ACM по Лиспу

и функциональному программированию (1984)») [31]. Подобные форумы служили не только для обмена техническими достижениями, но и для укрепления групповой идентичности, воспроизводства норм и риторики сообщества. Публикации, от технических меморандумов [8] до канонических учебников [24; 38], стали основными артефактами, транслировавшими знания и культуру. Натан Энсменджер указывает, что формирование таких закрытых, элитарных сообществ с собственным языком и ценностями было типичным путем утверждения профессионального авторитета программистов в тот период [12].

Апофеозом и одновременно началом кризиса изолированной Лисп-культуры стала эпоха специализированных Lisp-машин в конце 1970-х – 1980-х годах. Стремление к максимальной производительности для задач ИИ привело к созданию аппаратно-программных комплексов, где и железо, и операционная система, и среды разработки были оптимизированы исключительно для Лиспа. Компания Symbolics, Inc., вышедшая из недр MIT, стала флагманом этого направления. Её техническая документация [37] демонстрирует невероятную сложность и изощренность этих систем, которые были материальным воплощением идеалов сообщества: мощь, элегантность и исключительный контроль над средой выполнения.

Однако этот путь привел к глубокому кризису. Коммерциализация, с одной стороны, вывела разработки из лабораторий, но с другой – создала дорогостоящие, проприетарные и закрытые экосистемы. Культурный раскол внутри сообщества был блестяще сформулирован Ричардом Гэбриелом в эссе «The Rise of "Worse is Better"» («Восход «Хуже, но лучше»») [15; 20]. Он противопоставил философию «правильности» (The Right Thing), воплощенную в сложных и чистых системах вроде Lisp-машин, философии «худшего, но более пригодного» (Worse is Better), которую олицетворяли более простые, прагматичные и быстро распространяющиеся технологии, такие как Unix и C. Распространение дешевых персональных компьютеров и рабочих станций на основе RISC-архитектур (коммодитизация «железа») окончательно подорвало экономическую основу нишевых Lisp-машин. Культура, построенная на идеалах технического совершенства в вакууме, столкнулась с рыночной реальностью.

Несмотря на коммерческий провал Lisp-машин и маргинализацию самого языка в мейнстриме индустрии, влияние американской Лисп-культуры оказалось глубоким и долговременным. Во-первых, она стала интеллектуальной колыбелью и полигоном для идей функционального программирования. Многие концепции (например, сборка мусора, динамическая типизация, функции высшего порядка), впервые массово реализованные и отточенные в Лиспе, стали постепенно проникать в другие языки. Анализ эволюции Лиспа, проведенный Гаем Стилом и Ричардом Гэбриелом «The Evolution of Lisp» («Эволюция Лиспа») [34], показывает, как сообщество служило инкубатором парадигм. Книга Питера Норвига «Paradigms of Artificial Intelligence Programming» («Парадигмы программирования искусственного интеллекта») (1992) [30] на десятилетия стала демонстрацией мощи и стиля мышления, характерного для этой культуры.

Во-вторых, ценностное наследие Лисп-культуры напрямую повлияло на формирование стартап-культуры Кремниевой долины, особенно в ее ранний, «хакерский» период. Идеология свободы творчества, пренебрежение иерархиями, вера в то, что небольшая группа талантливых людей может изменить мир технологией – все это корнями уходит в атмосферу MIT AI Lab [22; 40]. Более того, такие фигуры, как Ричард Столлман, начавший проект GNU как реакцию на закрытость систем типа Symbolics, прямо перенесли этические установки Лисп-сообщества в движение за свободное ПО, что нашло отражение в «The GNU Manifesto» («Манифест GNU») [33]. Философская рефлексия Пола Грэма, который в статье «The Roots of Lisp» («Истоки Лиспа») (2001) [16] воспевал элегантность языка, а на практике создал один из первых успешных веб-стартапов (Viaweb, написанный на Lisp), является ярким примером этой трансляции культурного кода из академических лабораторий 1960-х в венчурный бизнес конца 1990-х. Таким образом, Лисп-культура США, проиграв битву за массовый рынок языков программирования, одержала стратегическую победу, сформировав ключевые элементы идеологии и практики современной цифровой инновационной экосистемы.

В отличие от органичного, «снизу-вверх», развития Лисп-культуры в США, в Японии её становление было инициировано и жестко структурировано в рамках масштабной национальной программы – проекта компьютеров «Пятого поколения» (Fifth Generation Computer Systems, FGCS), запущенного в 1982 году под эгидой Министерства международной торговли и промышленности (Ministry of International Trade and Industry, MITI). Институтом, ответственным за реализацию, стал ICOT (Institute for New Generation Computer Technology) («Институт новых поколений компьютерных технологий»). Как отмечает в своей программной статье руководитель проекта Кадзухиро Фути, его цель была не в создании очередной, более мощной ЭВМ, а в фундаментальном прорыве к компьютерам, основанным на знаниях и параллельных вычислениях, способным на интеллектуальную обработку информации [14].

Лисп, с его ориентацией на символьные вычисления и гибкость, был избран в качестве одного из ключевых инструментальных языков для этой задачи. Ежегодные отчеты ICOT [17] и Итоговый отчет 1992 года [18] являются центральными источниками, детально документирующими не только технические цели, но и саму логику централизованного, планового подхода к инновациям, контрастирующую с американской моделью. Этот проект, по оценке историков, стал «культурным шоком» для западного IT-сообщества и попыткой Японии захватить стратегическую инициативу в области искусственного интеллекта [2; 26].

Японский подход к Лиспу характеризовался не столько развитием его теоретических основ, сколько прагматичной адаптацией под конкретные архитектурные цели проекта FGCS. Поскольку ядром проекта была параллельная машина PSI (Personal Sequential Inference machine), потребовались специальные реализации языка. Наиболее значимой из них стал Kyoto Common Lisp (KCL), созданный в Киотском университете. Отчет по KCL («KCL Report») [43] фиксирует процесс адаптации языка для эффективной работы на новых аппаратных платформах, что включало разработку компилятора в C для повышения портативности. Это

решение демонстрирует инженерный прагматизм: вместо создания замкнутой экосистемы, как в случае с американскими Lisp-машинами, японские разработчики интегрировали Лисп в более распространенный программный стек.

Дальнейшая эволюция в рамках проекта привела к созданию специализированных языков, таких как KL1 (Kernel Language 1), основанного на логическом программировании, но сохранившего влияние Лисп-парадигм для параллельных вычислений. Таким образом, в Японии Лисп рассматривался не как самодостаточная культура, а как платформа для построения инструментов следующего поколения, ориентированных на массовый параллелизм [29].

Краеугольным камнем японской модели была тесная триада «государство (MITI) – институт (ICOT) – промышленность». Крупнейшие электронные корпорации Японии – Fujitsu, Hitachi, NEC, Mitsubishi, Oki – были не просто подрядчиками, а полноправными участниками консорциума, направлявшими в ICOT своих инженеров и получавшими доступ ко всем результатам исследований для последующей коммерциализации. Это отражено в структуре отчетов ICOT («ICOT Annual Reports» и «ICOT Final Report») [17; 18], где значительное внимание уделяется координации с компаниями-участницами. Подобная модель гарантировала финансирование, быстрый прототипинг аппаратного обеспечения (те же машины PSI) и ориентацию на потенциальные рыночные применения.

В отличие от американской ситуации с конкурирующими стандартами (Maclisp, Interlisp, позже Scheme), в Японии в рамках проекта естественным образом доминировали де-факто национальные стандарты, такие как KCL («Kyoto Common Lisp Report») [43]. Это способствовало консолидации усилий, но, как отмечают исследователи, могло ограничивать плюрализм и экспериментаторство, характерные для США [26]. Работы Масаюки Иды, участника проекта, «What We Have Done with Common Lisp in Japan During 1984–1989» («Что мы сделали с Common Lisp в Японии в 1984–1989 гг.») [20] и его более поздние размышления [19] служат ценным источником, показывающим эту работу «изнутри» и процесс принятия решений в рамках корпоративно-государственной кооперации.

Лисп-сообщество в Японии сформировалось в принципиально ином социокультурном контексте. Вместо индивидуалистической «хакерской этики» MIT здесь доминировали ценности корпоративного коллективизма, иерархичности и инженерного прагматизма. Сообщество было не столько самоорганизующейся сетью энтузиастов, сколько профессиональной когортой инженеров и исследователей, мобилизованных для решения четко поставленной государственной задачи. Его деятельность была встроена в формальные структуры ICOT и корпоративных лабораторий. Это наложило отпечаток на стиль работы: акцент сместился с радикального новаторства и эстетики кода на надежность, стандартизацию и достижение измеримых результатов в срок.

Как отмечает Е. Горный, японский технологический вызов был основан на идее «организованного творчества» и гармонии групповых усилий [2]. Проявления этого сообщества хорошо видны в материалах международных конференций (например, «Lisp activities in Japan» («Активности Лиспа в Японии») (1979) [25]), где японские

доклады часто носили прикладной, системно-ориентированный характер. Даже сегодня устойчивое присутствие японских разработчиков в глобальном сообществе Common Lisp, отмечаемое в современных дискуссиях [32; 41], во многом является наследием этой инженерной школы, созданной в 1980-е годы, которая продолжила развитие технологии после формального завершения проекта FGCS. Таким образом, японская Лисп-культура предстает как феномен «сверху вниз», где технология и сообщество вокруг нее были конструируемыми элементами национальной инновационной стратегии.

Сравнительный анализ позволяет чётко выявить противоположные институциональные ландшафты, определившие развитие Лисп-культуры. В США доминировала академическо-рыночная модель, где инициатива исходила от университетских лабораторий (MIT, Stanford) [8; 40], получавших щедрое, но относительно свободное от директив финансирование от оборонного агентства DARPA [7]. Это создало среду для высокорисковых фундаментальных исследований, результаты которых передавались в частный сектор через стартапы (Symbolics, Lisp Machines Inc.) или лицензирование [37]. Государство выступало здесь скорее в роли заказчика и спонсора прорывных идей, нежели как централизованный планировщик.

В Японии действовала государственно-корпоративная модель. Инициатива исходила от Министерства международной торговли и промышленности (MITI), видевшего в технологиях «пятого поколения» стратегический шанс для страны [2; 14]. Был создан специальный институт ICOT [17; 18], координировавший работу «вертикального» консорциума, в который входили ведущие корпорации (Fujitsu, Hitachi) и отобранные университеты. Академия и рынок здесь были не самостоятельными движущими силами, а интегрированными элементами единого национального проекта, направляемого государством [26; 29].

Эти институциональные различия породили контрастные культурные паттерны. Американская Лисп-культура базировалась на индивидуалистической «хакерской этике», описанной С. Леви в книге «Hackers: Heroes of the Computer Revolution» («Хакеры: Герои компьютерной революции») [22; 23]. Высшей ценностью считались техническая виртуозность (the right thing), свобода творчества и меритократия, где авторитет определялся исключительно мастерством («дело в коде»). Коммуникация была неформальной, сетевой, часто конфликтной (что отразилось в «религиозных войнах» между диалектами), а групповая идентичность формировалась вокруг общих идей, а не формальных институтов, о чём свидетельствуют работы Ричарда Гэбриела «The Rise of «Worse is Better»» («Восход «Хуже, но лучше»») [15], Натана Энсменджера [12] и Шерри Тёркл «Life on the Screen» («Жизнь на экране») [40].

В Японии доминировал корпоративно-коллективистский этос. Ценностью были гармония группы, дисциплина, инженерный прагматизм и достижение поставленных целей в срок, что отражено в работах Масаюки Иды [19; 20]. Коммуникация была иерархической и формализованной в рамках структур ICOT и корпоративных лабораторий. Профессиональная идентичность японского Лисп-программиста была в первую очередь идентичностью инженера крупной компании или участника государственного проекта, а затем уже члена глобального сообщества энтузиастов,

что прослеживается в материалах конференций [25]. Это различие между «культурой гения» (США) и «культурой совершенствования» (Япония) оказало решающее влияние на траектории развития.

Порожденные этими контекстами технологические траектории также радикально разошлись. Американский путь – это траектория радикальной инновации «от нуля». Лисп создавался как новая парадигма для новой задачи (ИИ) [28]. Стремление к идеалу привело к созданию специализированных Lisp-машин, что отражено в их технической документации [37] – предельно оптимизированных, но замкнутых систем, оторванных от мейнстрима компьютерных технологий. Американская культура генерировала прорывные, но часто нефункциональные в рыночном смысле артефакты (пример философии «The Right Thing» по Ричарду Гэбриелу [15]).

Японский путь – это траектория стратегической адаптации и имплементации. Язык был взят как мощный готовый инструмент (Common Lisp) и адаптирован (KCL [43]) под конкретные архитектурные цели национального проекта – параллельные вычисления, как отмечено в анализе проекта [29]. Акцент делался не на создании новой экосистемы «с чистого листа», а на интеграции передовой технологии в существующую промышленную базу для решения масштабной прикладной задачи. Это был путь «Worse is Better» в его системном, плановом варианте: прагматизм и полезность выше чистоты идеи.

Несмотря на то, что ни одна из моделей не привела к глобальному доминированию Лиспа как основного языка программирования, их долгосрочное влияние оказалось глубоким и разнонаправленным. Наследие американской модели лежит в сфере идеологии и парадигм. Она стала питательной средой для движения за свободное ПО («The GNU Manifesto» («Манифест GNU») [33]), стартап-культуры Кремниевой долины [16; 22] и популяризации концепций функционального программирования, которые проникли в Python, JavaScript, Java и другие мейнстрим-языки [4; 6; 30]. Это влияние культурно-интеллектуальное.

Наследие японской модели проявилось в сфере инженерной практики и устойчивости нишевых сообществ. Проект FGCS стал классическим кейсом в управлении инновациями, уроком как потенциала, так и рисков масштабных государственных технологических программ [3; 5; 26]. Созданная им школа инженеров обеспечила долгосрочную жизнеспособность Лиспа в Японии, что объясняет его необычно высокую популярность в академических и промышленных кругах страны даже сегодня [32; 41].

В глобальном масштабе этот опыт повлиял на подходы к планированию исследований в области ИИ в других странах, включая Европу. Таким образом, сравнительный анализ показывает, что американская «культурная» модель породила волны радикальных идей, изменивших цифровой ландшафт, в то время как японская «системная» модель продемонстрировала силу целенаправленной мобилизации для овладения сложной технологией и сохранения компетенций. Оба подхода, со своими успехами и неудачами, остаются актуальными фреймами для современной дискуссии о национальных инновационных стратегиях в эпоху новой технологической конкуренции.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы: гипотеза о формировании американской Лисп-культуры как «академического авангарда» получила полное подтверждение. Анализ показал, что её генезис был обусловлен уникальной средой лабораторий ИИ (прежде всего, MIT AI Lab [8]), финансируемых DARPA [7] и объединённых ценностями «хакерской этики» [22; 23]. Эта культура, ориентированная на радикальную инновацию и технический идеализм, закономерно эволюционировала в сторону создания элитарных, замкнутых систем (Lisp-машины Symbolics [37]) и пережила глубокий кризис, вызванный столкновением с рыночным прагматизмом, что ярко отражено в идеологическом расколе вокруг дихотомии «The Right Thing» («Правильный подход») против «Worse is Better» («Хуже, но лучше») [15; 20].

В результате исследования также доказана гипотеза о японской модели как «стратегическом инструменте». Развитие Лисп-культуры в Японии было инициировано и жестко структурировано в рамках государственного проекта «Пятого поколения» (FGCS) и института ICOT [14; 17; 18]. Язык был прагматично адаптирован (KCL, Kyoto Common Lisp [43]) под задачи массового параллелизма и интегрирован в промышленную базу национальных корпораций (Fujitsu, Hitachi) [19; 20]. Сообщество сформировалось как профессиональная когорта инженеров, действовавшая в логике корпоративного коллективизма и инженерного прагматизма, что резко контрастировало с американской моделью [2; 25].

Сравнительный анализ демонстрирует, что различия обусловлены фундаментальными факторами: институциональными (плюралистическая сеть «академия-рынок» в США [12] против иерархической триады «государство-институт-корпорация» в Японии [26]) и культурными (индивидуализм и культ гения [40] против коллективизма и культа гармонии и совершенствования [2]). Эти факторы предопределили разные технологические траектории: путь радикальной, но часто нефункциональной в рыночном смысле инновации (США) и путь стратегической адаптации и имплементации для решения системной задачи (Япония).

Перспективы дальнейших исследований: настоящая работа открывает несколько перспективных направлений для дальнейших изысканий: сравнение с европейской Лисп-культурой. Логичным продолжением стало бы включение в анализ европейского опыта (например, развитие Лиспа во Франции, Великобритании, Германии и странах Скандинавии), где могли сформироваться свои уникальные модели, сочетающие элементы как академической свободы, так и государственного регулирования в рамках национальных и общеевропейских программ (ESPRIT).

Изучение наследия в конкретных отраслях: углубленное исследование влияния Лисп-культур на развитие конкретных областей, таких как системы автоматического доказательства теорем, компьютерная алгебра или экспертные системы, в сравнительной перспективе.

Биографический и сетевой анализ: детальное изучение роли ключевых персоналий (таких как Джон Маккарти [27; 28], Ричард Гринблатт, Кадзухиро Фути [14], Масаюки Ида [19; 20]) и анализ сетей коллаборации между американскими и

японскими исследователями через призму материалов конференций [25; 31] и архивной переписки.

Современное состояние и футурология – исследование того, как наследие двух исторических моделей проявляется в современных сообществах функционального программирования (Haskell, Clojure, Scala) и в современных государственных стратегиях развития искусственного интелеллекта (например, в Китае или ЕС), проводя исторические параллели и выявляя новые тенденции.

Таким образом, сравнительный анализ Лисп-культур США и Японии не только проясняет важный эпизод истории информатики, но и служит продуктивной аналитической линзой для осмысления фундаментальных вопросов о взаимодействии технологии, общества и культуры в современном мире.

Список сокращений

ACM – Association for Computing Machinery (Ассоциация вычислительной техники)

AI – Artificial Intelligence (искусственный интеллект)

ALGOL – Algorithmic Language (алгоритмический язык)

CMU – Carnegie Mellon University (Университет Карнеги-Меллон)

DARPA – Defense Advanced Research Projects Agency (Агентство перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США)

ESPRIT – European Strategic Programme for Research and Development in Information Technology (Европейская стратегическая программа исследований в области информационных технологий)

FGCS – Fifth Generation Computer Systems (компьютерные системы пятого поколения)

ICOT – Institute for New Generation Computer Technology (Институт новых поколений компьютерных технологий)

IEEE – Institute of Electrical and Electronics Engineers (Институт инженеров по электротехнике и электронике)

KCL – Kyoto Common Lisp (Киотский Common Lisp)

KL1 – Kernel Language 1 (язык ядра 1)

LISP – LISt Processor (обработчик списков)

MIT – Massachusetts Institute of Technology (Массачусетский технологический институт)

MITI – Ministry of International Trade and Industry (Министерство международной торговли и промышленности Японии)

NII – National Institute of Informatics (Национальный институт информатики)

PSI – Personal Sequential Inference machine (персональная последовательная машина вывода)

RISC – Reduced Instruction Set Computer (компьютер с сокращенным набором команд)

STS – Science and Technology Studies (исследования науки и технологий)

Список использованных источников и литературы

1. Гершунский Б. С. Философия информатизации образования и роль искусственного интеллекта // Педагогика. – 1990. – № 5. – С. 12–19.

Gershunskij B. S. Filosofiya informatizatsii obrazovaniya i rol′ iskusstvennogo intellekta // Pedagogika. – 1990. – № 5. – S. 12–19.

2. Горный Е. Цифровая культура и «пятое поколение»: японский вызов [Текст] / Е. Горный // Логос. – 2014. – Т. 24, № 1(97). – С. 147–170. – Электрон. дан. – Режим доступа: https://www. intelros. ru/readroom/logos/logos-2014-1/22638-cifrovaya-kultura-i-pyatoye-pokolenie-yaponskiy-vyzov. html (дата обращения: 25. 01. 2025).

Gornyj E. Tsifrovaya kul′tura i «pyatoe pokolenie»: yaponskij vyzov [Tekst] / E. Gornyj // Logos. – 2014. – T. 24, № 1(97). – S. 147–170. – Elektron. dan. – Rezhim dostupa: https://www. intelros.

ru/readroom/logos/logos-2014-1/22638-cifrovaya-kultura-i-pyatoye-pokolenie-yaponskiy-vyzov. html (data obrashcheniya: 25. 01. 2025).

3. Малютина О. А. Становление и развитие искусственного интеллекта в США и Японии (вторая половина XX в.): сравнительный анализ [Текст] : дис. … канд. ист. наук / О. А. Малютина. – М. , 2019. – 245 с.

Malyutina O. A. Stanovlenie i razvitie iskusstvennogo intellekta v SShA i Yaponii (vtoraya polovina XX v.): sravnitel′nyj analiz [Tekst] : dis. . . . kand. ist. nauk / O. A. Malyutina. – M. , 2019. – 245 s.

4. Смирнов И. В. Эволюция языков программирования и их культурный контекст: от Лиспа к современным парадигмам // Вестник Московского университета. Серия 15: Вычислительная математика и кибернетика. – 2018. – № 2. – С. 45–53. – DOI: 10. 3103/S0146411618020087.

Smirnov I. V. Evolyutsiya yazykov programmirovaniya i ikh kul′turnyj kontekst: ot Lispa k sovremennym paradigmam // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 15: Vychislitel′naya matematika i kibernetika. – 2018. – № 2. – S. 45–53. – DOI: 10. 3103/S0146411618020087.

5. Хахаев А. Н. Японский проект «Пятое поколение»: уроки для информационной политики России // Информационные войны. – 2010. – № 3 (15). – С. 5–18. – URL: https://cyberleninka. ru/article/n/yaponskiy-proekt-pyatoe-pokolenie-uroki-dlya-informatsionnoy-politiki-rossii (дата обращения: 24. 01. 2026).

Khakhaev A. N. Yaponskij proekt «Pyatoe pokolenie»: uroki dlya informatsionnoj politiki Rossii // Informatsionnye vojny. – 2010. – № 3 (15). – S. 5–18. – URL: https://cyberleninka. ru/article/n/yaponskiy-proekt-pyatoe-pokolenie-uroki-dlya-informatsionnoy-politiki-rossii (data obrashcheniya: 24. 01. 2026).

6. Шикин Е. А. История функционального программирования / Е. А. Шикин // Программирование. – 2002. – № 6. – С. 54–70. – Электрон. дан. – Режим доступа: https://www. mathnet. ru/php/archive. phtml?wshow=paper&jrnid=pr&paperid=727&option_lang=rus (дата обращения: 25. 01. 2025).

Shikin E. A. Istoriya funktsional′nogo programmirovaniya [Tekst] / E. A. Shikin // Programmirovanie. – 2002. – № 6. – S. 54–70. – Elektron. dan. – Rezhim dostupa: https://www. mathnet. ru/php/archive. phtml?wshow=paper&jrnid=pr&paperid=727&option_lang=rus (data obrashcheniya: 25. 01. 2025).

7. Akera A. Calculating a Natural World: Scientists, Engineers, and Computers during the Rise of U. S. Cold War Research. – Cambridge, MA: MIT Press, 2007. – 427 p. – ISBN 978-0262012232.

8. Artificial Intelligence Laboratory. MIT. Memo series (AI Memos) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dspace. mit. edu/handle/1721. 1/400 (дата обращения: 25. 01. 2025).

9. Bobrow D. G. , Stefik, M. The Knowledge Medium // AI Magazine. – 1986. – Vol. 7, no. 1. – P. 13–26. – URL: https://aaai. org/ojs/index. php/aimagazine/article/view/505 (дата обращения: 24. 01. 2026).

10. Campbell-Kelly M. Computer: A History of the Information Machine [Текст] / M. Campbell-Kelly, W. Aspray, N. Ensmenger, J. R. Yost. – 3rd ed. – Boulder, CO: Westview Press, 2014. – 360 p. – ISBN 978-0813345901.

11. Common Lisp HyperSpec, Version 7.0. – X3J13 Committee. – URL: http://www. lispworks. com/documentation/HyperSpec/Front/ (дата обращения: 24. 01. 2026).

12. Ensmenger N. The Computer Boys Take Over: Computers, Programmers, and the Politics of Technical Expertise [Текст] / N. Ensmenger. – Cambridge, MA: MIT Press, 2010. – 320 p. – ISBN 978-0262050937

13. Feigenbaum E. A. , Feldman, J. Computers and Thought // AI Magazine. – 1995. – Vol. 16, no. 3. – P. 25–37. – DOI: 10. 1609/aimag. v16i3. 1120.

14. Fuchi K. The direction the FGCS project will take [Текст] / K. Fuchi // New Generation Computing. – 1983. – Vol. 1, № 1. – P. 3–9. – Электрон. дан. – Режим доступа: https://link. springer. com/article/10. 1007/BF03037415 (дата обращения: 25. 01. 2025). – DOI: 10. 1007/BF03037415.

15. Gabriel R. P. The Rise of «Worse is Better» [Текст] / R. P. Gabriel // Journal of Computer Languages. – 1996. – Vol. 28, № 1. – P. 13-24. – Электрон. дан. – Режим доступа: https://www. dreamsongs. com/RiseOfWorseIsBetter. html (дата обращения: 25. 01. 2025).

16. Graham P. The Roots of Lisp [Электронный ресурс] / P. Graham. – 2001. – Режим доступа: https://paulgraham. com/rootsoflisp. html (дата обращения: 24. 01. 2026).

17. ICOT (Institute for New Generation Computer Technology). Annual Reports (1982-1992) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://jeffjonah. com/5gcp/ (дата обращения: 25. 01. 2025).

18. ICOT Project Final Report. – Tokyo: Institute for New Generation Computer Technology (ICOT), 1992. – URL: https://www. nii. ac. jp/icot/eng/publication/final_report/ (дата обращения: 24. 01. 2026).

19. Ida M. (to be appeared at the International Lisp Conference in San Francisco in October 2002) [Электронный ресурс] / M. Ida // International Lisp Conference. – 2002. – 10 с. – Режим доступа: https://www. softwarepreservation. org/projects/LISP/conference/ilc02/Masayuki-Ida. pdf (дата обращения: 24. 01. 2026).

20. Ida M. What We Have Done with Common Lisp in Japan During 1984–1989 [Электронный ресурс] / M. Ida // Europal Conference. – 1990. – 15 с. – Режим доступа: https://prof-ida. com/PapersAndArticles/199003Europal%E6%8B%9B%E5%BE%85%E8%AC%9B%E6%BC%94. pdf (дата обращения: 24. 01. 2026).

21. Japanese Fifth Generation Computer Systems (FGCS) Project Archives. – National Institute of Informatics (NII), Japan. – URL: https://www. nii. ac. jp/en/about/history/fgcs/ (дата обращения: 24. 01. 2026).

22. Levy S. Hackers: Heroes of the Computer Revolution [Текст] / S. Levy. – 25th Anniversary ed. – Sebastopol, CA: O'Reilly Media, 2010. – 538 p. – ISBN 978-1449388393.

23. Levy S. Hackers: Heroes of the Computer Revolution. – Garden City, NY: Anchor Press/Doubleday, 1984. – 446 p. – URL: https://archive. org/details/hackersheroesofc00levy (дата обращения: 24. 01. 2026).

24. LISP 1. 5 Programmer's Manual / J. McCarthy [et al.]. – Cambridge, MA: MIT Press, 1962. – URL: https://dspace. mit. edu/handle/1721. 1/41935 (дата обращения: 24. 01. 2026).

25. Lisp activities in Japan [Электронный ресурс] // Proceedings of the 6th international joint conference on Artific History of Lisp History of Lisp jmc. stanford. edu ial intelligence. – 1979. – Vol. 1. – Режим доступа: https://dl. acm. org/doi/10. 5555/1624861. 1624975 (дата обращения: 24. 01. 2026).

26. Matsuda H. The Fifth Generation Computer Project: A Triumph or a Failure? [Текст] / H. Matsuda // Annals of the History of Computing. – 2014. – Vol. 36, № 3. – P. 66–68. – Электрон. дан. – Режим доступа: https://dl. acm. org/doi/10.1109/MAHC. 2014. 37 (дата обращения: 25. 01. 2025). – DOI: 10.1109/MAHC. 2014. 37.

27. McCarthy J. History of Lisp [Электронный ресурс] / J. McCarthy // ACM SIGPLAN History of Programming Languages Conference. – 1978. – Режим доступа: http://jmc. stanford. edu/articles/lisp. html (дата обращения: 24. 01. 2026).

28. McCarthy J. Recursive Functions of Symbolic Expressions and Their Computation by Machine, Part I [Текст] / J. McCarthy // Communications of the ACM. – 1960. – Vol. 3, № 4. – P. 184–195. – Электрон. дан. – Режим доступа: https://dl. acm. org/doi/10. 1145/367177. 367199 (дата обращения: 25. 01. 2025).

29. Moto-oka T. The Fifth Generation Project: Personal Perspectives // New Generation Computing. – 1993. – Vol. 11, no. 3–4. – P. 253–264. – DOI: 10. 1007/BF03037432.

30. Norvig P. Paradigms of Artificial Intelligence Programming: Case Studies in Common Lisp. – San Francisco: Morgan Kaufmann, 1992. – 946 p. – ISBN: 978-1-55860-191-8.

31. Proceedings of the 1984 ACM Symposium on LISP and Functional Programming [Текст]. – Austin, Texas, USA: ACM, 1984. – 326 p. – Электрон. дан. – Режим доступа: https://dl. acm. org/doi/proceedings/10. 1145/800055 (дата обращения: 25. 01. 2025).

32. Regional Lisp groups [Электронный ресурс] // CLiki. – 2026. – Режим доступа: https://www. cliki. net/Regional%20Lisp%20groups (дата обращения: 24. 01. 2026).

33. Stallman, R. M. The GNU Manifesto // Dr. Dobb's Journal. – 1985. – March. – P. 30–35. – URL: https://www. gnu. org/gnu/manifesto. html (дата обращения: 24. 01. 2026).

34. Steele G. L. Jr. The Evolution of Lisp [Электронный ресурс] / G. L. Steele Jr. , R. P. Gabriel // ACM SIGPLAN Notices. – 1993. – Vol. 28, № 3. – C. 231–270. – Режим доступа: https://www. dreamsongs. com/Files/Hopl2. pdf (дата обращения: 24. 01. 2026).

35. Steele G. L. Common LISP the Language, 2nd Edition [Текст] / G. L. Steele. – Bedford, MA: Digital Press, 1990. – 1029 p. – Электрон. дан. – Режим доступа: https://www. cs.cmu.edu/Groups/AI/html/cltl/cltl2. html (дата обращения: 25. 01. 2025).

36. Stoyan H. The History of LISP [Электронный ресурс] / H. Stoyan. – 1980 (обновл. 2023). – Режим доступа: https://softwarepreservation. computerhistory. org/LISP/book/Stoyan-Geschichte. pdf (дата обращения: 24. 01. 2026).

37. Symbolics Inc. Genera Manuals & Documentation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www. bitsavers. org/pdf/symbolics/ (дата обращения: 25. 01. 2025).

38. The Original «LISP I Programmer's Manual» (1960). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www. softwarepreservation. org/projects/LISP/book/LISP%20I%20Programmers%20Manual. pdf (дата обращения: 25. 01. 2025).

39. The Revised Report on the Algorithmic Language ALGOL 60 / P. Naur (ed.). – Copenhagen: International Federation for Information Processing, 1; New York: ACM, 1960. – URL: https://www. masswerk. at/algol60/report. htm (дата обращения: 24. 01. 2026).

40. Turkle S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet [Текст] / S. Turkle. – New York: Simon & Schuster, 1995. – 352 p. – ISBN 978-0684833484.

41. Why does it seem like so much of the modern Common Lisp community is based in Japan? [Электронный ресурс] // Reddit: r/Common_Lisp. – 2024. – Режим доступа: https://www.reddit. com/r/Common_Lisp/comments/1p7o3ey/why_does_it_seem_like_so_much_of_the_modern (дата обращения: 24.01.2026).

42. Winston P. H. Artificial Intelligence and the Culture of LISP // Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence. – 1984. – Vol. 4. – P. 1–5.

43. Yuasa T. Kyoto Common Lisp Report [Электронный ресурс] / T. Yuasa, M. Hagiya // Software Preservation Group, Computer History Museum. – 1984. – 100 с. – Режим доступа: https://softwarepreservation. computerhistory. org/LISP/kcl/doc/kcl-report. pdf (дата обращения: 24. 01. 2026)

Gorlyansky S. P. The Development of Lisp Culture in the USA and Japan: A Comparative Analysis

The article is devoted to a comparative historical analysis of the formation and development of unique Lisp culture in two leading technological centers of the second half of the 20th century – USA and Japan. It examines how differences in socio-academic context, institutional support, and national research programs (such as the American DARPA and Japan's Fifth Generation Computer Systems project ICOT) determined the developmental trajectories of this functional programming language and its surrounding communities. In the USA, Lisp culture is analyzed as a product of the «hacker» environment of university laboratories (MIT, Stanford), which led to commercialization in the form of Lisp machines (Symbolics). In Japan, the focus shifts to centralized government efforts to create a platform for AI, where Lisp became an instrument of national technological strategy. The research methodology is based on comparative analysis of historical sources, archival materials, and interviews. The conclusion highlights fundamentally different development models: «bottom-up» (American model driven by community) and «top-down» (Japanese model driven by the state). The legacy of these pathways continues to influence modern approaches to functional programming and the organization of scientific research in computer science.

Keywords: Lisp, history of computing, comparative analysis, USA, Japan, artificial intelligence, hacker culture, Fifth Generation Project, functional programming, programmer communities.

УДК 94(73)"1870/1877"

DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18678613

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ КЛАНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ХОДЕ ЕГО РОСТА В ШТАТАХ ГЛУБОКОГО ЮГА США В НАЧАЛЕ 1870-Х ГГ.

Калашников А. В.

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
г. Брянск, Российская Федерация
E-mail: alekseykalashnikov2000@gmail.com

Рассматриваются особенности судебного преследования расистских группировок в ходе роста в штатах Глубокого Юга в начале 1870-х годов. После череды различного рода актов вооружённого политического насилия федеральным правительством было принято решение о введении в действие нескольких законов, направленных на подавление кланистского движения на Юге США. Однако натолкнувшись на значительное сопротивление, эти планы были сначала существенно скорректированы, а затем в конечном в итоге от них произошёл полный отказ. Исследуемое сопротивление носило ярко выраженный характер и судебные разбирательства по его поводу послужили доказательством политических целей консервативных сил региона, направленных на ограничения прав чернокожего населения. На основе ряда работ зарубежных авторов, а также источников исследуемого периода раскрывается более полная картина ситуации, происходящей на Глубоком Юге в 1870–1877 гг. Рассматривается исторический контекст принятия данных законов, основанных на вызовах политического кризиса. Основное внимание уделяется подготовке и содержанию судебных слушаний по делам бывших клансменов, прошедших в ноябре – декабре 1871 г. в городе Колумбия, являющимся столицей Южной Каролины.

Ключевые слова: История США, Реконструкция, Ку-клукс-клан, кланистское движение, террор, суд, республиканцы, реакция.

Введение

В 2025 г. исполнилось 160 лет с момента начала в США периода после окончания Гражданской войны, связанного с процессом коренных социальных преобразований в обществе, именуемого эпохой Реконструкции (1865–1877 гг.).

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что эпоха Реконструкции в определённых аспектах перекликается с другими противоречивыми этапами американской истории, связанными с социальными преобразованиями. Наибольшее сходство прослеживается с т.н. «критическим десятилетием» (1960-е) и текущим политическим кризисом, затрагивающим внутреннюю политику трампизма (2013–2026 гг.). Исследование данной эпохи способствует более глубокому осмыслению понятия общественного развития, выявлению первопричин разнообразных событий в различных областях человеческой деятельности, включая социально-политическую, экономическую и культурную сферы.

Целью предлагаемой статьи является рассмотрение судебного преследования активности кланистских группировок в начале 1870-х в штатах Глубокого Юга.

Достижению поставленной цели служат следующие задачи: определить позиции противоборствующих сторон, выявить мотивацию и эффективность судебного преследования южных расистов.

Данное исследование выполнено на основе применения различных научных методов. Хронологический метод позволил уточнить события и явления с точки зрения их последовательности. На основе биографического метода удалось сосредоточиться на изучении деятельности сторон судебных процессов в Южной Каролине, определить их роль и влияние на исследуемые события. Историко-генетическим методом удалось последовательно обнаружить изменения изучаемой реальности в процессе ее исторического движения и в наибольшей мере приблизиться к воссозданию реальной истории обеспечения конечной победы реакционных сил. Сравнительно-историческим методом произведено сопоставление действий защитников Клана с действиями других участников судебных процессов, что способствовало более взвешенной оценке их роли в рассматриваемых событиях. Структурный метод позволил систематизировать полученную информацию.

Историография вопроса представлена работами как отечественных, так и зарубежных исследователей. В советское время вышли работы Э. В. Лисневского и Р. Ф. Иванова [2; 3], в которых освещается история создания кланистского движения и анализируются причины возникновения кланистской идеологии, а также прослеживается её реакционная роль в политической жизни страны. В приводимых научных статьях Е. В. Илюхиной [1] и В. В. Прилуцкого [4] затрагиваются вопросы проявления насилия и террора со стороны расистских группировок на Юге США, а также реакция на эти действия федеральных властей. Вместе с тем стоит отметить, что количество вышедших работ по заданной теме остаётся весьма ограниченным. Зарубежные авторы смогли более близко подобраться к изучению вопроса. Из названных в ходе исследования работ стоит выделить монографию К. Вейда [11], в которой приводятся множественные случаи насилия со стороны Клана на Глубоком Юге в начале 1870-х. Так, Р. Качоровски [8], Л. Уильямс [12] и У. Джиллет [5] указывают на политический фон и тактику защиты, повлиявшие на ход и в целом итог судебных преследований клансменов, что также является весьма ценными замечаниями по данной теме.

Научная новизна исследования представляется в отражении активности кланистских группировок через изучение опубликованных материалов — судебных слушаний по делу над Ку-Клукс-Кланом, прошедших в Колумбии (Южная Каролина) в ноябре – декабре 1871 г. [9], а также слушаний в Конгрессе в 1872 г. [7]. Несмотря на то, что тандем признанных отечественных американистов в лице Э. В. Лисневского и Р. Ф. Иванова упоминал об этих судебных процессах [2, с. 26], в отечественной историографии данные материалы до сего момента оставались подробно не исследованными.

Основная часть

После завершения Гражданской войны в 1865 г. в США наступила эпоха Реконструкции, официально продлившаяся 12 лет. В этот период армия Севера

осуществляла прямое управление бывшими штатами Конфедерации, что вызывало возмущение белого населения Юга, многие представители которого были лишены избирательных прав из-за участия в мятеже. В ответ на эту политику возникли многочисленные вооруженные группы, стремившиеся вернуть потерянный контроль над регионом с помощью насилия. Так возник Ку-клукс-клан, принимавший многочисленные обличия в различных частях и местечках южных и «пограничных» штатов. Объединить их под обобщающим названием можно как кланистское движение. В начале 1870-х гг. в штатах Глубокого Юга кланистское движение испытало свой второй пик активности.

Ни одна группа населения не пострадала от кланистского насилия больше, чем чернокожие южане. Количество преступлений, совершенных против них в период с 1868 по 1871 гг., до сих пор не поддается внятной оценке и является дискуссионным. О множестве убитых не осталось никаких свидетельств. А большинство из тех, кто выжил, были слишком напуганы, чтобы сообщить о нападениях на них в правоохранительные органы [11, p. 71]. Согласно официальным данным министерства юстиции США от 5 апреля 1871 г., количество убийств, имевших место в штатах Глубокого Юга в течение года, заканчивающегося 31 мая 1870 г., было следующим: в Алабама оно составило 100, во Флориде – 44, а в Джорджии и Северной Каролине – 116 и 44 соответственно. Как и ранее в 1868 г., в преддверии губернаторских выборов Клан организовал очередную кампанию насилия. Одним из ее эпизодов стал бунт в Юто, произошедший 25 октября 1870 г. Тогда члены Клана (клансмены) штата Алабама, поддерживавшие Демократическую партию, напали на политическое собрание республиканцев, проходившее в здании окружного суда, на котором присутствовали 2 тыс. чел. (преимущественно афроамериканцев). В результате были убиты до 4 человек, ранены ещё 54. Армия не вмешивалась в события. При этом серьезного наказания преступники не понесли. Запугивание Кланом чернокожих избирателей привело к победе демократов на выборах. Кровавый инцидент в Юто стал одним из звеньев в цепи событий, свидетельствовавших о наступлении реакции. Новый период был связан с приходом к власти во всех южных штатах сторонников расовой сегрегации и джимкроуизма. Стоит отметить, что и в дальнейшем проведение выборов означало резкое возрастание кланистского террора. Так, в Техасе во время президентской кампании 1872 г. Клан развернул такую бурную деятельность, что большинство цветного населения не смогло принять участие в выборах. Многие чернокожие просили выдать им специальные удостоверения, в которых указывалось, что они отдали голоса за демократов [3; 4, с. 96].

По мнению американского историка К. Вейда, избрание президентом республиканца Улисса С. Гранта в 1868 г. стало одним из факторов и расширения, и последующего ослабления насилия Ку-клукс-клана [11, p. 62]. Поскольку к 1871 г. насилие Клана сделало южных республиканцев, сотрудников правоохранительных органов и военных командиров одинаково беспомощными, принятие Закона о правоприменении было продиктовано его очевидной политической ценностью.

Конгрессмены-республиканцы видели в нём средство обратить вспять процесс возврата к демократическому контролю, а также способ объединить свою разрозненную партию. В тоже время некоторыми демократами традиционно высказывался скептицизм о реальном существовании Клана, считая это творением нервных южных губернаторов-республиканцев [8, p. 68; 11, p. 79, 90]. Ранее многие реконструируемые штаты уже начали принимать антиклановское законодательство. В Южной Каролине таковым стал Закон о милиции штата 1869 г., разрешавший создание ополчения для подавления восстаний и поддержки правоохранительных органов. При помощи губернатора удалось сформировать и вооружить несколько батальонов. Но политические и расовые предрассудки белых жителей Южной Каролины по отношению к губернатору-республиканцу привели к тому, что в ополчении в основном состояли чернокожие. Вид вооружённых и тренирующихся чернокожих мужчин, марширующих строем и охраняющих избирательные участки в 1870 г., ещё больше разозлил белое население и разжег фанатичное насилие со стороны Клана [12, p. 37–38]. Однако несмотря на принятие в 1870–1871 гг. федеральным правительством Законов о правоприменении, направленных на подавление и судебное преследование Клана, многие штаты боялись предпринимать решительные меры. Причины крылись в симпатизировании местных политических лидеров Клану или же и вовсе в членстве в нём. Вторая причина заключалась в большой слабости, чтобы действовать. Ряд губернаторов-республиканцев не решались отправлять чернокожих ополченцев воевать с Кланом, опасаясь спровоцировать расовую войну [1, с. 67]. Также отмечается, что и само федеральное правительство почти систематически отклоняло многочисленные просьбы радикальных властей южных штатов использовать войска для ликвидации кланистского движения [2, с. 26]. Всё это подчеркивает обоснованность существующего в историографии тезиса о расхождении интересов Республиканской партии и чернокожего населения Юга.

Наиболее активная роль в преследовании Ку-клукс-клана тех лет принадлежит Амосу Акерману (1821–1880) [рис. 1]. Почти за 9 месяцев до проведенного Комитетом Скотта расследования, влиятельный радикальный конгрессмен-республиканец Мэтью Кэлбрейт Батлер (1836–1909) и его зять, сенатор от Миссисипи Адельберт Эймс (1835–1933) уговаривали президента избавиться от действующего генерального прокурора Эбенезера Роквуда Хора. Они предлагали назначить на его место южанина, твердо придерживающегося гражданских прав. Когда Батлер указал на выгоды, которые президент мог бы получить помимо усиления политики Реконструкции, Грант согласился [11, p. 89].

Однако судебное преследование кланистского движения оставалось неэффективным почти все годы Реконструкции. Преследование всех нарушителей федеральных законов о гражданских правах казалось просто непосильным для Министерства юстиции на Юге. Когда к постоянно увеличивающейся рабочей нагрузке федеральных судов добавились дела о принудительных действиях, расходы увеличились до ошеломляющих размеров. Судья Бонд оценил эти «чудовищные»

расходы на месячное судебное преследование Ку-Клукс-Клана в Южной Каролине в 1871 г. в 200 долларов в час [8, p. 67, 70]. В течение 1870–1877 гг. по антикланистским законам суды рассмотрели всего 3837 дел, в том числе в Южной Каролине – 1387, Миссисипи – 1175, Северной Каролине – 559, Теннесси – 214, Алабаме – 134, Джорджии – 73, Флориде – 41, Техасе – 29, Луизиане – 4 [2, с. 27]. Вместе с тем стоит отметить, что согласно доступной судебной статистике в 1871 г. в Южной Каролине было возбуждено больше дел, чем где-либо еще – 390. И в этом же штате было завершено больше дел, чем в любом другом – 112 [8, p. 72].

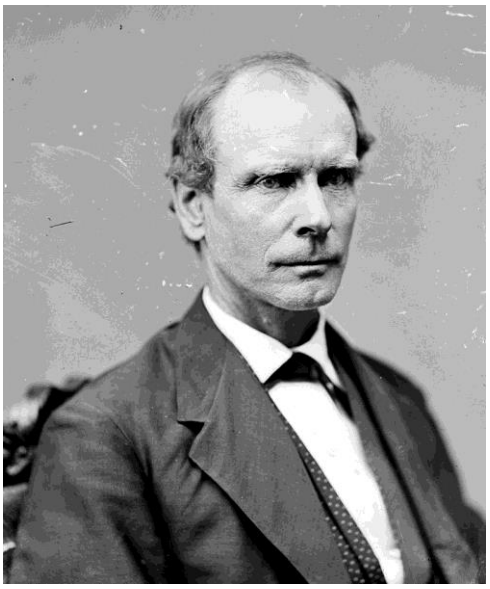

Рис. 1. Амос Т. Акерман.
Источник: Library of Congress: Washington, D.C. 20540.
URL: https://loc.gov/pictures/resource/cwpbh.03270

Для дальнейшего понимания темы необходимо ознакомиться с текущими политическими реалиями в Южной Каролине. После выборов 1870 г. республиканцы в штате сохранили свои позиции, а губернатор Скотт был переизбран. В ответ Клан начал кампанию массового террора в сельской местности, принявшего беспрецедентный характер. Почти каждую ночь клансмены врывались в дома вольноотпущенников и переселенцев, допрашивали мужчин об их политической деятельности, требовали отречения от Республиканской партии, а затем жестоко избивали или убивали их. Женщин часто насиловали, а дома и амбары сжигали дотла. В одном из подобных случаев члены Клана пришли к белой женщине, укрывавшей у себя 2 чернокожих. Клансмены избили мужчин, велели им бежать, и при попытке к бегству застрелили. Затем клансмены выгнали женщину из дома на дорогу, заставили её лечь ничком и вылили ей на «интимные места» горячую смолу.

В эти месяцы во избежание насилия со стороны Клана многие вольноотпущенники бежали из своих домов, предпочитая проводить осенние и зимние ночи в лесах и на болотах [7, p. 1864–1865].

Рис. 2. Льюис Мерилл, организатор борьбы с Ку-клукс-кланом в Южной Каролине. Источник: Library of Congress, LCNAF: Lewis Merrill. URL: http://id.loc.gov/authorities/names/no99083870

Ситуация сложилась таким образом, что к январю 1871 г. республиканские законодатели угрожали губернатору Скотту импичментом, если он не возьмёт под контроль насилие в их родных округах Скотт обратился к Гранту с просьбой о федеральной военной помощи после принятия первого Закона о правоприменении 1870 г. Предоставленные ранее президентом небольшие отряды были усилены. Майор Льюис Меррилл [рис.2] с марта по сентябрь расследовал деятельность Клана, используя все имеющиеся в его распоряжении средства, включая сеть шпионов, оплачиваемых Министерством юстиции. Что ещё более важно, Меррилл укрывал жертв Клана в своём армейском лагере и записывал их показания. Эти свидетельства из первых рук были необходимы для будущих судебных разбирательств. Защита, предоставленная армией, обеспечила условия, в которых свидетели могли рассказать о своих злоключениях, не опасаясь жестоких репрессий [12, p. 40–41]. О масштабах насилия клансменов в округах штата говорят задокументированные случаи. На слушаниях в Конгрессе в 1872 г. было зафиксировано 227 случаев порки только в округе Спартанберг [7, p. 919–922]. В ходе своих расследований в 1871 г. майор Меррилл обнаружил доказательства по меньшей мере 600 случаев порки и 11 убийств в округе Йорк [12, p. 45]. На слушаниях в Конгрессе также сообщалось о 38 убийствах в период между выборами 1870 г. и приостановлением действия хабиес корпус в апреле 1871 г., но они охватывают только 4 из 9 округов распространения приказа президента Гранта. При этом американский историк Лу Фолкнер Уильямс отмечает, что «количество жертв, несомненно, невелико» [Ibid., p. 61]. Однако симпатии белого населения в основном были на стороне Клана. Местные большие жюри присяжных оказались неспособными или нежелавшими привлекать к ответственности клансменов, несмотря на собранные против них доказательства. Майор Меррилл отметил, что некоторые члены таких жюри были и сами причастны к насилию [7, p. 1601–1603].

Генеральный прокурор Акерман считал, что деятельность Клана в Южной Каролине «равносильна войне... и не может быть эффективно подавлена ни по какой другой теории». Ему удалось убедить Гранта в необходимости полного применения

полномочий в соответствии с Законом о правоприменении. 12 октября президент приказал всем из «незаконных объединений и заговоров» «распуститься и разойтись», и сдать оружие и маскировку федеральным маршалам [10, p. 136–138]. Не получив ответа, 17 октября Грант издал прокламацию, в которой приостановил действие *хабеас корпус*. В результате 9 округов штата были объявлены на военном положении. Это был первый случай, когда президент сделал это в условиях мирного времени [11, p. 100; 12, p. 96–97].

Рис. 3 Хью Леннокс Бонд. Источник:«125th Anniversary of the U.S. Court of Appeals for the Fourth Circuit.» URL: https://www.ca4.uscourts.gov/news-announcements/latest-news-announcements/2016/06/16/125th-anniversary-fourth-circuit

Приостановление действия *права неприкосновенности личности* позволило Мерриллу провести массовые аресты в 9 округах Южной Каролины: Честер, Фэрфилд, Лоранс, Ньюберри, Юнион в нижнем Пьемонте; Ланкастер, Спартанбург, Йорк в верхнем Пьемонте; и Честерфилд в песчаных холмах. 7-я кавалерийская дивизия сосредоточилась на округах Йорк и Спартанбург, арестовывая всех, против кого у Меррилла были улики. До января 1872 г. Меррилл сообщил о 169 арестах только в округе Йорк. Приводится цифра в почти 500 человек, сдавшихся добровольно. Меррилл отметил, что в результате арестов рядовые члены Клана «были сбиты с толку и деморализованы... Они осознали, что игра окончена, что организация распалась, и по всему округу они либо бежали, либо сдавались». Он описывает поток напуганных сдающихся федеральным властям и полное прекращение насилия: «...В некоторых случаях целые кланы во главе со своими главами приходили и сдавались вместе.» Прибегали к задержанию «наиболее закоренелых преступников», остальных после дачи признательных показаний или предоставления улик отправляли по домам. Однако многие из самых элитных и важных клансменов бежали ещё после первого заявления Гранта от 12 октября. Меррилл считает, что таковых «наиболее закоренелых заговорщиков» было около 50 [7, p. 1602–1603].

Судебные разбирательства над клансменами Южной Каролины проводились федеральным судьей Четвертого округа Хью Ленноксом Бондом (1828–1893) [рис.3] из Мэриленда, а также окружным судьёй Джорджем Сибрук Брайаном (1809–1905) [рис.4] — бывшим конфедератом и рабовладельцем, связанным родственными и дружескими узами со многими влиятельными семьями штата. В дальнейшем эти обстоятельства также окажут существенное влияние на исход дел.

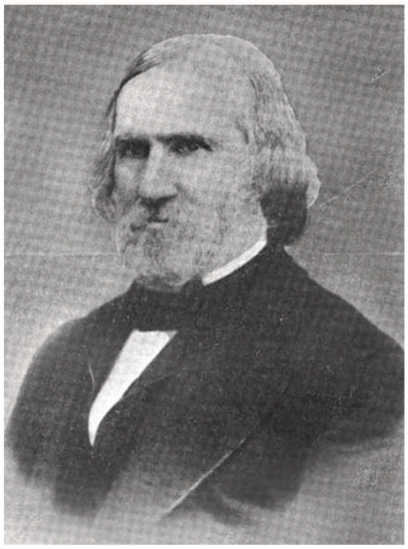

Рис. 4 Джордж Сибрук Брайан.
Источник: South Carolina Bench and Bar, 1908. p. 376

Обвинением на кланистских процессах руководил окружной прокурор США в Южной Каролине Дэвид Т. Корбин (1833–1905) [рис.5]. В Южной Каролине генеральный прокурор Акерман увидел возможность рассказать о зверствах Клана и настроить общественное мнение против него. Несомненно, это был продуманный политический ход, призванный оживить поддержку Реконструкции на Севере. С этой целью даже был нанят судебный стенографист, чтобы дословно записывать судебные процессы – в то время это были редкие расходы. В течение оставшегося срока полномочий в ноябре 1871 г. и в апреле 1872 г. Корбин реализовал выигрышную стратегию судебного разбирательства, в конечном итоге приведшей к вынесению 140 обвинительных приговоров. Решение заключалось в преследовании в судебном порядке только по одобренным судьей Бондом обвинениям – в сговоре, связанным с защитой избирательных прав в соответствии с 15-й поправкой. На каждом судебном процессе Корбин сначала зачитывал конституцию и клятву Клана, копию которых майор Меррилл приобрёл во время своей миссии по сбору доказательств. Затем обвиняемых просили подтвердить её подлинность. Клятва включала в себя 2 основных заявления – Клан является врагом всего радикального республиканского правительства, сторонники республиканцев являются их желанными целями. Эта явно политическая мотивация доказывала основные цели Клана – запугивание и подавление избирателей, что было прямо запрещено Актами о правоприменении. Затем Корбин попросил свидетелей подтвердить, что маскировка и тайные сигналы выдавали членов Ку-клукс-клана. Кроме того, многие члены самого Клана дали показания против других и рассказали подробности о рейдах и бесчинствах, совершённых ночными всадниками. Эта

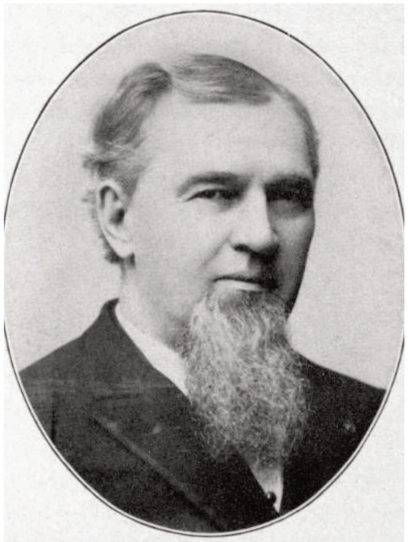

Рис. 5 Дэвид Тимоти Корбин.
Источник: Memorials of Deceased Companions of the Commandery of the State of Illinois, Volume 2, 1912, p. 310

стратегия снова и снова приносила успех, обеспечивая обвинительный приговор во всех случаях, кроме 2 [5, p. 44].

Рис. 6 Риверди Джонсон. Источник: Library of Congress, LC-BH82-29 B. URL: https://www.loc.gov/pictures/item/2017896636

Естественно, что такой громкий процесс не мог остаться без внимания местных консервативных политических сил. Акерман и Грант ставили задачу укрепить поддержку Республиканской партии и политики Реконструкции, разоблачая зверства Клана по отношению к вольноотпущенникам. Они также стремились создать прецедент, отмечающий Законы о принудительном исполнении как действительный конституционный закон. Оппозиция же стремилась оправдать Клан как институт, поддерживающий честь Юга. Её цель также состояла в стремлении доказать неконституционность Законов о принудительном исполнении. Вместе с тем, речь не шла о полном оправдании обвиняемых. Как сообщается, демократами Южной Каролины под руководством Уэйда Хэмптона через фонд правовой защиты было собрано 10 000 долларов США (что было эквивалентно 262 472 долларам в 2024 г.) с целью нанять сильнейших юристов-демократов того времени. В итоге защиту возглавил Риверди Джонсон (1796–1876) – экс-сенатор и экс-генеральный прокурор Соединенных Штатов [рис.6]. Сегодня известно, что его гонорары были самыми высокими из всех действующих в то время юристов. Джонсон прославился выступлениями в Верховном суде от имени рабовладельцев в печально известном деле Дреда Скотта. Вторым адвокатом стал Генри Стэнбери (1803–1881) из Огайо. Он также являлся ещё одним бывшим генеральным прокурором и работал в кабинете президента Эндрю Джонсона, ранее проводившего политику Реконструкцию Юга в интересах бывших конфедератов и рабовладельцев, что также весьма показательно в контексте его взглядов [6, p. 931; 8, p. 47, 99].

Стратегия защиты состояла во вбивании клина между и без того расходившимися во мнениях судьями — чувствительность судьи Брайана к традиционным конституционным взглядам его соотечественников проявилась во враждебности к теориям обвинения об инкорпорации и действиях государства. Подчеркивалось, что политические и гражданские права зависят от штата, сфера действия Четырнадцатой поправки ограничена им, а Билль о правах применяется только против федерального правительства. Адвокаты пытались убедить присяжных, что Клан был оборонительной организацией, созданной исключительно для защиты белого сообщества от насилия со стороны вооружённых чернокожих солдат. «Мы

хотим показать, – заявил Генри Стэнбери в начале судебного разбирательства, – что явное действие было связано не с голосованием, а с вооружением и предполагаемой опасностью». Джонсон настойчиво поднимал тему страха, утверждая, что «каждая бедная женщина, ложась ночью в постель», имела основания полагать, что чернокожие подожгутеё дом или восстанут против неё. «Что делать мужу?» – спрашивал Джонсон. «Объединиться для защиты», конечно. Кто мог бы винить Ку-клукс-клан за их решимость защищать очаг и дом от угрозы со стороны разъярённых, вооружённых чернокожих? Стэнбери повторил узкое толкование избирательного права – Тринадцатая поправка «ничего не делает, кроме отмены рабства», и не давала Конгрессу регулировать избирательное право. Защита выдвинула ряд наиболее убедительных возражений против обвинений, включавших в себя преступление по общему праву – кражу со взломом. По её мнению, данное обвинение в федеральном суде было необоснованной узурпацией власти штата – федеральное правительство не имело юрисдикции для рассмотрения таких дел. Хотя защита не добилась большого успеха в спасении членов Клана от федерального наказания, она оказалась заметно более искусной [6, p. 931, 939; 12, p. 159].

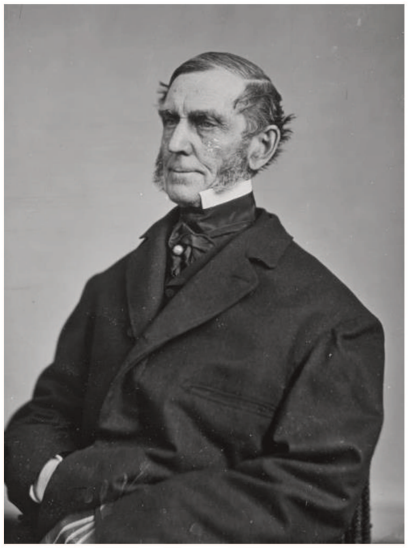

Рис. 7. Генри Стэнбери. Источник: U. S. National Archives and Records Administration. Series: Mathew Brady Photographs of Civil War-Era Personalities and Scenes, compiled 1921–1940, documenting the period 1860– 1865 (National Archives Identifier: 524418)

Окружной суд начал первое из судебных разбирательств 28 ноября 1871 г. Разбирательство было немедленно остановлено из-за возражений Корбина о нарушениях в отборе присяжных. Обе стороны стремились избежать любых проблем, способных помешать рассмотрению. В результате для всех рассматриваемых в ноябре дел в рамках реализации 14-й поправки была достигнута договоренность об отборе дополнительных присяжных со всего штата из числа чернокожих. Снисходительные замечания Стэнбери [рис. 7] в адрес присяжных продемонстрировали разделение адвокатом местных «ценностей», а также конституционных принципов белых. Как и многие демократы в Южной Каролине, он, по-видимому, считал, что стремление чернокожих к равенству неизбежно приведёт к стремлению к превосходству [6, p. 930; 12, p. 158].

Первые обвинения были предъявлены Аллену Кросби, Шероду (Бэнку) Чайлдерсу, Бэнксу Келлу, Эвансу Мерфи, Езекии Портеру, Сильванусу Хемпфиллу и Уильяму Монтгомери. Подсудимые подали иск об отмене. Защита постаралась мотивировочно отклонить все 11 пунктов подготовленного Корбином обвинительного заключения членам Клана. Суд же счёл обоснованными и

удовлетворил ходатайства только по первому и последнему из них, отвергнув остальные доводы. [9, p. 92; 12, p. 130].

Судья Бонд вынес решение в пользу Корбина по двум пунктам обвинения в сговоре: один пункт касался сговора с целью лишить чернокожего республиканца Амзи Рейни права голоса, а другой – сговора с целью наказать Рейни за то, что он проголосовал определённым образом. Судьи отказались выносить решение по остальным пунктам обвинения, касающимся Второй, Четвёртой и Четырнадцатой поправок. Дело было передано в Верховный суд. Однако в силу отсутствия решений судов низшей инстанции по конституционным вопросам попытка обвинения создать прецедент была сорвана. Поскольку в суде низшей инстанции не было создано нового прецедента, возможности поддержать интерпретацию радикальных республиканцев у Верховного суда не имелось.

Приведённые судьёй Бондом предварительные аргументы положили конец попыткам Акермана и Корбина «национализировать» Билль о правах и Поправки о Реконструкции. Хотя суд согласился с тем, что Законы о правоприменении наделяют федеральные власти полномочиями преследовать по обвинению в сговоре, он не согласился с идеей расширения федеральных полномочий, превращавших право голоса или любое другое конституционное право в позитивное право для всех граждан во всех штатах. Конституционные экспансионистские цели обвинения не могли быть реализованы, но они всё ещё могли привлечь клансменов к ответственности по обвинению в сговоре, что и было в дальнейшем реализовано [6, p. 927–928; 8, p. 14, 46, 102–104].

Озвученное на суде подтвердило широкий размах кланистского движения и уровня террора в штате. Аллен Кросби и ещё 6 членов Клана ночью вытащили из дома чернокожего ополченца Амзи Рейни и его семью. На глазах семьи его избили и зарезали, а затем изнасиловали и застрелили его старшую дочь [6, p. 936]. Заслушаны обстоятельства рейда, возглавляемого врачом и бывшим конфедератом Доктором Эйвери. Он привёл кланистскую группу к дому Абрама Брамфилда. Клансмены избили Самуэля Стерджиса, в конце концов привязали верёвку к его шее и несколько раз поднимали над землёй, почти подвесив. Но Стерджис выжил. В ту же ночь Эйвери привёл другую группу к дому чернокожего проповедника Айзека Постла, известного в округе как Айзек Апостол. Клансмены повторили процедуру подвешевания над Постлом, а также над его женой. Жертвы безошибочно опознали доктора Эйвери по его изуродованной руке [9, p. 672–686, 689–691]. В ходе слушаний разбиралось дело командира подразделения негритянской милиции Джима Уильямса, погибшего от рук клансменов. Примечательно, что он участвовал в Гражданской войне под командованием генерала Уильяма Т. Шермана, был ярым критиком Клана и защитником прав вольноотпущенников в графстве Йорк. Рано утром 7 марта 1871 г. его бездыханное тело с прикрепленным на груди громадным плакатом с издевательской надписью «Джим Уильямс отправился на последний смотр» было найдено висевшим на площади. При рассмотрении дела выяснилось, что Джеймс Руфус Брэттон привёл около 70 клансменов к его дому, где примерно дюжина человек похитила и линчевала его, привязав к дереву [Ibid., p. 339, 343, 346–

347, 351, 359–361, 371]. На заданный вопрос о численности кланистского отряда в Йорке свидетель Билл Линсдэй показал: «Очень много. 20–30 человек» [Ibid., p. 305]. Джон У. Митчелл и Томас Б. Уайтсайд были среди лидеров группы из 30–40 членов Клана. Они ворвались в дом члена Юнионистской (Союзной) лиги и убежденного республиканца Чарльза Лича. Клансмены так сильно избили его хворостинами, что Лич не мог работать в течение недели. Данное дело было использовано прокурором Корбином с целью рассказать о совершенном насилии Клана в отношении других чернокожих и радикальных республиканцев. Свидетели из Клана рассказали о насилии в отношении женщин, и иных различных нападениях. Жестокое убийство вольноотпущенника Томаса Раундтри было совершено отрядом из 80 клансменов. Совершенный на его дом налет был с целью найти, как сообщалось, «хранившееся оружие». Когда клансмены ворвались в дом, Раундтри выстрелил в толпу с чердака, ранив одного из нападавших – Сапо. Затем он спрыгнул и, пытаясь спастись бегством, был убит. Свидетель насчитал на теле около 35 пулевых отверстий. На тот случай, если бы этого оказалось недостаточно, Генри Сапо, брат убитого нападавшего, вытащил нож и перерезал горло Раундтри «от уха до уха». [Ibid., p. 460–606, 505–507, 586–587; 12, p. 168, 209–210]. В последнем слове один из подсудимых заявил: «почти все в нашем районе принадлежали к организации» [9, p. 781].

Суд часто спрашивал об их маскировке и её дальнейшей судьбе [рис.8]. Судьба её была различной – чаще всего говорили о том, что сожгли её [12, p. 152–153].

Свидетельские показания со стороны защиты не менее интересны. В суд был приглашён репортёр газеты «Charleston Courier» Джон А. Моросо. Он указал, что волнения в Йорке в предверии выборов были неизбежны и вызваны как ответная реакция на поведение «чёрной милиции» — до их появления в городке был «полный порядок». В действительности же, барабанным боем ополченцы пытались разогнать собрание членов Клана. По ходу допроса выяснилось, что свидетель присутствовал на этом собрании. На что прокурор Корбин отметил, что не видит релевантности или уместности этих показаний: «...Я понимаю, что вопрос в данном случае заключается в том, организовали ли эти стороны заговор, чтобы лишить различных лиц африканского происхождения привилегии голоса. Мы ограничили наши показания этим вопросом, теперь, в ответ, у нас в качестве свидетеля выступает репортер газеты». Ответное слово суду со стороны Стэнбери строилось на выставлении виновными афроамериканцев: «Мы пытаемся показать, что не было никакого намерения вмешиваться в избирательные права», что оружие было «вложено в руки цветных людей — не цветных людей вообще, а цветных радикалов, или республиканцев, как их называли, в их конкретном округе». Шум барабанов чернокожих ополченцев был охарактеризован как решимость «подавить право на свободу слова шумными демонстрациями, опасными нападениями, забрасыванием их камнями, подвергая их жизни опасности и мешая самому кандидату выступить перед своей партией». На что последовало возражение со стороны Корбина: «Эти партии обвиняются во вступлении в этот заговор в марте, почти через 6 месяцев после предвыборной кампании, к которой относится это нарушение» [Ibid., p. 293–296]. В

своих показаниях остальные свидетели также старались представить убитого Кланом чернокожего капитана милиции как «плохого парня», стремившегося «убивать с пелёнок». В тоже время было выяснено, что ранее Уильямс не был замечен в проявлениях расизма или нетерпимости к белым, а такое поведение было связано с поступавшими угрозами от клансменов. Когда же суд выяснял политические предпочтения свидетелей защиты, отвечавшие отмечали себя как сторонников Демократической партии, что является весьма показательным моментом [Ibid., p. 247, 249, 308–309, 371, 351, 359–361, 389–392].

Рис. 8. Гравюра 1884 года воспроизводит фотографию 1870 года, сделанную под руководством помощника маршала США Дж. Г. Хестера, который изъял традиционное одеяние в виде балахонов у арестованных членов Ку-клукс-клана в Северной Каролине. Данная фотография сделана с целью продемонстрировать, что, по слухам, Клан совершил с белым республиканцем Джоном А. Кэмпбеллом. Источник: Green B. The Existing Conflict Between Republican Government and Southern Oligarchy, 1884, p. 157. URL: https://books.google.com/books?id=N5tBAAAAYAAJ&pg=PA157

28 декабря 1871 г. последние приговоры были вынесены. Подсудимые были признаны виновными, получившими наказание в виде лишения свободы и

штрафа. Правда, как отмечалось, зачастую штраф был символическим, не превышавшим 200 долларов. Минимальный срок заключения получили Уильям Рэмски и Кристенберри Тейт – 3 месяца. Так, Аарон Эззел и Бриджес были приговорены к штрафу всего в 10 долларов и годовому заключению [Ibid., p. 764, 771, 773, 777, 779]. Самый же суровый приговор был вынесен в отношении Сквайра Самуэля Брауна, влиятельного человека в Йорке, бывшего судьёй до 1868 г. Именно от Брауна обвинение получило копию устава и подзаконных актов Ку-клукс-клана, использованных для доказательства существования заговора и его политических целей. Решение суда по его делу заключалось в штрафе 1000 долларов и заключении в тюрьму сроком на 5 лет. Общественное мнение как Севера, так и Юга, осудило приговор Брауну как чрезмерный. Жители Южной Каролины написали своим друзьям в других штатах, подавшим апелляции в защиту Брауна [Ibid., p. 768; 12, p. 229].

Однако не все из представших перед судом в Южной Каролине были в конечном итоге осуждены. Лидер Клана доктор Эйвери бежал из штата утром в день заключительных прений. Когда стало известно о побеге Эйвери, судья Бонд допросил его адвоката Макмастерса, о том, что произошло и как доктору Эйвери удалось сбежать. Макмастерс отказался сотрудничать, и его привлекли к ответственности за неуважение к суду, но дело против него не было закрыто. Также бежал из штата и доктор Брэттон. В конце концов, его обнаружили вместе с доктором Эйвери в Лондоне, Онтарио, Канада. Канадские власти отказались выдать беглецов. В 1873 г. обвинения с них были сняты [Ibid., p. 204–205].

Необходимо иметь в виду, что привлечение к ответственности и судебное разбирательство далеко еще не означали неизбежного осуждения клансмена. Южная Фемида была весьма благосклонна, и все чаще и чаще по мере возрастания сил реакции ее весы склонялись в их сторону. Если в 1870 г. 74% всех возбужденных по антикланистским законам уголовных дел выигрывало правительство, то в 1871 г. – 41%, 1872 – 49%, 1873 – 36% а после 1874 г. – менее 10%. Исследователями было также подсчитано, что лишь 20% судебных процессов, начатых против клансменов, заканчивались их осуждением; 70% такого рода разбирательств завершались или оправданием подсудимых, или прекращением дела по формальным основаниям. Из общего числа 2631 представших перед судом 281 оправдали присяжные, а в отношении остальных 2350 подсудимых уголовное преследование было или вовсе прекращено, или же они отделались очень мягкими приговорами [3]. В этом плане показателен пример Миссисипи [рис. 9] – здесь в 1872 г. к ответственности привлекли 640 человек, но только 1 был приговорен к тюремному заключению. И даже обвинительный вердикт еще не означал, что признанный виновным отбудет назначенное наказание. В 1873 г. большинство находившихся в заключении клансменов было помиловано. Президент Грант дал понять, что он освободит отбывавших наказание клансменов, если их родственники обратятся к нему с прошениями об этом [2, с. 26–27].

Рис. 9. Клансмены из штата Миссисипи, 1872 г. Данное изабражение было опубликовано в газете «Harper's Weekly» 27 января 1872 г. В газете сообщалось, что эти люди были схвачены в сентябре 1871 г. в округе Тишаминго прокурором Г. У. Уэллсом при содействии маршала Дж. Х. Пирса и его заместителя Джона Маккоя. Источник: Harper's Weekly – January, 27, 1872. URL: https://archive.org/details/sim_harpers-weekly_1872-01-27_16_787

Генеральный прокурор Аккерман, пытавшийся проводить политику энергичного преследования клансменов, очень скоро был вынужден уйти в отставку, не встретив поддержки ни коллег по кабинету, ни самого президента Гранта. Некоторые историки считают, что его отказ подчиниться железнодорожным магнатам создал политические проблемы для президента [11, p. 101]. Пришедший ему на смену Джордж Х. Уильямс не поддержал продолжение судебных процессов после окончания второго срока полномочий окружного суда в апреле 1872 г., несмотря на

возражения Корбина и майора Меррилла. Их доводы сводились к тому, что никаких долгосрочных социальных изменений ещё не произошло. Жители Южной Каролины просто выжидали, пока федеральные власти успокоятся. Как только федеральные войска покинут штат, убийства и беззакония возобновятся. Но в конечном итоге на Севере победила примиренческая точка зрения на проблему – Уильямс разработал политику помилования по рассматриваемым делам, которую в итоге принял Грант. Остальные дела о принудительном исполнении законов были прекращены в 1873–1874 гг. Несмотря на отправку войск по всему Югу с целью обеспечить беспрепятственное проведение выборов 1874 г., федеральное судебное преследование в соответствии с законами о принудительном исполнении больше не продолжалось [Ibid., p. 125–126].

Удобным предлогом для свертывания борьбы с кланистским движением в 1874 г. послужило обстоятельство двух уголовных дел (Риса и Крункшэнка), переданных на рассмотрение Верховного суда США. В них ставился вопрос о неконституционности закона о принуждении от 31 мая 1870 г. В связи с этим Уильямс информировал районных атторнеев: «Я не верю, что можно, в связи с этими обстоятельствами, добиться осуждения какого-либо лица. Я думаю, что необходимо временно приостановить уголовное преследование по этим законам, пока не станет известным мнение Верховного суда о конституционности данных актов...» Не удивительно, что пока в течение 1874–1876 гг. дела Риса и Крункшэнка рассматривались в высшей судебной инстанции страны, «программа борьбы против беззакония и насилия на Юге была приостановлена» [3].

Заключение

Активность кланистского движения в начале 1870-х годов в штатах Глубокого Юга отличалась высокими показателями совершаемых противоправных действий и отражало продолжение активного сопротивления проводимой республиканцами политике Реконструкции. Судебные процессы в южных штатах отражают высокий уровень вовлечения бедного белого населения Юга в террор. Консервативные силы в лице Демократической партии нередко выступали как негласные покровители кланизма, финансово помогая ему в защите. О восприятии Клана как защитника интересов белых южан свидетельствует значительное количество оправдательных приговоров, выносимых местными судами, или же и вовсе непривлечение к какой-либо ответсвенности.

В ходе судебных процессов над клансменами в Южной Каролине в 1871–1872 гг. федеральные прокуроры добились уничтожения Клана как общественной силы в штате. Однако дальнейшее скорое помилование осужденных окончательно поставило крест на эффективности их работы. Успешное судебное преследование Клана не повлекло за собой усиления конституционной поддержки гражданских прав чернокожих. Таким образом, в эпизоде с судебными процессами возникает парадокс: в то время, как Клан потерпел крах, конституционные права чернокожих оставались ущемлены. Судебное преследование также не устранило насилие и запугивание как инструменты политической деятельности, не говоря уже о расизме и местных предрассудках, из которых и выросли данные политические объединения. На смену

Клану с похожими целями пришли иные расистские группировки, ставшие в чем-то даже более жестокими, чем их кровавые предшественники.

По итогу прошедших процессов явно прослеживается поиск со стороны белых северян более примирительного отношения с южными штатами. После 1874 г. судебные преследования по Законам о принудительном исполнении практически прекратились, что в целом, на фоне общего упадка республиканцев, отражало взятие под контроль ситуации и политической власти на Юге реакционными, консервативными силами. Де-факто это означало спад и завершение Реконструкции.

Список использованных источников и литературы

1. Илюхина Е. В. Политика президента Улисса С. Гранта в отношении Ку-Клукс-Клана. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета.– 2021.– № 3(59). – С. 64–73.

Iluhina E. V. Politika prezidenta Uilissa S. Granta v otnoshenii Ku-Kluks-Klana. Ucheny'e zapiski. Elektronny`i jurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta.– 2021.– № 3(59). – S. 64–73.

2. Лисневский Э. В., Иванов Р. Ф. Ку-Клукс-клан. – М.: Наука, – 1981. – 192 с.

Lisnevsky E. V., Ivanov R. F. Ku-Kluks-Klan. – M.: Nauka, – 1981. – 192 s.

3. Лисневский Э. В. Ку-клукс-клан в период Реконструкции Юга (1865–1877 гг.) URL: https://america-xix.ru/library/lisnevskiy-ku-klux-klan/ (дата обращения: 21.04.2025).

Lisnevskij E. V. Ku-kluks-klan v period Rekonstrukcii Yuga (1865–1877 gg.) https://america-xix.ru/library/lisnevskiy-ku-klux-klan/ (accessed: 21.04.2025).

4. Прилуцкий В. В. Вооруженное политическое насилие на Юге США во время Президентской и Конгрессовской Реконструкции (1865–1870 гг.) Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 3(10) / гл. ред. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2024. – С. 91– 99.

Priluckij V. V. Vooruzhennoe politicheskoe nasilie na Yuge SShA vo vremya Prezidentskoj i Kongressovskoj Rekonstrukcii (1865–1870 gg.) Amerikanistika na Dal'nem Vostoke: ezhegodnyj byulleten'. Vyp. 3(10) / gl. red. D. V. Kuznecov. – Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, 2024. – S. 91– 99.

5. Gillette W. Retreat from Reconstruction, 1869–1879. – Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1979. – 478 p.

6. Hall K. Political Power and Constitutional Legitimacy: The South Carolina Ku Klux Klan Trials, 1871–1872. – Emory Law Journal. – 1984. – Vol. 33. – P. 921–950.

7. Joint Select Committee. Report of the Joint Select Committee to Inquire into the Condition of Affairs in the Late Insurrectionary States, made to the two Houses of Congress February 19, 1872. 1872. – 1990 p.

8. Kaczorowski R. The Politics of Judicial Interpretation: The Federal Courts, Department of Justice, and Civil Rights, 1866–1876. – New York: Fordham University Press, 2005. – 256 p.

9. Proceedings in the Ku Klux trials at Columbia, S.C., in the United States Circuit Court, November term, 1871. – 835 p.

10. Richardson J. D. A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents 1789–1908. – New York: Bureau of National Literature and Art, 1908. – 640 p.

11. Wade C. The Fiery Cross: the Ku Klux Klan in America. – New York: Oxford University Press, 1987. – 526 p.

12. Williams L. F. The Great South Carolina Ku Klux Klan trials, 1871–1872. – Athens: University of Georgia Press, 1991. – 299 p.

Kalashnikov A. V. On the issue of the prosecution of the klanist movement during its growth in the states of the Deep South of the USA in the early 1870s

This article examines the specifics of the prosecution of racist groups during the growth in the states of the Deep South in the early 1870s. After a series of various acts of armed political violence, the federal government

decided to enact several laws aimed at suppressing the Klan movement in the Southern United States. However, having encountered considerable resistance, these plans were first significantly adjusted, and then eventually they were completely abandoned. The resistance under study was pronounced, and the court proceedings against it served as proof of the political goals of the conservative forces in the region aimed at restricting the rights of the black population. Based on a number of works by foreign authors, as well as sources from the period under study, a more complete picture of the situation in the Deep South in 1870–1877 is revealed. The historical context of the adoption of these laws based on the challenges of the political crisis is considered. The main focus is on the preparation and content of court hearings on the cases of former klansmen, held in November–December 1871 in Columbia, the capital of South Carolina.

Keywords: USA history, Reconstruction, Ku Klux Klan, klanist movement, terror, court, Republicans, reaction.

УДК 94(47).073.5

DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18678680

РАЗВИТИЕ СИТУАЦИИ НА ЧЕРНОМ МОРЕ В ПРОГНОЗАХ ВОЕННОГО КОМАНДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (ОКТЯБРЬ 1853 – СЕНТЯБРЬ 1854 ГГ.)[1]

Курочкин С. С.

Санкт-Петербургский институт истории РАН
Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: qeen123@yandex.ru

Проведен анализ прогнозов российских военачальников относительно действий турецких и англо-французских войск в акватории Чёрного моря в конце 1853 – первой половине 1854 гг., а также изучение деятельности российского командования по защите российского побережья Чёрного моря от вражеских десантов на начальном этапе Крымской войны. Благодаря анализу официальной документации и источников личного происхождения (включая переписку между императором Николаем I и И. Ф. Паскевичем, М. С. Воронцовым, М. Д. Горчаковым, А. С. Меншиковым, мемуары участников Крымской войны) становится возможным установить, что российское командование уделяло большое внимание угрозе вражеских десантов. Было выдвинуто несколько версий о возможном месте вражеской высадки. Однако противоречивость имевшейся информации о планах противника и недооценка изменений, произошедших в первой половине XIX века в области морского транспорта, помешали своевременно определить, что после вывода российских войск из Дунайских княжеств в июне 1854 г. англо-французское командование задействует свои главные силы для высадки в Крыму с целью атаки Севастополя.

Ключевые слова: Крымская война (1853–1856), оборона Севастополя (1854–1855), император Николай I, Ф. И. Паскевич, М. Д. Горчаков, А. С. Меншиков.

Начальный этап Крымской войны (с момента объявления Османской империей войны России 4(16) октября 1853 г. до высадки английских, французских и турецких войск под Евпаторией 1(13) сентября 1854 г.) неоднократно подвергался анализу в трудах военных историков. Но вопрос, насколько эта высадка оказалась неожиданной для российского командования, до сих пор является предметом споров. Дискуссия о степени готовности российских войск в Крыму к отражению масштабного вторжения, о роли конкретных военачальников в распределении сил между театрами военных действий, началась на начальном этапе развития историографии Восточной войны и продолжается до настоящего времени [25]. В связи с этим целесообразно проанализировать воззрения представителей российского военного командования на

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ, проект № 25-18-00670 «Российская политика «мягкой силы» и Османская империя XVIII — начала XX в.: поиск альтернативы военного противостояния».

угрозу высадки вражеского десанта на территории российского Причерноморья в рассматриваемый период во взаимосвязи с внешнеполитической ситуацией и ходом военных действий.

В марте 1853 г император французов Наполеон III, стремясь оказать давление на Россию и на Турцию в ходе «спора о Святых местах», принял решение об отправке эскадры к турецким берегам в Архипелаг (Саламинскую бухту) [19, с. 170]. Ещё до вступления русских войск в Молдавию и Валахию (21 июня (3 июля) 1853 г.), в конце мая 1853 г. английская и французская эскадры были переброшены в Безикскую бухту у входа в пролив Дарданеллы [4, с. 296]. После нападения турецких войск на форт Святого Николая 3(15) октября 1853 г. и объявления Портой войны России 4(16) октября [19, с. 266], 9 (21) октября султан Абдул-Меджид I выпустил фирман, разрешавший англо-французской эскадре войти через пролив Дарданеллы в Мраморное море [4, с. 305].

После начала войны осенью 1853 г. в Англии обсуждалась возможность отправки английской эскадры для защиты турецких портов. Императору Николаю I было об этом известно, и в рескрипте А. С. Меншикову от 9(21) октября 1853 г. он писал, что собирается сообщить правительствам Англии и Франции, что будет трактовать вторжение их эскадр в Чёрное море как открытие военных действий против России. Также он давал А. С. Меншикову указание быть готовым атаковать турецкий флот, если он будет зимовать вне Босфора. Если бы английские или французские корабли действовали совместно с турецкими, их следовало считать вражескими [1, с. 76].

Победа российского флота в сражении при Синопе 18(30) ноября 1853 г., изменившая расклад сил в Чёрном море [10, с. 222], была использована английскими политиками – сторонниками войны как повод требовать от правительства Д. Абердина укрепить союз с Францией и использовать британский флот, чтобы «покончить с Россией как с военно-морской державой на востоке» [4, с. 301]. М. Д. Горчаков во «Всеподданнейшей записке о военных действиях в европейской Турции в 1854 г.» от 21 ноября (3 декабря) 1853 г. упоминал об угрозе вмешательства «морских держав» в войну на стороне Турции. По его расчетам, для усиления османских войск, сосредоточенных в европейской части Турции (общей численностью 120–150 тыс. чел.), ее англо-французские союзники могли высадить десант. Союзники, обладая многочисленным флотом, могли, взяв под контроль Черное море, высадить войска в окрестностях Константинополя для его обороны от русских войск (когда те перейдут Балканы) или произвести высадку к северу от Балкан, чтобы создать угрозу флангам русской армии [17, л. 61]. М. Д. Горчаков, однако, ожидал, что либо англо-французские противоречия, либо опасения Турции по поводу сохранения своей независимости приведут к распаду англо-франко-турецкого союза. В нейтралитете Австрии в предстоящей войне он не сомневался. По его мнению, русским войскам следовало сосредоточить основные силы для защиты Дунайских княжеств и предпринять ограниченное по масштабам наступление, форсировав Дунай в его верхнем течении, чтобы спровоцировать восстания среди славянского населения Османской империи [17, л. 61 об.].

Николай I в рескрипте А. С. Меншикову от 3(15) декабря 1853 г. допускал, что Англия и Франция могут ввести эскадры в Чёрное море, и рекомендовал не вступать с ними в бой в открытом море, а укрыть флот в Севастополе и при необходимости принять бой под защитой береговых батарей. По оценке императора, имевшихся в Крыму сил было достаточно для отражения десанта, который противник тогда мог организовать. К апрелю 1854 г. он намеревался направить в Крым 16-ю дивизию и бригаду гусар [1, с. 78].

Согласно дневнику А. С. Меншикова, 18(30) декабря 1853 г. он получил от М. Д. Горчакова депешу, в которой передавалось содержание телеграммы посла в Вене П. К. Мейендорфа о намерении Англии и Франции направить в Чёрное море эскадры для защиты турецких портов. 22 декабря (3 января) корабли союзников отплыли из Босфора. 25 декабря (6 января) пароходофрегат «HMS Retribution» доставил в Севастополь письмо вице-адмирала Дж. Дандаса с предупреждением о намерении ввести в Чёрное море английскую и французскую эскадры. Декларируемой целью этого шага была «защита территории и флага Османской империи против любой агрессии и враждебных действий» [1, с. 33].

Во всеподданнейшем донесении от 3(15) января 1854 г. М. Д. Горчаков, упомянув об угрозе высадки в Варне «вспомогательного европейского отряда», рекомендовал весной 1854 г. направить усилия на овладение крепостью Силистрия, так как контроль над ней давал возможность отразить наступление турок и их союзников со стороны Варны, Шумлы и Разграда [17, л. 74]. В. А. Корнилов в письме к брату А. А. Корнилову из Севастополя от 3(15) января 1854 г. писал: «Да поможет нам Бог выйти со славой из этой решительной борьбы, в которую завлекла нас зависть вечных мутителей мира Европы, англичан» [17, л. 53].

А. П. Озеров 4(16) января сообщал А. С. Меншикову, что, согласно французскому циркуляру, флоты союзников будут поддерживать «демаркационную линию» от Батума до Варны, чтобы не допустить столкновений между русским и турецким флотами [1, с. 39]. После данного шага европейских держав Николай I настаивал на ускоренной подготовке к наступлению в европейской части Османской империи [10, с. 242]. Поскольку продвижение русских войск на Балканы затрагивало интересы Австрии, Николай I направил в январе 1854 г. А. Ф. Орлова для переговоров с императором Францом-Иосифом; но по их итогам стало ясно, что австрийский император не готов гарантировать нейтралитет и может присоединиться к антироссийской коалиции [19, с. 397]. И. Ф. Паскевич во всеподданнейшем письме от 16 (28) января 1854 г. предположил, что, возможно, Австрия имеет с Англией и Францией некое тайное соглашение.

В связи с появлением англо-французского флота в Чёрном море возросли опасения российского командования касательно вмешательства этих держав в войну. Главнокомандующий войсками на Кавказе М. С. Воронцов во всеподданнейшем письме от 18 (30) января 1854 г. писал: «…для сохранения не только могущества, но и доброго имени России в здешней стороне необходимо, ежели только возможно, не допустить до разрыва с западными морскими державами, которые, не рискуя ничем, могут сделать нам здесь ужасный вред, пагубным последствиям которого нельзя

предвидеть ни пределов, ни конца» [17, л. 5 об.]. М. С. Воронцов надеялся, что разгром турецкого флота при Синопе и успех русских войск в бою при Ахалцихе создали благоприятную почву для переговоров с Портой и что её удастся склонить к миру (даже ценой уступок относительно тех требований, которые Россия предъявила на начало войны). В ответном письме к М. С. Воронцову Николай I признавал, что вступление в войну Англии и Франции затруднит положение России, но утверждал, что «несогласно с достоинством России» идти на уступки в переговорах с Турцией и что уступки, которые затребовали бы страны-противники России, были бы для нее неприемлемы: «Россия требует того, что ей следует по трактатам, ни больше, ни меньше; где же тут место уступкам» [17, л. 7]. Император писал, что ему известно о подготовке Англии и Франции к войне на Чёрном море и на Балтике: «Говорят, что 60 т. французов и 15 т. англичан под командою Фицроя Сомерсета отправляются в Царьград; а к нам на Балтику отправляется флот. Милости просим, постараемся принять с должной почестью» [17, л. 8].

27 января (8 февраля) А. С. Меншиков отметил в дневнике, что получил от Ф. И. Бруннова предупреждение, что Англия готовит пять полков, а Франция – 20 тыс. солдат для помощи Турции [1, с. 40], и выразил опасение, что его войск не хватит для борьбы с такой армией, если она будет высажена в Крыму.

В начале 1854 г. Николай I настаивал на форсировании русскими войсками Дуная, надеясь нанести поражение Османской империи до того, как Англия, Франция или Австрия смогут собрать силы для помощи ей [10, с. 242]. Однако И. Ф. Паскевич и М. Д. Горчаков подчёркивали риски, связанные с ведением наступательной войны в такой обстановке. В записке, представленной императору в конце января 1854 г., М. Д. Горчаков писал, что Турция сможет выставить против России 180 тыс. чел., французы развернут на Балканах два корпуса по 20 тыс. чел. каждый. Собственные силы (3-й, 4-й, половина 5-го корпуса) М. Д. Горчаков оценивал в 160 тыс. чел. В этих условиях турки могли перейти в наступление в восточной Болгарии силами до 40 тыс. чел. при поддержке одного французского корпуса (20 тыс.). После начала боевых действий в низовьях Дуная турки (около 50 тыс.) могли перейти наступление и в Малой Валахии с целью зайти в тыл русской армии и создать угрозу Бухаресту и Плоешти. Далее, как полагал М. Д. Горчаков, Омер-паша мог вторгнуться через Туртукай, Шумлу или Силистрию в Большую Валахию с армией численностью до 80 тыс. чел.

4(16) февраля российские послы были отозваны из Лондона и Парижа после ответа правительств Англии и Франции, согласно которому их соединённые эскадры в Чёрном море не должны были препятствовать турецкому судоходству, тогда как русским судам под угрозой применения силы запрещалось покидать порты [19, с. 414]. 9(21) февраля 1854 г. был оглашён манифест императора Николая I о разрыве дипломатических отношений с Англией и Францией [4, с. 321]. В феврале 1854 г. защита северного побережья Чёрного моря была разделена на три участка. Войска между устьями Днестра и Буга находились под командованием Д. Е. Остен-Сакена. Главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму являлся А. С. Меншиков. Войска по обе стороны Керченского пролива находились в подчинении М. Г. Хомутова [10, с. 236]. В

связи с болезнью кавказский наместник М. С. Воронцов был отправлен в отпуск, и его обязанности исполнял Н. А. Реад. Николай I в рескрипте А. С. Меншикову 10(22) февраля 1854 г. сообщил, что ожидает действий вражеских флотов на Балтийском и на Чёрном море и что планирует немедленно направить для усиления войск в Крыму резервную бригаду 14-й дивизии, а затем – 16-ю дивизию. Он выражал уверенность, что Севастополь готов к отражению бомбардирования с моря, и предполагал, что противник вряд ли попытается высадить десант вблизи Севастополя с Северной стороны из-за необходимости штурмовать Северное укрепление. Император больше опасался высадки у Феодосии или Алушты, так как оттуда противник мог наступать на Южную сторону [1, с. 79].

М. С. Воронцов в письме к А. П. Ермолову от 16 (28) февраля 1854 г. указывал, что присутствие флотов союзников в Чёрном море создает угрозу правому флангу русской армии на Кавказе. Выделение войск для защиты Мингрелии и Абхазии от десантов могло помешать наступлению на Карс, Ардаган и Баязет [3, стб. 468]. В конце февраля – начале марта 1854 г. была проведена эвакуация гарнизонов Черноморской береговой линии [1, с. 41]. В феврале 1854 г. Н. А. Реад поднял вопрос об очищении Абхазии и Дагестана. Император Николай I не допустил вывода войск из Дагестана, но из Абхазии войска были выведены [10, с. 247]. Также было принято решение об эвакуации (3–5 марта) гарнизонов Черноморской укрепленной береговой линии.

И. Ф. Паскевич в соображениях, представленных императору в начале февраля 1854 г., утверждал, что для защиты западной границы Российской империи от Австрии и Пруссии, вместе имевших до 300 тыс. солдат, (из которых 150 тыс. они могли задействовать против России) необходимо было увеличить группировку войск на границе со 100 до 200 тыс. чел. [21, с. 101]. По оценке И. Ф. Паскевича, Кавказская армия имела достаточно войск, чтобы сдержать наступление горцев и турок. Он упоминал, что, по слухам, союзники готовят десант численностью до 40 тыс. чел. в Одессе или в Крыму, но считал эту угрозу второстепенной: «Десанты вообще ведь дело трудное; важного же вреда они нам причинить не могут, если мы только в состоянии будем защитить наши морские заведения» [21, с. 100]. Для защиты Крыма и Одессы, по его оценке, хватило бы 35 тыс. чел. Он рекомендовал направить усилия Дунайской армии на овладении турецкими крепостями на её левом фланге. Однако во второй половине февраля И. Ф. Паскевич стал предлагать отложить наступление на Дунае до осени, поскольку с началом осенних штормов союзный флот не смог бы проводить десантные операции [21, с. 107].

И. Ф. Паскевич в предписании к М. Д. Горчакову от 17 февраля (1 марта) 1854 г. писал, что Англия и Франция, вероятно, подготовят армию, состоявшую из 40 тыс. французов и 10 тыс. англичан, которая могла бы быть развернута как в европейской, так и в азиатской части Османской империи. Турецкая армия на Дунае и на территории от Варны до Софии составляла около 180 тыс. чел, из которых 60 тыс. могли быть выделены для действий в поле. И. Ф. Паскевич ожидал, что в случае переправы русских войск через Дунай (56 тыс. пехоты и 10 тыс. кавалерии), против нее бы действовала объединенная англо-франко-турецкая армия численностью 100–

110 тыс. чел. Возраставшая враждебность Австрии заставляла опасаться, что австрийская армия (до 100 тыс. чел.) после перехода русских войск через Дунай могла совместно с турецкой начать боевые действия и захватить Фокшаны и Яссы с целью отрезать Дунайскую армию [17, л. 92 об.].

В письме М. Д. Горчакову от 24 февраля (8 марта) 1854 г. И. Ф. Паскевич выказал опасения, что после переправы русской армии через Дунай десант (40 тыс. французов и 10 тыс. англичан) мог быть высажен в устье Дуная или в районе Одессы [17, л. I об.]. Эти же силы могли быть высажены в Варне для поддержки турецких войск. 24 февраля (8 марта) 1854 г. И. Ф. Паскевич направил Д. Е. Остен-Сакену предписание касательно подготовки Одессы к обороне на случай вражеской высадки. Поскольку противник мог высадиться как возле города, так и на отдалении от него, Д. Е. Остен-Сакену было предписано выделить часть войск для отражения попыток вражеского десанта захватить город сразу после высадки. Если бы союзники высадились на удалении от города, Д. Е. Остен-Сакену предписывалось атаковать их силами ¾ его отряда с целью затруднить продвижение к Одессе и дождаться прибытия уланской резервной дивизии [17, л. 95 об.].

В записке от 25 февраля (9 марта) И. Ф. Паскевич писал, что русской армии, в случае вступления Австрии в войну, вероятно, придётся очистить Малую Валахию и половину большой Валахии, перенеся оборону за р. Серет. В предписании М. Д. Горчакову от 27 февраля (11 марта) И. Ф. Паскевич высказывал опасения, что Англия, Австрия, Франция и Турция могут предпринять совместное наступление. В предписаниях М. Д. Горчакову от 27 февраля (11 марта) и 8(20) марта И. Ф. Паскевич предполагал, что французский десант мог быть высажен в районе Одессы, в районе Николаева или в устье Днестра. Он считал, что французы, высадившись на правом берегу Днестра (в районе Аккермана), могут создать угрозу Измаилу, Бендерам, Леово, и русскому командованию придется выделить минимум одну пехотную дивизию для защиты Ясс и Кишинёва. Если в этот момент австрийцы начнут наступление, русская армия будет вынуждена очистить Валахию до Бузэу. И. Ф. Паскевич рекомендовал М. Д. Горчакову после переправы через Дунай и захвата Мачина, Исакчи и Тульчи и не подниматься вверх по течению к Гирсову, чтобы иметь войска для отражения французского десанта. Для этой цели он предписывал в начале апреля направить одну пехотную дивизию в Кагул и развернуть кавалерию между Измаилом и Аккерманом. В предписании М. Д. Горчакову от 8(20) марта И. Ф. Паскевич писал, что, если бы переправу через Дунай не удалось осуществить с первой попытки, вторую предпринимать не следовало [17, л. 102 об.]; следовало быть готовым к отступлению в Малой и Большой Валахии до Бухареста, до Бузэу и даже до реки Серет, чтобы дать сражение австрийцам [17, л. 104]. Ожидая, что русская армия будет вынуждена отступить на линию между Бузеу, Браиловым и р. Серет, И. Ф. Паскевич настаивал, что запасы армии должны быть сосредоточены на реках Серет и Прут [17, л. 98].

А. С. Меншиков выражал обеспокоенность касательно угрозы Крыму. 28 февраля (12 марта) он объехал местность на Северной стороне Севастополя до Бельбека вместе с генерал-майором А. О. Аслановичем, чтобы обозначить

территорию, которую ему надлежит оборонять в случае появления вражеского десанта [1, с. 42]. 1(13) марта А. С. Меншиков получил от К. В. Нессельроде письмо с предупреждением о намерении Англии открыть военные действия на Балтийском и Черном морях. 6 (18) марта в Севастополе было получено сообщение от военного министра В. А. Долгорукова, согласно которому французы могли планировать десант на Перекопе (но А. С. Меншиков считал такую операцию неосуществимой) [1, с. 43].

В начале марта П. К. Мейендорф сообщил, что Австрия собирается сконцентрировать на границе с Дунайскими княжествами до 150 тыс. солдат. Однако 11(23) марта 1854 г. русские войска форсировали Дунай в районе Измаила, Браилова и Галаца [15, л. 97]. В предписании от 15(27) марта И. Ф. Паскевич сообщал М. Д. Горчакову, что Австрия вряд ли объявит России войну из-за переправы русских войск через Дунай. Но из-за угрозы англо-французского десанта необходимо либо усилить Одесский отряд 16-й пехотной дивизией, либо направить ее к Бендерам на случай вражеской высадки на правом берегу Дуная [17, л. 111]. После переправы через Дунай, занятия русскими войсками Мачина, оставления турками Тульчи и Исакчи М. Д. Горчаков в рапорте от 16 (28) марта 1854 г. испросил у И. Ф. Паскевича разрешение на занятие Гирсова, утверждая, что высадки французов не следует ожидать ранее второй половины апреля.

15(27) марта 1854 г. произошло объявление Англией и Францией войны России. 18(30) марта англо-французский флот, находившийся у побережья Варны, вышел в море [4, с. 321]. В письме М. Д. Горчакову от 24 марта (5 апреля) 1854 г. А. С. Меншиков сообщил, что ведёт в Севастополе фортификационные работы, но столкнулся с трудностями из-за недостаточной компетенции инженеров. В рескрипте А. С. Меншикову от 25 марта (6 апреля) Николай I выражал надежду, что переправа русских войск через Дунай заставит союзников направить войска на Балканы; это снизило бы угрозу для Крыма. Возможными точками высадки вражеских десантов назывались Аккерман, Одесса, Крым, Анапа, Поти. Однако император считал, что союзники либо направят войска на помощь туркам на Балканах, либо высадятся в Крыму [1, с. 80]. Николай I рекомендовал продолжать работы по укреплению Севастополя, а также Николаева (на случай, если противник предпримет высадку у Одессы). Он сообщил о намерении направить в Крым бригаду 17-й дивизии (чтобы довести численность войск в Крыму до 17 полевых и 9 резервных батальонов).

В письме брату от 8 (20) апреля 1854 г. В. А. Корнилов писал: «…мы готовы угостить на славу какую угодно экспедицию, с какими бы машинами они ни были». Он сообщал, что его действия стесняет нехватка пароходов, но надеялся на скорый распад коалиции Англии и Франции с Османской империей: «…не всегда же эти друзья будут вместе, а порознь мы померяемся» [17, л. 53]. 10(22) апреля 1854 г. англо-французский флот подверг бомбардированию Одессу [6]. В рескрипте А. С. Меншикову от 20 апреля (2 мая) 1854 г. император Николай I предположил, что в ближайшее время на неё может быть предпринята повторная атака с высадкой десанта. Император считал, что сил, имевшихся в распоряжении Д. Е. Остен-Сакена, достаточно для отражения высадки, но сообщал о намерении усилить гарнизон Николаева и советовал усилить гарнизон Кинбурна [1, с. 82].

29 марта (10 апреля) в Галлиполи прибыли первые французские войска (1-й полк зуавов) [20, с. 130]. В апреле 1854 г. посол в Вене П. К. Мейендорф в переписке с И. Ф. Паскевичем заметил, что русским войскам за Дунаем угрожают с нескольких направлений. По его сведениям, Англия и Франция к маю 1854 г. могли развернуть для поддержки турецких войск на Балканах армию численностью в 75 тыс. чел. Австрийская армия, сосредоточенная на границе Дунайских княжеств, могла действовать во фланг и тыл русской армии на Дунае.

В письме А. С. Меншикову от 23 апреля (5 мая) 1854 г. И. Ф. Паскевич предполагал, что Австрия завершит военные приготовления в течение двух-трёх недель, после чего союзники (Англия, Франция, Австрия и Турция) смогут перейти в наступление на Балканах. Австрия, по его оценке, располагала в Венгрии, Трансильвании и на сербской границе армией в 230 тыс. чел. и могла послать в тыл русской армии до 70 тыс. чел., угрожая Яссам, Фокшанам или Каменцу. И. Ф. Паскевич ожидал от императора приказ об отступлении, но продолжал продвижение вглубь турецкой территории, чтобы «оттянуть десанты европейцев от наших берегов, притягивая их к себе» [16, л. 64]. Однако император Николай I требовал овладеть Силистрией.

С началом осады Силистрии в мае 1854 г. И. Ф. Паскевич все сильнее опасался того, что его армии могут угрожать австрийские войска, сосредоточенные вдоль сербской границы, и армия Омер-паши (до 60 тыс. чел), готовая выступить из Шумлы [15, л. 116 об.]. На помощь Силистрии могли выдвинуться англо-французские силы из Варны, куда 19 (31) мая 1854 г. прибыли английский и французский главнокомандующие, лорд Раглан и Сент-Арно. В начале мая К. А. Шильдер был убежден в возможности овладения Силистрией в течение двух недель, но Николай I в письмах И. Ф. Паскевичу отмечал, что в связи с наличием у крепости передовых укреплений, осада продлится не менее четырёх недель. Император надеялся, что взятие крепости произойдёт раньше, чем англо-французские войска в Варне будут готовы начать активные действия. Ф. Энгельс предполагал, что русская армия проявит упорство в борьбе за Силистрию ввиду её стратегической важности [24, с. 269]. По данным Е. В. Тарле, в мае 1854 г. Омер-паша стремился добиться от союзников скорейшего начала операции по деблокированию Силистрии [19, с. 474]. С конца мая 1854 г. началась переброска союзных войск из Галлиполи в Варну [20, с. 133]. Французский маршал Сент-Арно ожидал, что в скором времени Силистрия будет захвачена, и англо-французским войскам придётся вместе с османской армией отражать русское наступление.

Австрия в ноте от 22 мая (3 июня) и Пруссия в ноте от 31 мая (12 июня) потребовали от России очистить Дунайские княжества [10, с. 261]. В конце мая Николай I в переписке с И. Ф. Паскевичем отмечал, что осада Силистрии затягивается, и выражал опасение, что союзники успеют оказать ей помощь [2, стб. 174]. И. Ф. Паскевич убеждал императора, что у него нет уверенности, что крепость удастся взять в ближайшее время, а отступление Дунайской армии от Силистрии после вступления в войну Австрии может закончиться её разгромом. Он считал, что следует снять осаду и отступить за р. Серет не позже начала июля [21, с. 181]. К 1(13) июня 1854 г. русские войска, осаждавшие Силистрию, были готовы к

штурму двух передовых укреплений, но в ночь с 8(20) на 9(21) июля был получен приказ о снятии осады [15, л. 120]. Из-за угрозы со стороны Австрии и прибытия в Варну англо-французских войск Николай I принял решение вывести войска из Дунайских княжеств.

Очищение русскими войсками Дунайских княжеств поставило союзников перед необходимостью выработки плана дальнейшего ведения войны [20, с. 65]. Севастополь в качестве цели для атаки был впервые предложен ещё в декабре 1853 г. британским первым лордом Адмиралтейства Дж. Грейамом. После снятия осады Силистрии в июне 1854 г. план был принят в качестве компромисса между сторонниками ограниченной и широкомасштабной войны в английском правительстве. 17 (29) июня 1854 г. распоряжение о подготовке к переброске войск в Крым было направлено лорду Раглану военным министром герцогом Ньюкаслом. Наполеон III поддержал план, поскольку его внутриполитические цели требовали более решительных военных успехов [2, стб. 177]. П. К. Меньков писал, что английские газеты с июня 1854 г. начали публиковать статьи о планах Крымской экспедиции [15, л. 142]. Как отмечал Ф. Энгельс, в течение лета 1854 г. в британской прессе в качестве возможных целей экспедиции союзников назывались Севастополь, Анапа и другие пункты [23]. Д. А. Милютин указывал в записке от 28 июля (9 августа) 1854 г., что отступление русских войск за р. Прут и переход к оборонительной стратегии в войне позволит «морским державам» (Англии и Франции) угрожать России на всём протяжении ее морских границ [5].

В июне 1854 г., когда русская армия приступила к очищению Дунайских княжеств [22, стб. 240], И. Ф. Паскевич по-прежнему допускал, что Австрия может вступить в войну с Россией [18, с. 660]. По подсчётам Г. Жомини (записка от 9 июня 1854 г.), объединенные силы Турции, Англии и Франции на Балканах составляли 120 тыс. чел., Австрии – 200 тыс. [11, л. 1]. Однако в донесениях военного агента в Вене генерал-майора Э. Г. Штакельберга за июнь – июль 1854 г. сообщалось, что австрийский кабинет принял нового уполномоченного с внешним миролюбием, чтобы выиграть время, поскольку австрийские войска еще не были готовы начать боевые действия [12, л. 1]. Император Николай I предполагал, что, поскольку главные силы русской армии оставались на западной границе из-за австрийской угрозы, Англия и Франция могли использовать остававшиеся на Балканах войска на других театрах военных действий. В рескрипте А. С. Меншикову от 18 (30) июня Николай I, ссылаясь на данные посланника в Бельгии М. И. Хрептовича, предупреждал об угрозе высадки вражеских сил в Крыму. По одной из версий противник мог высадить войска у Евпатории, чтобы овладеть Перекопом. Однако император считал, что противник попытается высадить войска у Феодосии [1, с. 82].

В письме М. Д. Горчакову от 22 июня (4 июля) А. С. Меншиков писал, что, поскольку действия Австрии заставили русское командование отказаться от наступления на Дунае, Англия и Франция могут напасть на Крым. В письме М. Д. Горчакову от 30 июня (12 июля) А. С. Меншиков упомянул, что получил предупреждения о подготовке англо-французской экспедиции с целью разрушить Севастополь. Он сообщал, что у него недостаточно сил для защиты города от армии

численностью в 50 – 60 тыс. чел., которую противник мог высадить, и просил об отправлении в Крым 16-й дивизии. М. Д. Горчаков удовлетворил просьбу А. С. Меншикова [2, стб. 176], хотя И. Ф. Паскевич считал, что 16-й дивизией следовало усилить войска в Молдавии [21, с. 200].

Во всеподданнейшем донесении от 29 июня (11 июля) А. С. Меншиков высказал ряд предположений о возможных действиях противника в отношении Крыма. Овладение Феодосией не приносило союзникам значительных выгод: город не имел гавани, не был укреплен с сухопутной стороны. Феодосия не являлась удобной базой для нападения на Севастополь, поскольку союзной армии пришлось бы преодолевать значительное расстояние по крымским степям, её коммуникации оказались бы уязвимы. Захват Феодосии имел для врага смысл, если планировалось нападение на Арабат. Захват Керченского полуострова позволил бы союзникам перекрыть сообщение между Азовским и Чёрным морями, однако «теснота местности» в Керчи затрудняла высадку крупного десанта, а наступление из Феодосии на Керчь было бы сопряжено с теми же трудностями, что и наступление оттуда на Севастополь. А. С. Меншиков рекомендовал укрепить Ени-Кале и возвести батареи на противолежащем берегу Керченского пролива. А. С. Меншиков считал, что союзники ищут возможность атаковать Севастополь, поскольку их главная цель – уничтожение Черноморского флота. Однако им было бы трудно собрать силы для подобной операции, поскольку приходилось выделять войска для действий на Балканах [7, с. 355]. В случае вступления в войну Австрии союзники могли собрать армию численностью от 50 до 60 тыс. чел. Свои силы А. С. Меншиков оценивал в 26 пехотных батальонов (22700 штыков), 8 эскадронов гусар (1128 сабель) и 36 лёгких орудий [1, с. 84]. То есть, по оценке А. С. Меншикова, силы вторжения вдвое превосходили бы числом его армию. Главные силы были бы высажены в двух – трёх переходах от Северной стороны Севастополя (в Евпатории) и наступали бы вдоль береговой линии под прикрытием флота. Вспомогательный десант мог быть высажен на мысе Херсонес, чтобы заставить русскую армию держать часть сил на Южной стороне. А. С. Меншиков просил о присылке одной бригады с артиллерией в северную часть Крыма, поскольку войска М. Г. Хомутова находились слишком далеко, чтобы оперативно поддержать его. А. С. Меншиков считал, что укрепления Севастополя с сухопутной стороны позволяют защитить город от внезапного нападения, но уязвимы для правильной осады [1, с. 85].

Николай I рескрипте от 10(22) июля 1854 г. писал А. С. Меншикову, что согласен с оценками, высказанными в донесении от 29 июня (11 июля), и что высадка у Евпатории наиболее вероятна. Но на присылку в Крым дополнительной бригады требовалось не меньше месяца. Император рассчитывал, что войска М. Г. Хомутова успеют оказать помощь армии А. С. Меншикова, поскольку силы союзников могли начать движение не ранее, чем через 4 – 5 дней после начала высадки, а войска М. Г. Хомутова могли преодолеть расстояние в 200 верст за 5–6 дней [1, с. 85]. В рескриптах А. С. Меншикову от 10 (22) июля и 22 июля (3 августа) Николай I писал, что угроза со стороны Австрии сковывает действия армии М. Д. Горчакова [1, с. 86].

Летом 1854 г. англо-французские корабли неоднократно курсировали у побережья Крыма (с целью поиска места для высадки, сбора данных о состоянии флота и укреплений) [20, с. 107]. Через иностранную прессу до России доходили

сведения о вспышке холеры в лагере союзных войск в Варне. Это, как предположил Николай I в рескрипте А. С. Меншикову от 1(13) августа 1854 г., могло заставить союзников отложат десант в Крым. Император не исключал, что высадка может состояться позже, и одобрил решение М. Д. Горчакова послать 16-ю дивизию в Крым: с ее прибытием появилась бы возможность перебросить часть войск М. Г. Хомутова для защиты Анапы и Новороссийска. Основание беспокоиться за безопасность кавказского побережья давал визит Наиб-паши в Варну 25 июля (6 августа) 1854 г. Делегация от горцев Шамиля стремилась убедить англо-французское командование, что с появлением в регионе союзной армии он сможет собрать армию численностью до 40 тыс. чел. По данным Е. В. Тарле, маршал Сент-Арно в июле рассматривал план высадки в Новороссийске и Анапе. План был отвергнут из-за отсутствия уверенности в том, что Шамиль сможет предоставить обещанную помощь, а также из-за того, что Наполеон III считал операцию на Кавказе выгодной скорее Англии, нежели Франции.

В письме к А. С. Меншикову от 1(13) августа М. Д. Горчаков писал, что для защиты Севастополя целесообразно укрепить город, и с этой целью послал в Севастополь Э. И. Тотлебена. В дневнике (запись от 2(14) августа) В. А. Корнилов сообщал: «Войска много так, что надо желать, чтобы они, хвастуны, наконец решились бы на давно обещанную высадку». Там же он упомянул, что получил сведения о распространении в Варне холеры и тифа. 3(15) августа под руководством В. Я. Кирьякова были проведены маневры в устье реки Бельбек, в ходе которых отрабатывалось развертывание войск в случае вражеской высадки. В. А. Корнилов после данных маневров укрепился во мнении, что армия готова отразить вторжение в Крым. В. А. Корнилов в дневнике записал (запись от 7(19) августа): «Какой-то господин поместил в «Times» статью о возможности занять Севастополь и Крым, имея 60000 войска. Чтобы Дундасу и Раглану послушаться этого господина» [17, л. 53 об.]. По подсчётам, приводимым в рескрипте императора Николая I от 16 (28) августа, в распоряжении А. С. Меншикова должно было находиться 52 батальона, 16 эскадронов, 3 казачьих полка, 8 пеших и 2 конных батареи. Император писал, что не может выделить больше сил, так как войска нужны для обороны Анапы, Новороссийска и черноморской линии, Керчи [1, с. 90].

М. Д. Горчаков в письме А. С. Меншикову от 19 (31) августа писал, что с уходом русской армии из Дунайских княжеств развернутые на Балканах англо-французские войска могли быть использованы против Крыма. Согласно мемуарам Г. Д. Щербачёва, пароход «Эльборус», осуществлявший крейсерство у турецких берегов, выявил скопление вражеских транспортов в Варне [22, стб. 241]. Но многие офицеры были убеждены в невозможности высадки в Крыму армии, достаточно многочисленной для его захвата. Часть союзного командования высказывала опасения касательно рисков планируемой операции [2, стб. 177]. Численность русских войск в Крыму завышалась (назывались цифры от 45 до 80 тыс. чел.). Сила укреплений Севастополя не была известна [23, с. 381]. Однако опасения, что русская армия в Крыму будет усилена войсками, выведенными из Дунайских княжеств, заставили ускорить отправку [8, с. 393]. С 23 августа (4 сентября) по 26 августа (7 сентября) транспортные суда с войсками выходили из Варны, формируя походный

ордер для перехода к берегам Крыма. Точка высадки (Евпатория) была утверждена англо-французским командованием, но до отплытия держалась в секрете [20, с. 195].

20 августа (1 сентября), после осмотра укреплений Северной стороны Севастополя, В. А. Корнилов сделал в дневнике запись: «Так все устроено, что жаль будет, если Союзники не попробуют. Кажется, всё так изготовлено, что не посмеют» [17, л. 54]. 24 августа (5 сентября) В. А. Корнилов упомянул в дневнике маневры, проведённые на Херсонесском полуострове в Камышовой бухте, в ходе которых волынский полк под командованием Ф. Ф. Моллера имитировал высадку англичан, а резервная бригада 13-й дивизии под командованием А. О. Аслановича осуществляла её отражение. А. С. Меншиков написал в дневнике об итогах манёвров: «Увы, какие генералы и какие штаб-офицеры; ни малейшего не замечаю понятия о военных действиях, о расположении войск по местности, о употреблении стрелков и артиллерии. Не дай Бог настоящего дела в поле» [1, с. 51]. В. А. Корнилов заметил, что в ходе учений были выявлены проблемы, но был по-прежнему уверен, что армия готова защитить Крым.

В конце августа В. А. Корнилов получил сообщение о пожаре 10 (22) августа в Варне. В дневнике (запись от 27 августа (8 сентября)) он делал вывод, что, вероятно, союзники, понеся существенные потери от болезней и лишившись части припасов, вернутся в Константинополь. В записи от 29 августа (10 сентября) В. А. Корнилов повторил, что, вероятно, союзники не предпримут высадку на Кавказе или в Крыму, а вернутся в Константинополь [17, л. 54 об.]. По утверждению П. К. Менькова, 29 августа (10 сентября) А. С. Меншиков написал Н. Н. Анненкову: «Предположения мои совершенно оправдались. Неприятель никогда не мог осмелиться сделать высадку, а по настоящему времени высадка невозможна» [15, л. 144].

Таким образом, еще до вступления Англии и Франции в войну против России (март 1854 г.) российское командование допускало возможность нападения европейских союзников Порты на российские объекты на побережье Чёрного моря; среди возможных целей назывались Крым, побережье Кавказа, устье Дуная, окрестности Одессы. Когда в мае 1854 г. англо-французские войска высадились в Варне, угроза десантов временно снизилась; ожидалось, что эти силы будут использованы для помощи осажденной Силистрии или (в случае падения крепости) для отражения наступления российских войск в глубь турецкой территории. Однако из-за австрийской угрозы русские войска в июне 1854 г. получили приказ снять осаду Силистрии и очистить территорию Молдавии и Валахии прежде, чем англо-французские войска в Варне перешли к активным действиям.

Летом 1854 г. представители российского командования допускали, что союзники используют остававшиеся в Варне войска для нападения на российскую территорию. Но информация, поступавшая из дипломатических источников и иностранной прессы, была крайне противоречивой, что мешало правильно оценить возможности противника и определить вероятную цель вражеской атаки [13, л. 1]. Известия об эпидемии холеры в рядах англо-французских войск в Болгарии и о пожаре в Варне 10(22) августа могли служить аргументом в пользу того, что противник откажется от десантной операции в 1854 г. [20, с. 149]. Угроза со стороны Австрии летом 1854 г. стала одной из причин, из-за которой И. Ф. Паскевич,

осознавая потенциальную угрозу Крыму, настаивал на сосредоточении значительных сил на западной границе [18, с. 662].

Высадка в Крыму, осуществлённая англо-франко-турецкими силами в сентябре 1854 г., на тот момент не имела аналогов в мировой военной истории [20, с. 148]. Ф. И. Паскевич в феврале 1854 г. писал, что союзный флот сможет проводить десантные операции лишь до наступления осени и «опасения насчёт десантов окончатся в половине августа или к сентябрю» [21, с. 107]. Уже после начала боевых действий в Крыму император Николай I упоминал в рескриптах к А. С. Меншикову о «равноденственных бурях», которые могли помешать союзникам [1, с. 100]. Крымская война доказала, что пароходы были менее уязвимы к неблагоприятным погодным условиям, чем парусные корабли, благодаря чему могли осуществлять перевозки по Чёрному морю в осеннее и зимнее время.

Хотя концепция «пароходного моста» появилась в Англии в 1840-х гг., многие военные сомневались в осуществимости подобной операции. По слухам, приводимым Н. К. Шильдером, в августе 1854 г. директор канцелярии военного министерства барон П. А. Вревский заявлял, что в истории на тот момент не было примеров десанта численностью больше 30 тыс. чел. и что противник не сможет перебросить в Крым армию, достаточную для победы над войсками А. С. Меншикова [16, л. 131]. Некоторые мемуаристы отмечали, что союзники пошли на большой риск: при другом стечении обстоятельств весь их экспедиционный корпус оказался бы под угрозой уничтожения [9, с. 11]. В отношении к кн. М. Д. Горчакову от 10(22) сентября 1854 г., в котором сообщалось о высадке союзников в Евпатории 1(13) сентября 1854 г., отмечалось: «…неприятель предпринял решительное наступление на Крым, и притом в таких значительных числах, каких трудно было предвидеть» [12, л. 3]. Военный министр В. А. Долгоруков в «Соображениях относительно обороны берегов Балтийского моря» от 29 сентября (11 октября) 1854 г. признал: «Ныне флоты их в состоянии осуществлять такие военные предприятия, которые прежде считались несбыточными, а через это все расчёты, служившие доселе основанием при стратегических соображениях относительно морских действий, ныне должны совершенно измениться» [14, л. 1 об].

Список использованных источников и литературы

1. А. С. Меншиков в Крымской войне: Дневники. Письма. Воспоминания. Ч. 1 / сост. А. В. Ефимов. – Симферополь: Антиква, 2018 – 288 с.

A. S. Menshikov v Krymskoi voine: Dnevniki. Pis'ma. Vospominaniya. Ch. 1 / sost. A. V. Efimov. – Simferopol': Antikva, 2018 – 288 s.

2. Васильчиков В. И. Севастополь. Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя В. И. Васильчикова // Русский архив.– 1891.– Вып. 6.– Стб. 167–256.

Vasil'chikov V. I. Sevastopol'. Zapiski nachal'nika shtaba Sevastopol'skogo garnizona knyazya V. I. Vasil'chikova // Russkii arkhiv.– 1891.– Vyp. 6.– Stb. 167–256.

3. Воронцов М. С. Письма князя М. С. Воронцова к А. П. Ермолову // Русский архив.– 1890.– Вып. 4.– Стб. 441–472.

Vorontsov M. S. Pis'ma knyazya M. S. Vorontsova k A. P. Ermolovu // Russkii arkhiv.– 1890.– Vyp. 4.– Stb. 441–472.

4. Гребенщикова Г. А. Россия и Турция. Двенадцать невыученных уроков. – СПб.: ИЦ «Остров», 2016. – 448 с., ил.

Grebenshchikova G. A. Rossiya i Turtsiya. Dvenadtsat' nevyuchennykh urokov. – SPb.: ITs «Ostrov», 2016. – 448 s., il.

5. Курочкин С. С. Взгляды Д. А. Милютина на очищение русской армией Дунайских княжеств в июне 1854 г. по материалам статьи «Двоякая точка зрения на выступление наше из Дунайских княжеств» // Военная история: люди, судьбы, конфликты. Материалы VIII Международной конференции. СПб ГБУ ДМ «ФОРПОСТ». – СПб.: СПб ГБУ ДМ ФОРПОСТ, 2021. – С. 41–45.

Kurochkin S. S. Vzglyady D. A. Milyutina na ochishchenie russkoi armiei Dunaiskikh knyazhestv v iyune 1854 g. po materialam stat'i «Dvoyakaya tochka zreniya na vystuplenie nashe iz Dunaiskikh knyazhestv» // Voennaya istoriya: lyudi, sud'by, konflikty. Materialy VIII Mezhdunarodnoi konferentsii. SPb GBU DM «FORPOST». – SPb.: SPb GBU DM FORPOST, 2021. – S. 41–45.

6. Курочкин С. С. Действия русской береговой артиллерии при отражении атаки англо-французского флота на Одессу в период Крымской войны 10 апреля 1854 г. // Первые Мозеловские чтения «Наука и философия на современном этапе развития общества». Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием.– СПб.: БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, 2023. – С. 190–195.

Kurochkin S. S. Deistviya russkoi beregovoi artillerii pri otrazhenii ataki anglo-frantsuzskogo flota na Odessu v period Krymskoi voiny 10 aprelya 1854 g. // Pervye Mozelovskie chteniya «Nauka i filosofiya na sovremennom etape razvitiya obshchestva». Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem.– SPb.: BGTU «VOENMEKh» im. D. F. Ustinova, 2023. – S. 190–195.

7. Маркс К. Дебаты о войне в парламенте // Маркс К. Сочинения.– 2-е изд.: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1954 – 1958. – Т. 10.– С. 349–355.

Marks K. Debaty o voine v parlamente // Sochineniya.– 2-e izd.: v 30 t. / K. Marks, F. Engel's. – M.: Gospolitizdat, 1954 – 1958. – T. 10.– S. 349–355.

8. Маркс К. Эвакуация Молдавии и Валахии // Маркс К. Соч.– 2-е изд.: в 30-ти т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1954–1958. – Т. 10.– С. 390–396.

Marks K. Evakuatsiya Moldavii i Valakhii // Soch.– 2-e izd.: v 30 t. / K. Marks, F. Engel's. – M.: Gospolitizdat, 1954–1958. – T. 10.– S. 390–396.

9. Милошевич Н. С. Из записок Севастопольца. – СПб: Сенат. тип., 1904.– 147 с., ил.

Miloshevich N. S. Iz zapisok Sevastopol'tsa. – SPb: Senat. tip., 1904.– 147 s., il.

10. Милютин Д. А. Воспоминания 1843–1856 / Под ред. Л. Г. Захаровой. – М.: Российский архив, 2000. – 527 с., ил.

Milyutin D. A. Vospominaniya 1843–1856 / Pod red. L. G. Zakharovoi. – M.: Rossiiskii Arkhiv, 2000. – 527 s., il.

11. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ), ф. 169 (Милютины), карт. 19, № 28.

Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki (dalee – OR RGB), f. 169 (Milyutiny), kart. 19, № 28.

12. ОР РГБ, ф. 169, карт. 19, №. 34.

OR RGB, f. 169, kart. 19, №. 34.

13. ОР РГБ, ф. 169, карт. 19, № 38.

OR RGB, f. 169, kart. 19, № 38.

14. ОР РГБ, ф. 169, карт. 20, № 56.

OR RGB, f. 169, kart. 20, № 56.

15. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ), ОФРК, Q 4. 365 / 1.

Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (dalee – OR RNB), OFRK, Q 4. 365 / 1.

16. ОР РНБ, ф. 859 (Н. К. Шильдер), карт. 3, №. 8.

OR RNB, f. 859 (N. K. Shil'der), kart. 3, №. 8.

17. ОР РНБ, ф. 859, карт. 16, №. 9.

OR RNB, f. 859, kart. 16, №. 9.

18. Паскевич И. Ф. Восточная война. Письма кн. И. Ф. Паскевича к кн. М. Д. Горчакову // Русская старина.– 1876.– Т. XV, вып. 3.– С. 659–674.

Paskevich I. F. Vostochnaya voina. Pis'ma kn. I. F. Paskevicha k kn. M. D. Gorchakovu // Russkaya starina.– 1876.– T. XV, vyp. 3.– S. 659–674.

19. Тарле Е. В. Крымская война. Т. I. – М.: Воениздат, 1941. – 725 с.

Tarle E. V. Krymskaya voina. T. I. – M.: Voenmorizdat, 1941. – 725 s.

20. Ченнык С. В. Вторжение. Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.) Часть I. – Севастополь: Ченнык С. В., 2010. – 320 с., ил.

Chennyk S. V. Vtorzhenie. Krymskaya kampaniya (1854–1856 gg.) Vostochnoi voiny (1853–1856 gg.) Chast' I. – Sevastopol': Chennyk S. V., 2010. – 320 s., il.

21. Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Том седьмой. – СПб.: Тип. Р Голике, 1904. – 438 с.

Shcherbatov A. P. General-fel'dmarshal knyaz' Paskevich, ego zhizn' i deyatel'nost'. Tom sed'moi. – SPb.: Tip. R Golike, 1904. – 438 s.

22. Щербачёв Г. Д. Двенадцать лет молодости. Воспоминания Г. Д. Щербачёва // Русский архив.– 1890.– Вып. 2.– Стб. 215–284.

Shcherbachev G. D. Dvenadtsat' let molodosti. Vospominaniya G. D. Shcherbacheva // Russkii arkhiv.– 1890.– Vyp. 2.– Stb. 215–284.

23. Энгельс Ф. Нападение на русские крепости // Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1954–1958. – Т. 10.– С. 380–382.

Engel's F. Napadenie na russkie kreposti // Soch. 2-e izd.: v 30 t. / K. Marks, F. Engel's. – M.: Gospolitizdat, 1954–1958. – T. 10.– S. 380–382.

24. Энгельс Ф. Осада Силистрии // Сочинения. 2-е изд.: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1954 – 1958. – Т. 10.– С. 269–281.

Engel's F. Osada Silistrii // Sochineniya. 2-e izd.: v 30 t. / K. Marks, F. Engel's. – M.: Gospolitizdat, 1954–1958. – T. 10.– S. 269–281.

25. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века).– Симферополь: Доля, 2001.– 816 с.

Nepomnyashhij A. A. Istoriya i e`tnografiya narodov Kry`ma: bibliografiya i arxivy` (konecz XVIII – nachalo XX veka).– Simferopol`: Dolya, 2001.– 816 s.

Kurochkin S. S. The evolution of the situation in the Black Sea in the forecasts of the military command of the Russian Empire in the early stage of the Crimean war (October 1853 – September 1854)

The purpose of this article is the analyses of the forecasts of the Russian military commanders about steps of Turkish and Anglo-French forces in the Black Sea area in the end of 1853 – first half of 1854 and the investigation of efforts of the Russian military command for defense of the Russian Black Sea coast from enemy landings in the early stage of the Crimean war. Due to the analyses of the official documentation and the personal sources (including the correspondence of the emperor Nicholas I of Russia with Ivan Paskevich, Mikhail Vorontsov, Mikhail Gorchakov, Alexander Menshikov, the memoirs of the participants of the Crimean War) it becomes possible to prove that the Russian military command paid a lot of attention to the threat of the enemy landings. Several versions about the enemy's possible landing site were proposed. However, an inconsistency of the available information about the enemy's plans and an underestimation of the improvements in the sphere of maritime transport in the first half of the 19th century did not let to determine timely that Anglo-French forces would use their main forces to land in Crimea after the withdrawal of Russian troops from the Danube Principalities in June 1854

Keywords: The Crimean War (1853–1856), Siege of Sevastopol (1854–1855), Nicholas I of Russia, Ivan Paskevich, Mikhail Gorchakov, Alexander Menshikov.

УДК 94(420).»1910/1936»/ 94(479.24)/94(47).084.3

DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18678776

БАКИНСКАЯ ВОЕННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГЕНЕРАЛА Л. ДЕНСТЕРВИЛЯ И ОТРЯД Л. БИЧЕРАХОВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 ГОДА

Максимов М. А.

Ленинградский государственный университет имени им. А. С. Пушкина
г. Пушкин, Российская Федерация
E-mail: maximov.mgimo@gmail.com.

Исследуются события весны и начала лета 1918 г. Выход Советской России из войны с Германией и Турцией, суверенизация закавказских губерний бывшей Российской империи и атомизация власти на территории Баку привели к необычным военным комбинациям в продолжающихся событиях Первой мировой войны. Политическая неопределенность привела к тому, что разные «осколки» российской Кавказской армии искали поддержку в борьбе с агрессией Турции у привычных союзников – вооруженных сил блока Антанты, в то время как большевистская власть, после заключения Брестского мира искала возможности преодолеть внутренние противоречия, переходящие в Гражданскую войну на большинстве территорий государства. Чрезвычайно показательными и противоречивыми были события в Баку в первой половине 1918 г., когда большевистская Бакинская коммуна столкнулась с тремя враждующими между собой внешними силами: турецкой агрессией в Закавказье, английскими войсками, стремившимися не допустить турок к захвату стратегического в экономическом отношении Баку и начавшимся в России антибольшевистским движением. Военно-политические союзы между различными силами в этот период отличаются редкими по произвольности обоснованиями и показывают пределы «реалполитики» в Закавказье.

Ключевые слова: история Закавказья XX века, Первая мировая война на Кавказе, Бакинская коммуна, Л. Денстервилль, Л. Бичерахов, С. Шаумян.

Британская военная миссия в Северной Персии была организована в январе 1918 г. для борьбы с формированиями Мирзы Кучек-хана, воспринявшего призывы из Турции бороться с неверными. Кроме того, когда «…после большевистского переворота, в ноябре 1917 года, русские войска стали уходить из северной Персии, то сделалось очевидным, что на правом фланге британской Месопотамской армии образуется брешь па пространстве почти 450 миль, сквозь которую турецкие и немецкие агенты и войска смогут беспрепятственно наводнять Центральную Азию. Была надежда заполнить эту брешь вербовкой под английским флагом хорошо оплачиваемых добровольцев из отступающих русских» [5, с. 5]. Третья цель персидской экспедиции исходила из очень экстравагантной геополитической теория. В недрах английского Восточного комитета зрела идея уже не русской, а германской опасности Индии. Говорилось о двух планируемых германских железнодорожных линиях: линии трех «Б»: Берлин-Баку-Бухара и линии двух «Г» – Гамбург-Герат, которыми немцы, якобы, заменили старую линию железнодорожного проекта Берлин – Багдад после захвата Багдада англичанами. Таким образом, считали

военные теоретики, Германия думает осуществлять нажим на Британию в смысле заключения сепаратного мира [20, p. 61].

В конце ноября 1917 г. в рапорте Восточного комитета сообщалось: «Новая стратегическая железная дорога, если она действительно проектируется, будет идти по существующей линии из Константинополя до Анкары, следующий участок – из Анкары до Сиваса, как сообщается, уже строится, из Сиваса путь идет через Эрзинджан и Эрзерум до встречи с русской кавказской железнодорожной системой в Сарыкамыше. Это сразу же свяжет Константинополь с Баку и Тавризом, а из этих узловых пунктов вероятны два продолжения: а) морской путь через Каспий до Красноводска, и от Красноводска по существующей Транскаспийской железной дороге до Бухары и далее; б) новая дорога, начинающаяся в Тавризе, пересекающая Северную Персию (где она не встретит серьезных инженерных затруднений), и соединяющаяся с Транскаспийской сетью в Мерве. Этот проект будет прямой угрозой британским позициям в Персидском заливе, и будет серьезно угрожать Индии с запада и северо-востока» [18]. Эти предположения делали стратегически важным британское присутствие в Северной Персии и Закавказье.

Для мобильности, предполагавшей контроль значительных территорий Ирака Персии и Кавказа, экспедицию Денстервилля укомплектовали большим числом автомобилей Форд, были оснащены пять эскадронов грузовиков по восемь в каждом (из которых значительная часть – бронированные) [22, p. 2767]. В соотвествии с «периферийным» положением экспедиции по отношению к главным фронтам войны, ее сотав был набран не в Англии, но из числа добровольцев из британских доминионов. 3 января 1918 г. главнокомандующие австралийскими войсками генерал-лейтенент сэр Уильям Бёрдвуд, канадскими – генерал-лейтенант сэр Артур Курье и южно-африканскими – генерал Ян Сматс, получили одинаковые письма из Восточного комитета с просьбой набрать по 40 офицеров и сержантов для участия в «очень важной и очень трудной миссии». Офицеры и унтер-офицеры должны были иметь «сильный характер, авантюрный дух, безупречное здоровье, организаторские способности, особенно же умение тренировать, а в перспективе, руководить в бою иррегулярными войсками».В письме говорилось: «мы осознаем, как трудно для Вас расстаться с хорошими офицерами, особенно, с требуемыми для нас качествами… но Вы должны понимать, какая важная задача перед ними стоит – не более и не менее, нежели защита Индии и сохранение наших позиций на всем Востоке» [17, p. 729].

Обращение нашло отклик, и с января по март в Багдад прибыли 150 офицеров и 300 нижних чинов. «Эти офицеры и нижние чины были выбраны из различных войсковых частей и разных театров войны: из Франции, Салоник, Египта и Месопотамии. Люди были родом, главным образом, из Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южно Африканских республик. Все они были выбраны как люди толковые и способные, показавшие себя с хорошей стороны на полях сражений» [5, с. 8]. Так описывал своих подчиненных назначенный командовать экспедицией генерал Л. Денстервилль, который к 1918 г. служил в Индии командиром сикхской пехотной бригады. Майор М. Донохью отмечал, что не знал ни одного человека в

составе экспедиции, у которого не было бы хотя бы одной награды за храбрость [19, p. 3–4].

Впрочем, имелись и другие мнения о качестве прибывших для исполнения столь ответственного задания офицеров. Канадский подполковник Джон Уорден записал в дневнике 24 мая, направляясь в составе крупной группы «Денстерфорс»: «капитан Петри и его клика «джентльменов в камуфляже» сделали ночь совершенно невыносимой из-за своего шума. Как всегдв было много чего выпить. Только Господь знает, как генерал Денстерввилль собирается командовать людьми подобного калибра. Они не подходят даже на должности унтер-офицеров. Австралийцы абсолютно недисциплинированный сброд» [23].

Денстервиллю пришлось действовать в Баку «не столько против большевиков, сколько против планов панисламистов, которые, объединяя балканских татар с энзелийскими дженгелистами, образуют свою очень сильную антибританскую организацию, поддерживаемую немецкими деньгами и немецкими офицерами» [5, с. 79].

18 января 1918 г. Денстервилль прибыл в Багдад. 27 января первая часть его миссии в составе 12 офицеров, 2 штабистов и 41 водителя грузовиков отправилась на 40 «фордах» в путь к берегам Каспийского моря [24, p. 103].

Ллойд-Джордж ставил целью миссии «облегчить продовольственное положение в Северной Персии и обеспечить свободное сообщение между Багдадом и Каспийским побережьем» [9, с. 98]. В Тифлисе английские политики и военные надеялись «…реорганизовать распавшиеся единицы русской, грузинской и армянской армий и восстановить фронт против турецкого вторжения… Тифлис – столица Закавказья – пал бы по всей вероятности, без серьезного сопротивления и захват этого города дал бы турко-германцам возможность полного господства над железнодорожной линии между Батумом – Баку от Черного моря до Каспийского и отдал бы в их распоряжение чрезвычайно ценные Бакинские нефтяные промыслы, горные богатства Кавказского хребта и колоссальные запасы зерна и хлопка на берегах Каспийского моря» [5, с. 2].

В январе в Тифлис было направлено несколько офицеров британской разведки для «подготовки, изучения и создания ситуации, которая позволила бы, по словам британского консула в Баку Р. Мак-Доннела, генералу Денстервиллю и его силам начать продвижение» [21, p. 205]. При этом, как писал подполковник Д. Уорден, Багдад и экспедиция Денстервилля не всегда сотрудничали. Денстервиллю приходилось буквально вымогать бензин и запчасти для грузовиков и даже снабжение продовольствием было налажено из рук вон плохо. Интенданты экспедиции тоже не всегда справлялись со своими обязанностями. Так, на одной из стоянок под Казвиным взяли воду из водоема, в котором местные жители обмывали трупы. В результате несколько британцев заразились холерой. Было три случая смерти [23].

В Керманшахе состоялась встреча с казаками партизанского отряда Л. Бичерахова, и экспедиции «Денстерфорс», как стали именовать отряд по имени командира, был придан русский проводник. К 11 февраля 1918 г. броневики,

преодолев сложные перевалы, прибыли в Хамадан, а 16 февраля в Казвин. Несмотря на то, что вождь восставших «джангелийцев» Кучек-хан сообщил о решении не пропускать англичан, отряд «Денстерфорс» продолжил путь и 17 февраля добрался до порта Энзели, откуда должен был морем идти в Баку.

В Энзели Денстервилль встретился с председателем«Революционного Областного Совета» и «Военно-Революционного Комитета Восточно-Персидского участка Кавказского фронта», захватившего власть в Энзели, Челябиным, как пишет генерал, бывшим писарем пароходной конторы [5, с. 34].Как пишет Денстервилль, «результаты заседания можно было свести к следующему: Комитет объявил, что Россия нам больше не союзник. Россия заключила мир с Германией, Турцией и Австрией и не доверяет ни Англии, ни тифлисцам, которым мы собираемся помогать… Баку - в руках большевистского правительства и там уже, узнав о нашем приезде, по радио дано приказание задержать нас, во что бы то ни стало. Для России война кончилась, и они не намерены покровительствовать миссии, которая собирается затягивать войну. Со своей стороны я заявил, что мы намерены лишь помочь России, не вмешиваясь ни в какие политические дела; что я, несмотря на все их угрозы, собираюсь проехать в Баку, что у нас достаточно пулеметов, чтобы преодолеть любое сопротивление и что я не признаю за большевистским правительством права мешать нашему продвижению» [5, с. 38].

Встретив такой отпор, Челябин предложил «признать официально и в письменной форме большевистское правительство (так как наше непризнание было главной причиной их враждебности) и ехать в Баку под присмотром большевиков; все же дальнейшие наши действия должны были быть предпринимаемы только с их одобрения» [5, с. 40].

Денстервилль уехал из Энзели в Хамадан, где стал разрабатывать план прохода в Тифлис через Тавриз и Джульфу. В условиях начавшейся мартовской распутицы, проход через горы был слишком сложен для английских броневиков, и Денстерввилль задержался в Хамадане надолго. По этому поводу большевистская бакинская газета писала в июне 1918 г.: «Когда английская миссия, возглавляемая генералом Денстервилем, прибыла в Энзели с намерением проехать дальше в Тифлис, с целью взять за горло Закавказское правительство, то комитет персидской социал-демократической партии приставил караул к русскому военно-революционному комитету и снял его только тогда, когда было решено, что генералу Деистервилю не позволено, будет ехать в Тифлис, а будет предложено убраться обратно в Месопотамию» [5, с. 170].

В Хамадане Денстервилль встретился с Л. Бичераховым, а также начал набирать в отряд русских офицеров, бежавших из Баку от большевистских мобилизаций. В конце марта 1918 г. Денстервилль и Бичерахов «выработали следующие условия:

1) Бичерахов не выведет своих войск из Персии, пока я не сумею заменить их своими частями;

2) я, со своей стороны, обязуюсь оказывать ему финансовую помощь, так как он испытывает большие затруднения в выплате жалованья людям, но он не должен быть корыстолюбивым и не должен требовать платы за оказываемые нам услуги,

употребляя получаемые суммы исключительно на покрытие действительных расходов по военным операциям;

3) Бичерахов не должен предпринимать никаких операций без нашего согласия, в противном случае финансовая помощь со стороны английского правительства немедленно будет прекращена:

4) первой военной операцией должны быть военные действия против армии Кучук-хана и расчистка пути от Казвина к Каспийскому морю;

5) если Бичерахов окажет мне должное содействие в Персии, то мы совместно выработаем план позднейших действий на Кавказе, где моя помощь будет ему не менее ценна, чем его мне» [5, с. 66–67].

Апрель был посвящен разведке на территории джангеля (Гиляна) и выяснению сил Кучек-хана. Параллельно, 25 апреля 1918 г. Л. Бичерахов сообщил бакинским большевикам, что готов предоставить помощь в обороне Баку от турок. Предварительное соглашение, «подписанное от имени Бичерахова поручиком Альхави, имело следующую редакцию: «Бичерахов признает Советскую власть, как всероссийскую, так и Бакинскую. Бичерахов назначается командующим одной из частей Кавказской Красной армии и находится под контролем комиссара по военным и морским делам Корганова. В операционном отношении он пользуется самостоятельностью, но все его приказы скрепляются подписью комиссара» [3, с. 74].

В конце апреля 1918 г. К Денстервиллю приехал представитель местного армянского национального совета с предложением оккупации Баку. Денстервилль ответил, что сил для этого у него пока недостаточно. «Первоначальный план поездки англичан в Тифлис… сменился планом бакинской операции» [11, с. 131]. 29 апреля советский НКИД сообщал в ноте персидскому поверенному Асад-хану: «Военно-Революционный Комитет Персидского фронта донес нам телеграммой от 23 марта с.г., что «тяжелыми усилиями ВРКПФ русские войска выведены из Персии…» [6, с. 273]. В апреле вышел меморандум британского Военного кабинета, в котором командование приняло на себя задачу защитить от турок армянское население Закавказья. Предполагалось начать продвижение войск из Северной Персии через Баку в Грузию и Армению, но германо-турецкие успехи в Закавказье заставили британских стратегов поменять планы [18].

1 мая 1918 г. турецкая армия захватила Тавриз, и «Денстерфорс» оказался под угрозой встречи с многократно превосходящим по числу противником.Тем временем из Персии были выведены последние русские войска.

Тем временем в Закавказье произошли знаменательные для будущих событий политические перемены – распалась Закавказская федеративная демократическая республика и «26 мая образовалась Грузинская буржуазная республика...27 мая состоялось чрезвычайное заседание членов-мусульман бывшего Закавказского Сейма, на котором было объявлено о создании Азербайджанской Демократической Республики» [12, с. 62]. Это ускорило решение британского правительства и военного руководства о начале активных действий в Закавказье. «Приказ об экспедиции в Баку пришел из британского Военного совета 1 июня» [13, с. 200].

25 мая «Денстерфорс», получивший последнее подкрепление – 50 офицеров и 150 солдат, и в полном составе выступили 1 июня из Хамадана в Казвин.

В начале июня Бичерахов в сопровождении двух казаков лично встретился с руководителями Коммуны, и был принят благожелательно. Большевики обещали ему беспрепятственный проход в город как по морю, так и по суше, что удивило Бичерахова. Путь к Баку контролировали банды Кучек-хана, с которого у большевиков также сложились какие-то отношения, и «партизан не мог понять, как Совет может иметь дело с человеком, который, как он точно знал, был союзником англичан». Тем не менее, Кучек-хана попросили пропустить бичераховские отряды через контролируемую им территорию [7, с. 131].

12 июня 1918 г. «Денстерфорс» и бичераховцы, при поддержке двух аэропланов, нанесли поражение отрядам Кучек-хана и открыли себе путь к морю. 27 июня «Денстерфорс», наконец, прибыл в Энзели достаточно сильным, чтобы не принимать во внимание действия большевистских ревкомов и вести самостоятельную политику. Тем более, что большевистский отряд в Энзели разбежался из-за начавшегося голода, вызванного отсутствием поддержки из Баку, и вместо 2000 красноармейцев у Челябина оставалось около двух сотен [5, с. 148]. После того, как «Денстерфорс» утвердился в энзелийском порту и начал приготовления к отправке в Баку, генерал отбыл 28 июня 1918 г. обратно в Казвин, куда прибыл для усиления экспедиции отряд королевской морской пехоты под командованием коммодора Ф. Норриса [5, с. 156].

В Энзели и Казвине бежавшие от большевиков русские офицеры и матросы военного и гражданского флота присоединялись к десанту Денстервилля и Норриса. Один из таких «беглецов», молодой морской офицер Н. Лишин, описывал, как это обычно происходило: «…мы двинулись на Казвин с целью пробраться оттуда на Басру, а затем уже морем во Францию. В Казвине оказалось, что весь транспорт, кроме пешего, находился в руках английского генерела Данстервиля. Обратились к нему. Он сразу заявил, что никаких возможностей для нашего дальнейшего продвижения он не даст, т.к. мы ему нужны… Я уехал… в Тегеран жаловаться на Данстервиля в английском посольстве… меня пригласил к себе на чашку чая английский военный атташе. Он объяснил, что дело не в английских интересах в Персии. На Кавказ движутся турки по пятам разбегающейся Кавказской армии, совершенно не способной защитить русские территории… Могла ли здесь возникнуть мысль об «интервенции» – против России, против интересов русского народа? Нет. Здесь было джентельменское соглашение о помощи и совместной работе, казавшееся вполне естественным и желательным. Я вернулся в Казвин, и мы все пятеро были зачислены в… силы генерала Данстервиля» [8, с. 10–12].

Встретился Лишин и с «партизанами» Л. Бичерахова, но теплых «компатриотических» отношений не сложилось: «…затрудняюсь сказать, как этот отряд очутился здесь и откуда он появился. Это была русская часть, в достаточной мере подходившая под понятие дикой вольницы… Кое какая дисциплина у них была, так сказать, революционного порядка… Бичерахов нас не любил, чувствуя в нас людей другого склада» [8, с. 13–14].

Помимо большевиков и Лишина к Денстервиллю снова обратились представители армянского национального совета Баку, направив в Энзели присяжного поверенного С. Тер-Газарова, выразившего англичанам полную готовность помочь им в Баку всем, чем могут, что увеличивало шансы англичан укрепиться в городе [1, с. 129].

Бакинские революционеры, вступив в переговоры с Л. Бичераховым, официально принятым на службу в английскую армию и получавший от англичан довольствие и материальное снабжение, оказались в двусмысленном положении. Бичерахов на встрече с Денстервиллем предложил емус помощью большевиков проникнуть в Баку. Как писал Денстервилль: «...Мы пришли к полному соглашению относительно планов наших совместных действий, на которые я возлагал большие надежды и о которых я здесь умолчу. Он (Бичерахов) вызвал большое изумление и ужас среди местных русских, присоединившись к большевикам, но я уверен, что он поступил совершенно правильно: это был единственный путь на Кавказ, а раз он только там утвердился, то и дело будет в шляпе» [5, с. 164].

Тем временем военная ситуация вокруг Баку значительно ухудшилась, что было ясно и для советских российских лидеров. 23 июня Шаумян писал Ленину: «Мы побеседовали с Л. Бичераховым, выяснили все спорные или казавшиеся спорными и сомнительными пункты и успокоились… После выяснения вопроса с Бичераховым англичане не так уж заботят нас» [4, с. 519–520]. «Шаумян очень настойчиво убеждал большевистское руководство и самого В. И. Ленина в том, что Бичерахов симпатизирует большевизму и готов защищать Баку от турок» [14, с. 246].

После прений в руководстве Бакинской коммуны, о которых подробно сообщает Шаумян [16, с. 208–211], «Бакинский Совнарком согласился включить войска Л. Бичерахова в состав Кавказской Красной Армии» [11, с. 132].

Вызывает интерес тот факт, в то же самое время, когда Лазарь Бичерахов стал командующим советской Красной армией в Баку, его брат Георгий Бичерахов поднял антисоветский мятеж в Дагестане и на Тереке [7, с. 131]. Консул Великобритании в Баку Р. Мак-Донелл, когда ему сообщили о прибытии казаков Л. Бичерахова, с удовлетворением отметил, что это способствует английским планам по свержению власти большевиков «больше, чем любое количество царских офицеров, находящихся в подполье» [13, с. 202].

С самого начала было ясно, что Л. Бичерахов и его казаки совершенно не симпатизируют большевикам и их идеалам. Как сообщал большевистский разведчик С. Буданцев, выяснить взгляды отряда на советскую власть было невозможно «благодаря отсутствию таковых» [2, с. 123]. Оправдывая удивительный по своей политической беспринципности акт большевиков, Б. Шеболдаев писал: «Бакинский СНК, во главе с тов. Шаумяном, отлично понимал, что Бичерахов с его отрядом только передовой отряд англичан, но под влиянием неудач на фронте и необходимости уступок общественному мнению (большинство не могло понять, почему не использовать прекрасный боевой отряд, признававший на словах Советскую власть), принужден был пойти на это» [15, с. 8].

Но факт остается фактом: Советская Бакинская Коммуна обратилась за военной помощью к генералу, состоящему на службе у Британской короны. Более того, с прибытием Л. Бичерахова в Баку стали снова муссироваться идеи приглашения для обороны от турок англичан и что «возможно сотрудничество части русских революционеров с войсками капиталистической Великобритании» [10, с. 74]. Британское командование также начало ускорять подготовку к военной экспедиции в Баку.

Список использованных источников и литературы

1. Байков Б. Л. Воспоминания о революции в Закавказье // Архив русской революции. Т. 9. – Берлин: изд. Г. В. Гессен. 1923. – 303 с.

Bajkov B. L. Vospominaniya o revolyucii v Zakavkaz`e // Arxiv russkoj revolyucii. T. 9. – Berlin: izd. G.V. Gessen. 1923. – 303 s.

2. Безугольный А. Бакинская коммуна и ее армия: социалистические цели – националистические средства // Вестник Евразии. – 2006. – № 3. – С. 104–131.

Bezugol`ny`j A. Bakinskaya kommuna i ee armiya: socialisticheskie celi – nacionalisticheskie sredstva // VestnikEvrazii. – 2006. – № 3. – S. 104–131.

3. Безугольный А. Генерал Бичерахов и его кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и иностранной интервенции на Кавказе. 1917–1919. – М.: Изд-во Центрполиграф, 2011. – 224 с.

Bezugol`ny`j A. General Bicheraxov i ego kavkazskaya armiya. Neizvestny`e stranicy istorii Grazhdanskoj vojny` i inostrannoj intervencii na Kavkaze. 1917–1919. – M.: Izd-voCentrpoligraf, 2011. – 224 s.

4. Большевики в борьбе за Советскую власть в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. – Баку: Азернешр, 1957. – 702 с.

Bol`sheviki v bor`be za Sovetskuyu vlast` v Azerbajdzhane. Dokumenty` i materialy` 1917–1918 gg. – Baku: Azerneshr, 1957. – 702 s.

5. Денстервилль Л. Британский империализм в Баку и Персии, 1917–1918): воспоминания. – Тифлис: Советский Кавказ, 1925. – 281 с.

Denstervill` L. Britanskijimperializm v Baku iPersii, 1917–1918: vospominaniya. – Tiflis: Sovetskij Kavkaz, 1925. – 281 s.

6. Документы внешней политики СССР. Т. 1. – М.: Госиздат. политической литературы, 1959. – 772 с.

Dokumenty` vneshnejpolitiki SSSR. T. 1. – M.: Gosizdat. Politicheskoj literatury`, 1959. – 772 s.

7. Казимзаде Ф. Борьба за Закавказье, 1917–1921. Стокгольм: CA&CC Press, 2010. – 328 с.

Kazimzade F. Bor`ba za Zakavkaz`e, 1917–1921. Stokgol`m: CA&CC Press, 2010. – 328 s.

8. Лишин Н. Н. На Каспийском море: год Белой борьбы // Зарубежная морская библиотека. – № 53. – Прага: издание Морского журнала, 1938. – 182 с.

Lishin N. N. Na Kaspijskom more: god Belojbor`by` // Zarubezhnaya morskaya biblioteka. – № 53. – Praga: izdanie Morskogo zhurnala, 1938. – 182 s.

9. Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары.– М.: Гос. соц.-экономическое изд-во, 1937. – Т. 6. – 251 с.

Llojd-Dzhordzh D. Voenny` ememuary`.– M.: Gosudarstvennoe social`no-e`konomicheskoe izdatel`stvo, 1937. – T. 6. – 251 s.

10. Михайлов В. В. Вхождение Азербайджана в состав Советского государства и политика Великобритании в отношении Закавказья в 1918–1920 гг.: политический и социально-экономический аспекты// Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2022. – Т. 8(74). – № 2.– С. 73–87.

Mixajlov V. V. Vxozhdenie Azerbajdzhana v sostav Sovetskogo gosudarstva i politika Velikobritanii v otnoshenii Zakavkaz`ya v 1918–1920 gg.: politicheskij i social`no-e`konomicheskij aspekty`// Ucheny`ezapiski

Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki». – 2022. – T. 8(74). – № 2.– S. 73–87.

11. Михайлов В. В. К вопросу о политической ситуации в Закавказье на заключительном этапе Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского гос. университета. Сер. 2: Исторические науки. – 2006. – Вып. 4. – С. 125–137.

Mixajlov V. V. K voprosu o politicheskoj situacii v Zakavkaz`e na zaklyuchitel`nom e`tape Pervoj mirovoj vojny` // Vestnik S.-Peterb. gos. un-ta. Ser. 2. Istoricheskie nauki. – 2006. – Vy`p. 4. – S. 125–137.

12. Михайлов В. В. Особенности политической и национальной ситуации в Закавказье после октября 1917 года и позиция мусульманских фракций закавказских правительств (предыстория создания первой независимой Азербайджанской Республики) // Клио. – 2009. – № 3(46). – С. 59–65.

Mixajlov V. V. Osobennosti politicheskoj i nacional`noj situacii v Zakavkaz`e posle oktyabrya 1917 goda i poziciya musul`manskix frakcij zakavkazskix pravitel`stv (predy`storiyaso zdaniya pervoj nezavisimoj Azerbajdzhanskoj Respubliki) // Klio. – 2009. – № 3(46). – S. 59–65.

13. Михайлов В. В. Российские и британские вооруженные соединения в сражениях против турок при обороне Баку в 1918 г. // Клио. – 2006. – № 1(32). – С. 196–207.

Mixajlov V. V. Rossijskie i britanskie vooruzhenny`e soedineniya v srazheniyax protiv turok pri oborone Baku v 1918 g. // Klio. – 2006. –№ 1(32). – S. 196–207.

14. Михайлов В. В., Лосев К. В. Английская политика между большевиками и «пантуранистами» в Закавказье и Азербайджане в 1918 г. // Вопросы истории. – 2021. – № 4(1). – С. 239–252.

Mixajlov V. V., Losev K. V. Anglijskaya politika mezhdu bol`shevikami i «panturanistami» v Zakavkaz`e i Azerbajdzhane v 1918 g. // Voprosy` istorii. – 2021. – № 4(1). – S. 239–252.

15. Последние дни комиссаров Бакинской коммуны: по материалам судебных процессов. – Баку: Отд. ЦК и БКАКП (б), 1928. – 184 с.

Poslednie dni komissarov Bakinskoj kommuny`: po materialam sudebny`x processov. – Baku: Otd. CzK i BKAKP (b), 1928. – 184 s.

16. Шаумян Ст. Статьиречи. 1917–1918 гг. – Баку: [б.и.], 1929. – 305 с.

Shaumyan St. Stat`iirechi. 1917–1918 gg. – Baku: [b.i.], 1929. – 305 s.

17. Bean C. E. W. Official History of Australia in the War of 1914–1918. Vol. V. – Sydney: Angus and Robertson Ltd., 1937. – 826 p.

18. British Archives. EC. CAB 24/144. Eastern Report 44, 29 November 1917.

19. Donohoe M. H. Major. With the Persian Expedition. – London: E. Arnold, 1919. – 276 p.

20. Inceoglu C. Dunsterforce and Baku: A Case Study in British Imperial/Interventionist Foreign Policy with Respect to Transcaucasia 1917–1918. A Master's Thesis. The Department of History İhsan Doğramacı Bilkent University. – Ankara. May 2012. – 154 p.

21. MacDonell R. And Nothing Long. – London: Constable & Co Ltd, 1938. – 322 p.

22. Missen L. Dunsterforce. // History of the First World War. – 1971. – № 99. – P. 2750–2771.

23. Public Archives of Canada. MG-30 E192. LT. Col. J.W. Warden File Diary. 1918–1919. 24 May.

24. Winegard T. C. Dunsterforce: A Case Study of Coalition Warfare in the Middle East, 1918–1919 // Canadian Army Journal– 2005. – № 8.3. – P. 93–109.

Maksimov M. A. The Baku military expedition of general l. Densterville and l. Bicherakhov's detachment in the first half of 1918

The article examines the events of the spring and early summer of 1918. The withdrawal of Soviet Russia from the war with Germany and Turkey, the sovereignty of the Transcaucasian provinces of the former Russian Empire and the atomization of power in Baku led to unusual military combinations in the ongoing events of the First World War. Political uncertainty led to the fact that various «fragments» of the Russian Caucasian army sought support from their usual allies, the armed forces of the Entente bloc, in the fight against Turkish aggression, while the Bolshevik government, after the conclusion of the Brest Peace, sought opportunities to overcome internal contradictions that turned into a Civil war in most territories of the state. The events in Baku

in the first half of 1918 were extremely revealing and contradictory, when the Bolshevik Baku commune faced three hostile external forces: Turkish aggression in Transcaucasia, British troops trying to prevent the Turks from seizing economically strategic Baku, and the anti-Bolshevik movement that had begun in Russia. Military-political alliances between various forces during this period are characterized by rare arbitrary justifications and show the limits of «realpolitik» in Transcaucasia.

Keywords: the history of Transcaucasia of the twentieth century, the First World War in the Caucasus, the Baku commune, L. Densterville, L. Bicherakhov, S. Shahumyan.

УДК 94/87

DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18678828

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ХОСЕ АНТОНИО ПАЭСА: ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ ПАЭСА С СИМОНОМ БОЛИВАРОМ

Михайлов В. В.

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
г. Пушкин, Российская Федерация
E-mail: batukom@mail.ru

Исследуются события 1828–1830 гг. в Латинской Америке. В 1828 году генерал Хосе Антонио Паэс участвовал в подавлении восстания против Боливара адмирала Падильи и Сантандера, которые вели борьбу за отделение Новой Гранады от Венесуэлы, но в Венесуэле также усилились сепаратистские тенденции в рядах экономической элиты большинства департаментов, заставившие Боливара принять на себя чрезвычайные, по сути, диктаторские полномочия ради сохранения политического единства освобожденных территорий Латинской Америки. Идеи Боливара создать общую конфедерацию всех бывших испанских колоний в Южной Америке не получили поддержки традиционалистов, в числе которых оказался и Паэс. После разгрома восстания Падильи и отстранения Сантандера от власти, Боливар подвергся нападкам прессы и политическим обвинениям в установлении диктатуры, как в Новой Гранаде, так и в Венесуэле. Представители венесуэльской элиты обратились к Паэсу с просьбой возглавить движение за отделение Венесуэлы и создание независимого государства. В 1830 году Национальное собрание, воспользовавшись, в том числе, либеральным законодательством федерации и личными указами, изданными Боливаром, объявили независимость Венесуэлы с президентом Паэсом во главе.

Ключевые слова: история Венесуэлы,борьба за независимость Латинской Америки, республика Великая Колумбия, Симон Боливар, Хосе Антонио Паэс, Франциско де Паула Сантандер.

В политической элите Венесуэлы в период ее вхождения в государство Великая Колумбия так и не возникло единства мнений относительно формы государственного устройства: часть традиционалистов – испанские аристократы, духовенство, значительная часть военных – склонялись к наследственной власти одного человека. Республиканцы и реформаторы, близкие к Боливару, принимали положения новой боливарианской конституции Андской республики. Законники и местные интелектуалы, федаралисты, желали независимого федеративного устройства государства. Отдельно следует отметить массовые низовые движения, также выдвигавшие свои политические требования: продолжения революционных социальных преобразований, доступ к власти для цветных, и даже требующие «изгнать белых».

Боливар понимал, что в такой ситуации только сильная центральная власть спасет единство освобожденной Латинской Америки, для создания которой он прибыл в июле в Боготу, чтобы поддержать своих приверженцев и противодействовать сепаратизму сантандеристских конституционалистов. Генерал Урданетта, имевший контроль над армией, поддержал Освободителя, а военный

лидер Великой Колумбии генерал Франциско де Паула Сантандер описал прибытие Боливара в столицу Великой Колумбии как марш армии, готовой покарать правительство и конституционалистов и принести их в жертву амбициям одного человека [8, p. 229]. 10 сентября на заседании конгресса Боливар был призван возглавить национальную ассамблею и торжественно вступил в должность. Встретившись в Доме правительства с Сантандером, Боливар демонстративно не подал ему руку. Сантандер, намекая на прощение Боливаром Паэса, попросил Боливара относится к нему «с таким же великодушием, с каким он относился к своим врагам и врагам родины» [2].

При всех личных разногласиях лидеров, конгресс постановил, что 2 марта 1828 года в Оканье будет созван Великий Национальный конвент, который должен решить вопросы будущего Великой Колумбии и ее новой конституции [9, s. 394–395]. В период выборов делегатов Боливар намеренно отстранился от всяких шагов по превращению своей популярности в политический капитал, в то время как Сантандер с помощью лояльной либеральной прессы развернул пропагандистскую кампанию, хотя и не решаясь открыто обвинять в чем-либо Боливара. Пропаганда велась против «военной диктатуры», под которой подразумевался союз Боливар и Паэса [8, p. 233].

В начале 1828 года в Венесуэле началось новое восстание. Адмирал Хосе Пруденсио Падилья, участник Трафальгарской битвы, ветеран войны с Испанией и комендант Картахены [8, p. 334], поднял на борьбу против «тирании Боливара» низы города и побережья. Организовав некоторые сухопутные и морские силы, 2 марта он объявил о начале всеобщей войны за утраченную свободу и направил часть своих офицеров в Оканью, рассчитывая на поддержку Сантандера. Сохранивший верность Боливару генерал Мариано Монтилья, главнокомандующий департамента Магдалена, приказал вывести все вооруженные силы из Картахены и мобилизовать их на борьбу с Падильей. Восстановив порядок в Картехене, Монтилья прибыл в Оканью и арестовал адмирала, отправив его в Боготу дожидаться суда [15, p. 714]. При этом, некоторые сторонники Боливара предлагали ограничиться менее суровыми мерами, чтобы, во-первых, не делать из популярного в народе Падильи жертву, и, во-вторых, не дать возможности сантандеристам сравнивать судьбу Падильи и Паэса в невыгодном для Боливара свете [11, s. 191].

9 апреля 1828 года Конвент начал свою работу. «Боливар сосредоточил вооруженные силы поблизости от этого места, в селении Букараманге, куда сам перебрался со своим штабом. Освободитель надеялся, что его присутствие в Букараманге воздействует на депутатов и заставит их пойти на уступки. Сознавая, что учредительное собрание, в котором преобладали сторонники Сантандера, даже под угрозой применения силы не одобрит боливарианской конституции, Освободитель в своем послании депутатам не настаивал на пожизненном президентстве, но советовал наделить президента всеми атрибутами исполнительной власти и установить централистскую форму правления» [2]. Однако эти предложения делегаты отвергли, проголосовав под давлением сантандеристов за сохранение старой конституции, из которой к тому же исключалась 128 статья, дающая президенту право на неограниченную власть в период кризисов,также выдвигались

требования превращения департаментов Колумбии в автономии, а также амнистии Падильи. В этих условиях сторонники Боливара покинули собрание, чтобы оно лишилось необходимого кворума. Национальный конвент, таким образом, был по сути, саботирован.

Перед лицом двух основных угроз боливарианским идеалам: хаосом народной «пардократии» и хаосом сепаратизма, сторонники Освободителя в Боготе созвали 13 июня 1828 года собрание, на котором обратились к Боливару с призывом принять на себя высшее руководство с абсолютной властью. Главную роль в «перевороте» играл генерал Урданетта и большинство местных интендантов, как в Колумбии так и в Венесуэле, которые собрали более 300 подписей под письмом, под которым в том числе подписался и Паэс [6, p. 343]. Боливар согласился, и вскоре появился в столице, встреченный ликованием масс, а в тридцати одном городе по всей стране плебесцит признал его «высшим вождем нации». 27 августа высшая власть Боливара «Естественным Декретом» была дополнена абсолютной властью [10, p. 368–369]. Боливар принял и это, заявив, что это вытекает из «права народа сохранять свою свободу от разгула анархии» [8, p. 238]. Этим актом Сантандер был освобожден от должности вице-президента.

Одним из первых постановлений Боливара в качестве диктатора было предложение Сантандеру отправиться послом в Соединенные Штаты. Однако Сантандер медлил с отправлением в Вашингтон [7, p. 326]. 25 сентября «начальник генерального штаба полковник Герра, его помощник венесуэлец майор Карухо, француз Ормэ предложили Сантандеру убить Освободителя. Сантандер не одобрил их планов. «Я хочу прийти к власти с чистыми руками», – сказал он. Но его друзья не были столь щепетильными. Они решили действовать на свой страх и риск» [2]. Попытка покушения не удалась, 13 офицеров и студентов были арестованы. Вместе с ними перед судом под председательством Урданеты предстали Сантандер и адмирал Падилья, которых обвинили в связях с заговорщиками. Боливар личным решением заменил Сантандеру смертный приговор на тюремное заключение в Картахену, с последующей высылкой из страны в 1829 г., 8 человек, в том числе Падилья, находившийся во время покушения в тюрьме, были расстреляны на площади Боготы [1, с. 324].

Однако остановить развал Великой Колумбии расправа с заговорщиками не помогла. В Перу возникла оппозиция Боливару, и перуанские войска вторглись на территорию Великой Колумбии. Ближайший сподвижник Боливара и его личный друг – генерал Антонио Хосе де Сукре, которого Боливар назначил президентом Боливии – нанес перуанцам ряд решающих поражений, однако после заключения конвенции в Хироне 28 февраля, предполагающей соблюдение границ, другой бывший соратник Боливара в Перу генерал Кордоба объявил, что Боливар стал слишком старым и слабым, не способным возглавлять ни гражданскую, ни военную власть, и потребовал предоставить всем частям страны свободу. Перуанцы захватили Эквадор и снова вторглись на север Колумбии. Здесь Кордоба написал воззвания к Паэсу и Мариньо, предлагая им поддержать смещение Боливара и разделение латиноамериканских стран. Паэс, согласно автобиографии, отказал Кордобе, а когда

перуанец прибыл на его земли «привязал его к дереву и пригрозил пристрелить как предателя» [12, p. 352].При этом, Кордоба был отпущен, и вскоре вступил в связь с колумбийскими противниками Боливара и каудильо, которые поддержали его план разделить освобожденные территории.

12 сентября 1829 года Кордоба объявил себя главнокомандующим «Армии Свободы», потребовав казни Боливара, как «тирана родины» [7, p. 362]. В годовщину покушения на Боливара 25 сентября 1829 года в Боготу пришли известия о новом восстании, и военный комендант генерал Урданетта объявил мобилизацию [8, p. 265]. 17 октября генерал О'Лири во главе войск, направленных Урданеттой, разбил силы Кордобы [7, p. 332]. Паэс продолжал высказывать свою преданность Боливару, и даже выпустил после нападения перуанцев манифест, в котором писал: «Меч в моих руках – это меч Боливара: его воля направляет, моя рука – только удерживает» [12, p. 346]. В ответ Боливар писал Паэсу: «я не перестаю просить Бога спасти страну от анархии и благодарю, что Вы поддерживаете меня в этом» [12, p. 346]. Серьезной внутренней войны удалось избежать, тем не менее, перспективы создания Андской конфедерации в Латинской Америке стали совершенно туманными.

В этот же период у Боливара возникли большие проблемы на международной арене. США, принявшие доктрину Монро, объявлявшую значительные территории Америки зоной их национальных интересов, были против создания Андского союза, еще более североамериканцев пугали перспективы включения в Боливарианскую конфедерацию Мексики и Кубы. «В октябре 1828 года государственный секретарь США направил Боливару письмо, получившее широкую известность. В нем Клей выражал свою обеспокоенность судьбой «свободных институтов» в Латинской Америке и высказывал Освободителю ряд «дружеских советов»… Письмо Клея явилось замаскированным объявлением войны Боливару» [1, с. 325]. Кампания против Боливара, в ходе которой ему ставились в упрек диктаторские замашки, также шла в Европе. «Во Франции антиболиварскую кампанию возглавил идеолог французского либерализма Бенжамен Констан, в Англии такую роль взял на себя создатель философской теории утилитаризма Иеремия Бентам… Их обвинения в адрес Боливара в узурпации власти и монархических замыслах вызвали немалый международный резонанс, усилили позиции противников Освободителя в Великой Колумбии» [1, с. 324].

Паэс, для которого международный престиж имени Боливара значил очень многое в признании его политического лидерства, решил начать свою дипломатическую игру. В апреле 1829 года в Ла-Гуайру «прибыл вице-адмирал Флеминг, командующий английским военно-морским флотом на Карибах. В Каракасе состоялись переговоры между Флемингом и Паэсом. Иностранные консулы сообщали своим правительствам о поддержке Англией венесуэльских сепаратистов и обещании Флеминга предоставить Паэсу в случае конфликта с Боготой финансовую помощь в 200 тыс. долларов и поддержку английской эскадры из пяти кораблей, стоявшей на рейде Ла-Гуайры» [1, с. 327].

Восстание Кордобы, разославшего по всей Венесуэле воззвания, порочащие Боливара, возбудили новую волну стремления разрыва отношений с Боготой. Паэс

прибыл 28 октября 1829 года в Каракас из своей резиденции, и противники Боливара призвали его к активным действиям против диктатуры Боливара. Богатые земледельцы и политики Каракаса, в их числе был и Паэс, воспользовавшись изданным Боливаром для подготовки к Конгрессу правом населения местностей собираться и самим определять форму правления Колумбии (от 31 августа 1829 года), в ночь на 25 ноября в доме каудильо Арисменди постановили провести народное собрание. На следующее утро, организовав в крупнейшей церкви народный плебесцит, сепаратисты приняли решение об отделении Венесуэлы от Кундинамарки и отстранении Боливара от власти в новой независимой стране. Вскоре подобные собрания, часто под угрозой оружия, прошли по всем провинциям Венесуэлы. Верховная власть до выборов главы государства переходила Хосе Антонио Паэсу. Учитывая темы переговоров Паэса с англичанами весной, трудно не предположить, что каудильо не просто воспользовался ситуацией, но сам ее подготовил, хотя в воспоминаниях он пишет о «спонтанном выражении народных желаний» [12, p. 355].

1 декабря 1829 года Паэс написал Боливару: «Венесуэльцы совершенно разочаровались в союзе с Боготой, и они готовы на любые жертвы, которые потребуется принести, чтобы добиться отделения» [11, s. 224]. Паэс призвал Боливара признать, что отделение неизбежно и рассмотреть этот вопрос на предстоящем Конгрессе. Боливар был разочарован, что его родина «покрыла себя бесславием», и, кроме того, дала ему отставку, не позволив уйти с честью добровольно. «Я никогда так не страдал, как сейчас, в отчаянии от того, что жизнь моя может кончиться в позоре» [8, p. 268].

Паэса поддержали другие каудильо Венесуэлы. Бермудес выпустил прокламацию, призывающую Венесуэлу к оружию в борьбе с «деспотом, лживым проповедником республиканских принципов, вдохновителем монархизма, человеком преступных наклонностей и пагубных амбиций». Арисменди писал, что Боливар «был тираном Колумбии, неблагодарным сыном Каракаса, человеком с чудовищными целями» [7, p. 376]. Мариньо с готовностью присоединился к кампании против Боливара, которого давно считал своим недругом. Он напомнил, что Боливар не утвердил его в должности интенданта Куманы, хотя именно он «знает добродетели, взгляды и частные интересы каждого ее жителя» [8, p. 268]. Под знаменем сепаратизма, на котором было написано имя Хосе Антонио Паэса, сплотилась вся элита Венесуэлы, не желавшая делить богатства своих земель и подвергать опасности со стороны центрального правительства свою власть на них.

Наибольшее противодействие населения вызвала начавшаяся кампания по дискредитации Боливара в прессе и официальных документах. Житель города Эскуке жаловался в письме Паэсу на самоуправство военного коменданта полковника Сегарры: «Может ли человек говорить свободно, когда на виду у собрания стоит эскадрон кавалерии и рота стрелков, занявшая главную площадь? Те бумаги, которые сеньор Сегарра хочет, чтобы мы подписали, что содержат опасения и обоснованные жалобы, мы можем одобрить. Но требовать от нас подписать множество лжи, наветов и нечестия против генерала Боливара мы считаем неправильным, потому что мы всегда полагали, что можем отказать ему ввысшей власти, сохраняя уважение к его

заслугам» [8, p. 267–268]. Тем не менее, образ Боливара в короне, Боливара-тирана и деспота продолжал тиражироваться.

2 января 1830 года открылся новый Конгресс Великой Колумбии и андских государств. 15 января в Боготу прибыл Боливар. Чувствуя упадок сил, а также понимая, что уже не в состоянии противодействовать центробежным силам, он попросил собрание освободить его от должности президента и назначить на нее нового кандидата – маршала Сукре. При этом, часть политиков, заручившись поддержкой испанских и французских дипломатов, намеревалась предложить Боливару короноваться. Такие противоречия в видении будущего как страны, так и ее лидера показательны для последнего периода жизни Боливара. Он четырежды отказывался от верховной власти и каждый раз эта власть возвращалась к нему в более диктаторскойформе. На Конгрессе в Боготе делегаты снова отложили вопрос о сложении Боливаром полномочий до принятия новой конституции. Боливар уехал на отдых, и это стало причиной новых противоречий среди различных партий и групп политиков.

Слухи о коронации Боливара подогревали сепаратизм в Венесуэле. 6 марта 1830 года в Валенсии открылся национальный конгресс, противопоставивший свои решения Конгрессу в Боготе. Паэс из своей штаб-квартиры в Сан Карлосе послал делегатам сообщение: «Мой меч, моя пика и все мои военные триумфы – это предмет решений закона, в уважении и подчинении» [8, p. 269]. Это высокопарное заявление, которым генерал высказывал покорность закону, намекая на свою военную силу и власть, понравилось конгрессу. Делегаты приняли законы о суверенитете и независимости республики Венесуэлы, в которой Паэс сохранил оба главных поста – президента и главнокомандующего [13, s. 334].

Сам Боливар не спешил обвинять Паэса в измене. Он писал ему, напоминая о событиях 1826 года: «В моих глазах гибель Колумбии свершилась, когда Сантандер вызвал Вас на суд» [12, p. 330]. Однако, когда Боливар во главе мирной делегации в начале марта 1830 года подошел к границе Венесуэлы, Паэс приказал не пускать Боливара в страну, вскоре издав также манифест с требованием освободить от диктатуры Боливара и Новую Гранаду [14, s. 390]. Делегация вернулась в Боготу, где сторонники эмигранта Сантандера также начали против Боливара кампанию дискредитации, которая велась с еще большим размахом, чем в Венесуэле. «Не было такой грязной клеветы и обвинения в адрес Боливара, которые не появлялись бы ежедневно на страницах боготанских газет. «Боливар не выиграл ни одного сражения», «Боливар ни разу не был под пулями», «Боливар во время сражения при Бояке мирно завтракал в Тунхе», «Боливар дезертировал из Венесуэлы», «Боливара выгнали из Перу», «Боливар из зависти к славе Пиара убил его», «Объявив войну насмерть, Боливар подтвердил только свою кровожадность», «Освободить Колумбию от Освободителя!» – таковы были заголовки статей» [2].

Вскоре после решений Национального конгресса Венесуэлы 13 мая 1830 года от федерации Великой Колумбии отделились юго-западные провинции, образовав Эквадор, избрав мулата генерала Хуана Хосе Флореса президентом. Перу и Боливия отказались от единства еще раньше. Имя Колумбии осталось у одной бывшей Новой

Гранады. Боливар осознавал крах планов общелатиноамерианской конфедерации по типу США.

Вскоре Венесуэльский конгресс объявил, что Боливару закрыт путь на родину. Паэс заявил, что «присутствие Боливара угрожает республике, и его имя достойно осуждения» [12, p. 376]. Разочарованный, Освободитель писал в октябре 1830 года: «я сделал несколько выводов из своего двенадцатилетнего правления: 1. Америка неуправляема для нас; 2. те, кто служат революции, пришли из-за моря; 3. единственное, что можно сделать в Америке, это эмигрировать; 4. эта страна неизбежно падет в руки неуправляемых масс, после чего сразу же окажется в руках тиранов всех цветов кожи и рас; 5. поскольку мы совершим все возможные преступления и злодейства, европейцы не будут смотреть на нас как на цель для завоевания. 6. если возможно, чтобы какая-либо часть мира вернулась в состояние первобытного хаоса, это будет Америка в ее последний час» [5, s. 501–502]. Боливар умер в декабре, спросив перед смертью причащавшего его епископа Хосе Мария Эстевеса: «как мне выбраться из этого лабиринта?»[4].

Тем не менее, Венесуэла, получив независимость и своего первого президента – Хосе Антонио Паэса – не вернулась в состояние первобытного хаоса. Паэсу удалось предотвратить новую гражданскую войну в стране, в какой-то мере восстановить политическое спокойствие, и дать экономике развиваться.

Список использованных источников и литературы

1. Глинкин А.Н. Дипломатия Симона Боливара.– М.: Международные отношения, 1991.– 350 с.
GlinkinA.N. Diplomatiia Simona Bolivara. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1991. – 350 s.
2. Лаврецкий И. Боливар. – М.: Молодаягвардия, 1981. – 221 с.
LavretskiiI. Bolivar. – M.: Molodaiagvardiia, 1981. – 221 s.
3. Линч Д. Революции в Испанской Америке, 1808–1826. – М.: Прогресс, 1979. – 404 с.
Linch D. RevoliutsiivIspanskoiAmerike, 1808–1826. – M.: Progress, 1979. – 404 s.
4. Маркес Г. Г. Генералвсвоемлабиринте...[Электронный источник]: URL: http://www.litmir.net/br/?b=19158. Дата обращения: 15.01.2024.
Markes G. G. General v svojom labirinte… Access:http://www.litmir.net/br/?b=19158. Accessed:15.01.2024.
5. Bolívar S. Obras completas / ed. V. Lecuna and E. Barret de Nazarís.– Caracas: Editorial Lex,1950.– Vol. II. – 518 s.
6. Lemly H. R. Bolivar, Liberator of Venezuela, Columbia, Equador and Bolivia. – Boston: Forgotten Books, 1923.– 514 p.
7. Ludvig E. Bolivar. The Life of an Idealist. – NewYork: AllianceBook Corp, 1942.– 362 p.
8. Lynch J. Simon Bolivar. A Life. – New Haven – London: Yale University Press, 2007. – 349 p.
9. O'Leary D. F. Memorias del General O'Leary. 34 tomos. – T. XXV. Documentos. – Caracas: Imprenta de la Gaceta Oficial El Monitor, 1881. – 632 s.
10. O'Leary D. F. Memorias del General O'Leary. 34 tomos. – T. XXVI. Documentos. – Caracas: Imprenta de la Gaceta Oficial El Monitor, 1881. – 636 s.
11. O'Leary D. F. Memorias del General O'Leary. 34 tomos. – T. XXXII. Documentos. – Caracas: Imprenta de la Gaceta OficialEl Monitor, 1881. – 534 s.
12. Paez J.A. Autobiografia del General Jose Antonio Paez. – Nueva York: Hallet and Green, 1867. – Vol. 1. – 578 p.
13. Reyes V. Páez, venezolano itegral: biografía: el hombre, el héroe, el magistrado. –Caracas:Imprinta Nacional, 1957.– 834 s.

14. Pinto C. M. Documentos para la historia de la vida de José Antonio Páez. Congreso de la República. – Caracas: Academia Nacional de la Historia, 1976.– 648 s.
15. Scheina R. L. Latin America's Wars. – Washington, DC.: Potomac Books, Inc., 2003.– 1445 p.

Mikhailov V. V. The Venezuelan revolution and the participation of Jose Antonio Paez in the actions of Simon Bolivar's army

The article examines the events of 1828–1830 in Latin America. In 1828 GeneeralPaez participated in the suppression of the uprising against Bolivar Admiral Padilla and Santander, who were fighting for the separation of New Granada from Venezuela, but separatist tendencies in the ranks of the economic elite of most departments also intensified in Venezuela, forcing Bolivar to assume extraordinary, in fact, dictatorial powers in order to preserve the political unity of the liberated territories of Latin America America. Bolivar's ideas to create a common confederation of all former Spanish colonies in South America did not receive the support of traditionalists, among whom Paes turned out to be. After the defeat of the Padilla uprising and Santander's removal from power, Bolivar was attacked by the press and politically accused of establishing a dictatorship in both New Granada and Venezuela. Representatives of the Venezuelan elite asked Paes to lead the movement for the secession of Venezuela and the creation of an independent state In 1830, the National Assembly, taking advantage, among other things, of the liberal legislation of the federation and personal decrees issued by Bolivar, declared the independence of Venezuela with President Paez at the head.

Keywords: the history of Venezuela, the struggle for the independence of Latin America, the Republic of Great Colombia, Simon Bolivar, Jose Antonio Paez, Francisco de Paula Santander.

УДК 908(292.471): БЕРНШТАМ

DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18678904

АЛЕКСАНДР БЕРНШТАМ И КРЫМОВЕДЕНИЕ

Непомнящий А. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru

Впервые обобщены известные в историографии факты, а также выявленные автором и впервые введенные в научный оборот архивные документы об участии в развитии исследований в области исторического крымоведения крупного советского археолога, этнографа, востоковеда, доктора исторических наук Александра Натановича Бернштама (1910–1956). Рассмотрена его роль в деятельности Севастопольского музея краеведения (позже – Севастопольского музейного объединения), Евпаторийского краеведческого музея. Раскрыто участие молодого ученого в работе Эски-Керменской археологической экспедиции, где исследователь собирал материал по этнографии народов Крыма, в частности – о жилище крымских татар.

Ключевые слова: А. Н. Бернштам, историческое крымоведение, Севастопольский музей краеведения, Севастопольское музейное объединение, Эски-Керменская экспедиция, Евпаторийский краеведческий музей, жилище, крымские татары, этнография.

Имя Александра Натановича Бернштама (1910–1956) прочно вошло в историю археологии и историографию как признанного специалиста в области среднеазиатской материальной культуры [1, с. 333; 2, с. 320–330; 3, с. 153–154; 4, с. 109; 5]. При этом в тени до сих пор остаются актуальные разработки ученого, связанные с крымскотатарской этнографией и развитием музейного дела в Крымской АССР. Начало ученой карьеры этнографа в Севастополе, если и упоминается, то с неточностями [6, с. 67]. Встречаются и откровенные компиляции в периодике невысокого научного уровня [7]. Вместе с тем, крымский период жизни, а после – исследовательское поле ученого – это интересный период его творчества. Научные наработки этнографа тех лет до настоящего времени активно востребованы в историческом крымоведении.

А. Н. Бернштам родился 1 октября (19 сентября по старому стилю) 1910 года в Керчь-Еникальском градоначальстве в семье заводского конторщика. Активное участие главы семейства в работе РСДРП привело к его высылке из Керчь-Ениколя. Семья жила несколько лет в степном Крыму, затем в Джанкое, где Натан Бернштам (по другим данным Нута Беренштам) после Октябрьского переворота 1917 года занимал должность председателя местного ревкома. Отец будущего ученого скончался от ранений, полученных им при обороне Перекопа в 1919 году. В 1923 году семья переехала в Севастополь, где через год Саша Бернштам поступил в девятилетнюю школу № 8, носившую имя А. В. Луначарского. Это учебное заведение он успешно окончил 17 июня 1927 года [8, с. 9].

Севастополь, в котором всегда царила особая атмосфера почитания исторической памяти, оказал на дальнейшую судьбу юноши свое воздействие. Трудовая деятельность Александра Бернштама началась в стенах уникального местного учреждения культуры – Севастопольского музея краеведения. По воспоминаниям члена-корреспондента АН УССР Сергея Николаевича Бибикова, Бернштам «был активным создателем музея, непосредственно стоящим у его истоков». 9 марта 1925 года, продемонстрировав знание «Путеводителя по Крыму» издания 1914 года, считавшегося тогда одним из самых авторитетных региональных справочников, и «Галльской войны» Юлия Цезаря на латинском языке, Александр стал участником «первого краеведческого кружка» при музее, где пятнадцатилетний юноша, еще учащийся в школе, начал по вечерам работать практикантом при секции этнографии и археологии [9, с. 96].

С 1924 года Бернштам был включен в состав археологических экспедиций, которые возглавляли местный краевед П. П. Бабенчиков и исследователь Н. И. Репников, снискавший себе к тому времени известность в археологии Гераклейского полуострова, памятников южнобережья и «пещерных» городов [см. подробнее: 10; 11]. В 1926 году молодой музейный работник (еще ученик школы) участвовал в экспедиции по изучению пещерных городов Крыма.

С 1925 года Александр Натанович участвовал в деятельности историко-археологического сектора Севастопольского музея краеведения, которым руководил П. П. Бабенчиков. В его обязанности входило формировать и наполнять материалом экспозицию. Вскоре А. Н. Бернштамом была подготовлена статья по методике построения археологических отделов в краеведческих музеях. Этот материал отражал принципы, которые использовал основатель Севастопольского музея краеведения Павел Петрович Бабенчиков [12]. С 1926 по осень 1927 года А. Н. Бернштам работал сезонным экскурсоводом при экскурсионной базе Народного комиссариата просвещения СССР, а в ноябре 1927-го энергичного сотрудника назначили на должность заведующего этноэкономическим отделом музея. В этом же году Александр Натанович включен в Совет Севастопольского музея краеведения. В 1927 году А. Н. Бернштам (только еще выпускник средней школы) в качестве делегата от этого учреждения культуры принял участие во II Всесоюзной конференции археологов СССР в Херсонесе, посвященной 100-летию начала раскопок античного городища [см. об этом: 13]. В 1928 году А. Н. Бернштам стал научным сотрудником в Севастопольском музейном объединении, где значительную роль играл Севастопольский музей краеведения. Вскоре он получил должность заместителя председателя бюро туризма при местном райкоме ВЛКСМ [14, л. 18–18 об., 20–21, 56; 15, л. 7; см. также: 16, с. 223]. Общение с Н. И. Репниковым, который погрузил молодого севастопольца в классическую археологию, не прекращалось до конца жизни Николая Ивановича. А. Н. Бернштам – один из авторов некролога своему наставнику [17].

Летом 1928 года А. Н. Бернштам успешно сдал вступительные экзамены на этнографическое отделение Этнологического института Московского государственного университета. Однако зачисление в число студентов московского

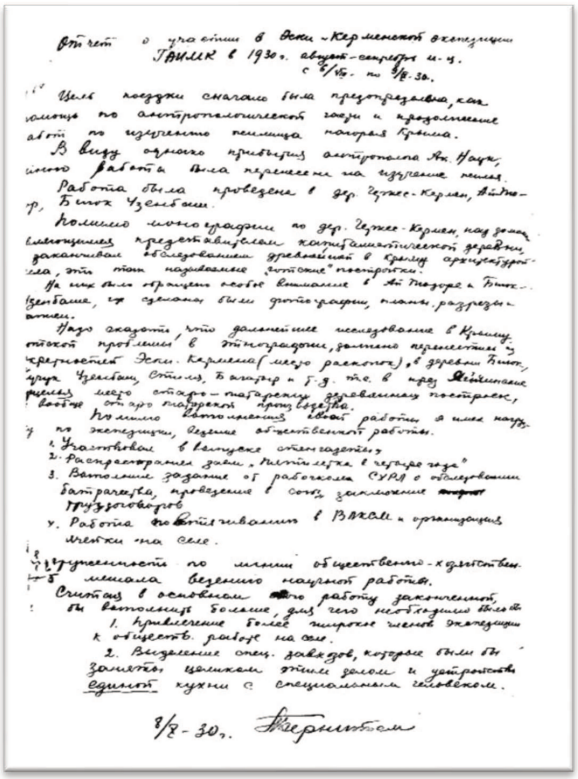
вуза не состоялось в связи со значительным количеством льготных категорий абитуриентов. Мечты о вузе Александр в том же году смог воплотить в Ленинграде, где в октябре поступил на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского государственного университета. А. Н. Бернштам, зачисленный в университет 14 ноября, выбрал своей будущей специальностью музееведение и этнографию. Впоследствии, в связи с реорганизацией гуманитарного образования в вузе, Александр стал слушателем Историко-лингвистического института при ЛГУ (среднеазиатский цикл, музейный уклон) [8, с. 10]. В студенческие годы интерес молодого специалиста к крымским памятникам усилился. Он стал членом Общества по изучению Крыма [14, л. 21–22]. От активной работы в области краеведения он отошел только в 1933 году в связи с тяжелой болезнью ног, из-за которой был полностью освобожден и от военной службы [15, л. 7; 18, л. 1]. Ноги А. Н. Бернштам повредил во время падения в скальную расщелину, когда проводил экскурсии в Юго-Западном Крыму [19, с. 165].

Александр Натанович Бернштам

Вдумчивый студент Ленинградского госуниверситета довольно скоро встал на стезю научных исследований. С марта 1930 года А. Н. Бернштам был зачислен в сотрудники II разряда Государственной академии истории материальной культуры (архаический сектор, группа кочевого скотоводства). Нами выявлена докладная записка А. Н. Бернштама этого периода, посвященная вопросу этнографических исследований в Крыму (датирована 21 марта 1930 г.). Учитывая, что проблема комплексная, Бернштам указал, что необходимо включить в изучение исторические и правовые подвопросы. Молодой этнограф предлагал, прежде всего, сосредоточить внимание на изучении кустарных промыслов населения Бахчисарая и Байдарской долины, что, по его мнению, будет представлять интерес с точки зрения «организации коллективного труда». В соответствии с духом времени предлагалось комплексное изучение колхозов как комплексов, в частности, еврейских в Джанкое и крымскотатарских в горной части полуострова. Кром крымских татар для глубокого рассмотрения в ходе возможной этнографической экспедиции предлагались арнауты, караимы, крымчаки, греки, армяне, грузины, эстонцы, евреи, немцы, русские. Автор проекта предполагал проследить «влияние на их культуру со стороны коренного населения». Предполагалось «организовать многопрофильное изучение деревень района Судака и Бахчисарая». Исследования предполагалось провести на базе Эски-Керменской экспедиции. Как один из итогов работ намечалось выпустить монографию по изучению быта молодых семей в Черкес-Кермене [20, л. 43–43 об.].

А. Н. Бернштам реализовывал этот план в составе Эски-Керменской экспедиции с 6 августа по 9 сентября 1930 года. В выявленном нами отчете этнографа (датирован 8 октября 1930 г.) указано, что «Цель поездки сначала была предопределена, как помощь по антропологической части и продолжение работ по изучению жилища нагорья Крыма». В связи с прибытием специалиста-антрополога от АН СССР, Бернштам сосредоточился исключительно на изучении жилья. остальные пункты заявленного плана не рассматривались. Все внимание было сконцентрировано на подготовку монографии о домах деревни Черкес-Кермен, являющимися «представителями капиталистической деревни». Кроме этого, молодой ученый исследовал «древнейшие в Крыму «готские» постройки». «На них, – как указал А. Н. Бернштам, – было обращено внимание на Ай-Тодоре, Биюк-Узенбаше», где сделаны были фотографии, планы, разрезы и записи». Этнограф заключил, что дальнейшие работы требуют переноса изучения «готского стиля» из Черкес-Кермена, который наиболее удобен в связи с близостью к археологической базе экспедиции, в деревни Кучук-Узенбаш, Биюк-Узенбаш, Стиля, Багатыр, в предяйлинские ущелья – «места старо-татарских деревянных построек и старо-татарского [ремесленного] производства».

Отчет о участии в Эски-Керменской экспедиции
ГАИМК в 1930 г. аспирант-стажер и. н.
с 6/VIII по 9/IX.30.

Цель поездки сначала была предопределена, как помощь по антропологической части и продолжение работ по изучению жилища нагорья Крыма.

В виду отсутствия приглашенного антрополога Ак. Наук, моя работа была перенесена на изучение жилья.

Работа была проведена в дер. Черкес-Кермен, Ай-Тодор, Биюк Узенбаш.

Собрано много фотографий по дер. Черкес-Кермен, над домами имеющими представительство капиталистической деревни, дающими образования древнейшей в Крыму архитектуры, так наз. готские постройки.

На них было обращено особое внимание в Ай Тодоре и Биюк-Узенбаше, где сделаны были фотографии, планы, разрезы и записи.

Надо сказать, что дальнейшие исследования в Крыму этой проблемы в этнографии, должно перенестись в пределы Эски-Кермена (между равнинами) в деревни Биюк, Кучук Узенбаш, Стиля, Багатыр и т. д. т.е. в пред Яйлинские районы, где старо-татарские деревянные постройки, вместе со старо-татарской кустарной работой.

Кроме вышеуказанной работы имел работы в виде научной, общественной работы.

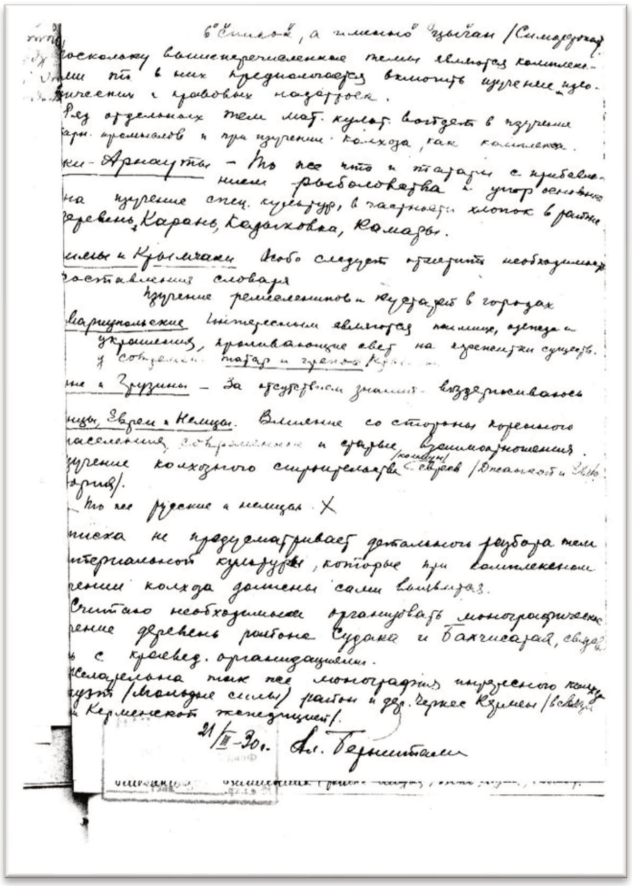
1. Участвовал в выпуске отчет газеты.
2. Распространял газеты „Известия" в количестве 100 экз.
3. Выполнил задание от рабочкома СУРД с обследованием батрачества, проведенное в совхозе заключение [illegible] Пузыревского
4. Работа по [illegible] в ВЛКСМ и организация избы-читальни на селе.
5. Участвовал по линии общественно-хозяйственной деятельности.
6. Имел задание вечернюю научную работу.

Считаю в основном мою работу законченной, но выполнить больше, для чего необходимо было бы
1. привлечение более широкого числа экспедиции к общественной работе на селе.
2. Выделение спец. заведов, которые были бы заняты целиком этим делом и устройство единой кухни с специальным человеком.

8/X-30 г. Бернштам

Отчет А. Н. Бернштама об участии в Эски-Керменской археологической экспедиции. 1930 год. Автограф. Из фондов ИИМК РАН НА РО

Интересно, что в отчете о работах в Крыму в 1930 году А. Н. Бернштам указал и общественные нагрузки – участвовал в подготовке стенгазеты, распространял билеты государственного денежного заема «Пятилетку в четыре года», выполнял поручение по изучению батрачества в среди крымских татар и занимался «втягиванием» их в ВЛКСМ. Исследователь заметил, что эти поручения мешали ему выполнять основной объем работы [21, л. 34].

Черновые наброски А. Н. Бернштама для плана работ по изучению крымской этнографии. 1930 год. Автограф. Из фондов ИИМК РАН НА РО

Исследователь совмещал научную работу с обучением в Историко-лингвистическом институте (окончил в июне 1931 г.). Хотя внимание Александра Натановича все более поглощали памятники материальной культуры Средней Азии, исследования в области этнографии Крыма А. Н. Бернштам проводил и после

окончания ЛГУ в июле – сентябре 1931 года, также летом и в сентябре 1932 года. Последняя экспедиционная поездка была предпринята им по поручению Этнографического отдела Русского музея, в котором А. Н. Бернштам начал работать по совместительству с марта 1932 года [22, л. 15, 23]. После окончания аспирантуры в мае 1934 году А. Н. Бернштама зачислили на должность старшего научного сотрудника Института феодального общества государственной академии истории материальной культуры. Вскоре он стал ответственным секретарем кафедры истории феодализма на Востоке, а 15 февраля 1936 года Народный комиссариат просвещения СССР утвердил его членом Ученого Совета ГАИМК. В 1932–1935 годах А. Н. Бернштам совмещал работу в ГАИМК со службой в Государственном Эрмитаже на должности старшего научного сотрудника, а в 1930–1931 гг. – с работой в Музее этнографии на должности научного сотрудника [15, л. 4 об.].

Научное наследие ученого – более 250 опубликованный материалов, подавляющее количество которых посвящены среднеазиатской археологии [5, с. 180–183]. Но первая крупная печатная работа А. Н. Бернштама, вышедшая в 1931 году в «Известиях» ГАИМК, а также отпечатанная, как тогда было принято, отдельным оттиском, была посвящена исследованию жилища крымских татар [23]. Материал собирался в течение 1929–1930 годов, во время проведения Эски-Керменской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры по Горному Крыму. Автор рассмотрел природные и историко-экономические особенности местности и их влияние на организацию жилья у крымских татар. Подвергнуты анализу типы жилья XIX и начала XX века – «периода капиталистического развития крымской деревни». Факторами, оказавшими влияние на строительство у крымских татар в предгорной местности, А. Н. Бернштам назвал наличие хороших путей сообщение (шоссе и железная дорога), приток славянского элемента в качестве рабочей силы, наличие рядом трех крупных городов и отдельных помещичьих усадеб. Автор рассмотрел пещерные постройки, саман и плетень – самые старые татарские постройки. Он остановился на характеристике материала, использованного в строительстве (камень, дерево), организации отопления, внутреннего убранства, религиозных традиций, связанных со строительством.

В обработанном виде текст был представлен для обсуждения на заседании раздела этнографии Государственной академии истории материальной культуры. Социологическая часть доклада не встретила возражений по существу. Хотя и прозвучало мнение коллег о схематизме предложенного материала. Собравшиеся пришли к выводу, что цель исследования – методологическое освоение некоторых моментов из жилищного строительства крымских татар – была достигнута автором. В дальнейшем материал про деревянные крымскотатарские постройки автором был расширен и опубликован в изданных отдельным томом «Материалах Эски-Керменской экспедиции» [24]. Отметим, что выводы этнографа, сделанные при изучении крымскотатарского жилища на рубеже 20–30-х годов XX столетия, остаются востребованными и в наши дни. Не случайно ставшая библиографической редкостью работа А. Н. Бернштама была переиздана в 2024 году [25].

А. Н. Бернштам в Севастопольском музее краеведения

Не менее интересна для истории крымоведения малоизвестная обобщающая статья А. Н. Бернштама «Пути краеведной работы Крымской АССР», которая стала результатом его обследования краеведческой организации автономной республики летом 1932 года по заданию центральных органов, курировавших реорганизацию бывших провинциальных обществ в сетевые организации [см. подробнее: 26]. Автор обозначил задачи, которые ставили перед собой местные общества по изучению края, работавшие в досоветский период («любители-буржуа»), сравнив их с задачами современного ему (прогрессивного) краеведения, «которые выдвинуло строительство социализма». Конкретизируя, А. Н. Бернштам указал, что «Социалистическая реконструкция народного хозяйства Крыма ставит перед своей краеведной организацией ряд неотложных задач», среди которых в первую очередь названо «исследование и учет естественных богатств». На селе автор предлагал сосредоточить работу краеведческих ячеек «в плоскости изучения внедрения спецкультур». И только после упоминалось о необходимости дальнейшего изучения «блестящих страниц в истории социализма, Гражданской войны в Крыму, Черноморского флота», которые «остались ненаписанными краеведами». Подчеркивая важность задачи создания обобщающего очерка «истории Крыма, истории национального пролетариата, национальных кадров», автор не мог не

упомянуть про важность правильной организации «краеведного музея». В статье критикуется деятельность Областного бюро краеведения, которое дошло в своих решениях до ликвидации исторической секции. Это привело в Крыму к тому, что «большая часть работников была растеряна». Автор заключил, что «Неумение, негибкость руководства ОБК [областного бюро краеведения] в части организации кадров являются крупной ошибкой КрымБК» [27].

Интересен и факт участия А. Н. Бернштама в формировании экспозиции Евпаторийского краеведческого музея [см. также: 28]. Летом 1934 года ученый проходил курс лечения поврежденных ног грязями в Евпатории. Врачи настаивали на более длительной санаторной реабилитации и срок пребывания этнографа в Евпатории был продлен еще на полгода. Имея свободное время, Александр Натанович изучил экспозицию Евпаторийского краеведческого музея, познакомился с сотрудниками и руководством этого учреждения культуры. Ленинградский специалист был, как нельзя кстати в заштатном городском музее, где пытались реализовать задачу масштабной переделки экспозиции на новый лад. Он выразил согласие оказать посильную помощь коллективу музея в реконструкции историко-культурного отдела и был принят на работу в музей на договорной основе. Таким образом, именно А. Н. Бернштам стал автором основной экспозиции музея, экспонировавшейся в довоенные годы. Ленинградский специалист сразу увидел, что музей испытывал значительную нехватку в экспонатах и пришел на выручку коллегам. 24 августа 1934 года между директором Евпаторийского краеведческого музея Я. Г. Благодарным и А. Н. Бернштамом был заключен договор, согласно которому Александру Натановичу было поручено составить план реконструкции историко-культурного отдела музея и пополнить его материалами из музейных запасников Ленинграда, а также осуществить тематическую разработку трех стендов отдела социалистического строительства. К 15 декабря 1934 года А. Н. Бернштам должен был завершить реконструкцию отдела первобытного общества, античности и феодализма, к 15 января 1935 года – отдел «Крым в эпоху русского колониализма», а отдел Октябрьской революции и три тематических стенда о советском периоде истории города и района – к 15 февраля 1935 года [29, л. 161]. 26 августа 1934 года А. Н. Бернштам получил удостоверение в том, что он «работал в Евпаторийском краеведческом музее по договору и уполномочен вести переговоры с научно-исследовательскими музейными хранилищами Москвы и Ленинграда об обмене экспонатами, производить отбор коллекций» [9, с. 99–100]. Интересно, что Евпаторийский музей в качестве обменного фонда предлагал к передаче в столичные хранилища предметы караимского быта, «мебель караимских буржуазных жилищ» и раритеты караимской национальной библиотеки, включавшей и уникальный рукописный фонд [см. об этом: 30].

17 сентября 1934 года в обращении директора Евпаторийского краеведческого музея Якова Григорьевича Благодарного (1882–1942) в АН СССР отмечалось, что музею необходимы материалы, которые бы комплексно освещали историю края с древнейших времен. Чиновник акцентировал, что, всецело доверяя А. Н. Бернштаму, он уполномочивает его ходатайствовать перед Академией наук СССР о разыскании

в запасниках столичных музеев материалов для новой экспозиции музея в Евпатории и просил оказать ему содействие в этой работе [9, с. 99]. 21 октября последовал ответ Я. Г. Благодарному от непременного секретаря АН СССР, академика В. П. Волгина, который сообщал, что Академия наук готова разрешить данный вопрос, выделив для Евпаторийского музея материалы из фондов Музея антропологии и этнографии АН СССР и Института востоковедения [31, л. 17]. Александр Натанович свои обязательства выполнил. Экспозиция Евпаторийского музея краеведения наполнилась раритетами из столичных запасников.

А. Н. Бернштам в публикациях того периода останавливался и на вопросах изучения фольклора тюркских народов Крыма, который собирал во время экспедиций. Так, в статье «Историческая правда в легенде об Огуз-кагане» [32] автор одним из первых сделал попытку исторического анализа данного фольклорного источника.

Научный поиск в последующие годы увел А. Н. Бернштама от крымской этнографии и музейного дела в иные исследовательские дали, которые и принесли ученому всемирную известность. Вместе с тем, разработанный им крымский материал до настоящего времени востребован коллегами-крымоведами.

Список использованных источников и литературы

1. Академическая археология на берегах Невы: от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг. / Е. Н. Носов, С. А. Васильев, В. Я. Шумкин и др.– СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.– 416 с.

Akademicheskaya arheologiya na beregah Nevy: ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg. / E. N. Nosov, S. A. Vasil'ev, V. Ya. Shumkin i dr.– SPb.: Dmitrij Bulanin, 2013.– 416 s.

2. Воропаева В. А. В поисках единого культурного пространства: Ю. Н. Рерих и российские исследователи истории Востока / Кыргызско-Российский славянский ун-т.– Бишкек, 2010.– 408 с.

Voropaeva V. A. V poiskah edinogo kul'turnogo prostranstva: Yu. N. Rerih i rossijskie issledovateli istorii Vostoka / Kyrgyzsko-Rossijskij slavyanskij un-t.– Bishkek, 2010.– 408 s.

3. Кляшторный С. Г., Ромодин В. А. Изучение истории тюркских народов в АН СССР // Тюркологический сборник, 1970.– М.: Наука, 1970.– С. 148–162.Klyashtornyj S. G., Romodin V. A. Izuchenie istorii tyurkskih narodov v AN SSSR // Tyurkologicheskij sbornik, 1970.– M.: Nauka, 1970.– S. 148–162.

4. Кожабеков Б. Р. Бернштам Александр Натанович // Казахская СССР: краткая энциклопедия: В 4-х т.– Алма-Ата, 1989.– Т. 3.– С. 109.

Kozhabekov B. R. Bernshtam Aleksandr Natanovich // Kazahskaya SSSR: kratkaya enciklopediya: V 4-h t.– Alma-Ata, 1989.– T. 3.– S. 109.

5. Толстов С. Александр Натанович Бернштам // Советская этнография.– 1957.– № 1.– С. 178–183.

Tolstov S. Aleksandr Natanovich Bernshtam // Sovetskaya etnografiya.– 1957.– № 1.– S. 178–183.

6. Васильева Р. В. Бернштам Александр Натанович // Российская музейная энциклопедия: В 2-х т.– М., 2001.– Т. 1.– С. 67.

Vasil'eva R. V. Bernshtam Aleksandr Natanovich // Rossijskaya muzejnaya enciklopediya: V 2-h t.– M., 2001.– T. 1.– S. 67.

7. Жантелиева Н. Г. Жизненный путь, научная и организационная деятельность А. Н. Бернштама // Таврические студии.– Симферополь, 2020.– № 22.– С. 47–51.

Zhantelieva N. G. Zhiznennyj put', nauchnaya i organizacionnaya deyatel'nost' A. N. Bernshtama // Tavricheskie studii.– Simferopol', 2020.– № 22.– S. 47–51.

8. Алёкшин В. А. Александр Натанович Бернштам: биографический очерк // Древние культуры Евразии: матер. Междунар. научн. конф., посв. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама / ИИМК РАН.– СПб., 2010.– С. 9–22.

Alyokshin V. A. Aleksandr Natanovich Bernshtam: biograficheskij ocherk // Drevnie kul'tury Evrazii: mater. Mezhdunar. nauchn. konf., posv. 100-letiyu so dnya rozhdeniya A. N. Bernshtama / IIMK RAN.– SPb., 2010.– S. 9–22.

9. Акимченков В. В. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939) / Под ред. А. А. Непомнящего.– Киев; Симферополь: АнтиквА, 2012.– 120 с., ил.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 17).

Akimchenkov V. V. «Akademiya v miniatyure»: Sevastopol'skij muzej kraevedeniya (1923–1939) / Pod red. A. A. Nepomnyashchego.– Kiev; Simferopol': AntikvA, 2012.– 120 s., il.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 17).

10. Непомнящий А. А. «Начатое Н. И. Репниковым, представляется мне чрезвычайно важным…»: Фридрих Браун и Эски-Кермен // Материалы Эски-Керменской экспедиции / Ин-т археологии Крыма РАН; Гл. ред. А. И. Айбабин.– Симферополь: Антиква, 2024.– Вып. 4: Изучение города на плато Эски-Кермен по археологическим и архивным материалам / Отв. ред. Э. А. Хайрединова.– С. 119–130.

Nepomnyashchij A. A. «Nachatoe N. I. Repnikovym, predstavlyaetsya mne chrezvychajno vazhnym…»: Fridrih Braun i Eski-Kermen // Materialy Eski-Kermenskoj ekspedicii / In-t arheologii Kryma RAN; Gl. red. A. I. Ajbabin.– Simferopol': Antikva, 2024.– Vyp. 4: Izuchenie goroda na plato Eski-Kermen po arheologicheskim i arhivnym materialam / Otv. red. E. A. Hajredinova.– S. 119–130.

11. Непомнящий А. А., Ломакин Д. А. Конфликт «провинция – центр» в крымском измерении: соперничество Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста за лидерство в изучении средневекового города Эски-Кермен (1927–1929 гг.) // Археология Евразийских степей.– Казань, 2025.– № 5.– С. 290–298.

Nepomnyashchij A. A., Lomakin D. A. Konflikt «provinciya – centr» v krymskom izmerenii: sopernichestvo N. I. Repnikova i N. L. Ernsta za liderstvo v izuchenii srednevekovogo goroda Eski-Kermen (1927–1929 gg.) // Arheologiya Evrazijskih stepej.– Kazan', 2025.– № 5.– S. 290–298.

12. Бернштам А. Н. Принципы построения археологического отдела в краеведческом музее // Труды студенческого кружка краеведения при Географическом факультете ЛГУ: метод. сб.– Л., 1929.– С. 56–61.

Bernshtam A. N. Principy postroeniya arheologicheskogo otdela v kraevedcheskom muzee // Trudy studencheskogo kruzhka kraevedeniya pri Geograficheskom fakul'tete LGU: metod. sb.– L., 1929.– S. 56–61.

13. Непомнящий А. А. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе: из истории коммуникаций в крымоведении // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– 2018.– Т. 4(70), № 1.– С. 33–53.

Nepomnyashchij A. A. Vtoraya konferenciya arheologov SSSR v Hersonese: iz istorii kommunikacij v krymovedenii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– 2018.– T. 4(70), № 1.– S. 33–53.

14. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 3 (1934–1937 гг.), д. 793.

IIMK RAN NA RO, f. 2, op. 3 (1934–1937 gg.), d. 793.

15. ИИМК РАН НА РО, ф. 35, оп. 5 (1938–1956 гг.), д. 22.

IIMK RAN NA RO, f. 35, op. 5 (1938–1956 gg.), d. 22.

16. Акимченков В. В. В борьбе за советский патриотизм: Севастопольское музейное объединение (1928–1940) / Под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего.– М.; Симферополь: Антиква, 2015.– 244 с., ил.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 24).

Akimchenkov V. V. V bor'be za sovetskij patriotizm: Sevastopol'skoe muzejnoe ob"edinenie (1928–1940) / Pod red., vstup. st. A. A. Nepomnyashchego.– M.; Simferopol': Antikva, 2015.– 244 s., il.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 24).

17. Бернштам А. Н., Бибиков С. Н. Н. И. Репников, 1882–1940 // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.– М.; Л., 1941.– Вып. 9.– С. 121–123.

Bernshtam A. N., Bibikov S. N. N. I. Repnikov, 1882–1940 // Kratkie soobshcheniya o dokladah i polevyh issledovaniyah Instituta istorii material'noj kul'tury.– M.; L., 1941.– Vyp. 9.– S. 121–123.

18. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1963 г.), д. 21.

IIMK RAN NA RO, f. 2, op. 1 (1963 g.), d. 21.

19. Заднепровский Ю. А., Подольский А. Г. Александр Натанович Бернштам: к 70-летию со дня рождения // Народы Азии и Африки.– 1981.– № 2.– С. 161–168.

Zadneprovskij Yu. A., Podol'skij A. G. Aleksandr Natanovich Bernshtam: k 70-letiyu so dnya rozhdeniya // Narody Azii i Afriki.– 1981.– № 2.– S. 161–168.

20. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1930 г.), д. 34.

IIMK RAN NA RO, f. 2, op. 1 (1930 g.), d. 34.

21. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1931г.), д. 781.

IIMK RAN NA RO, f. 2, op. 1 (1931g.), d. 781.

22. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 3 (1930–1933 гг.), д. 56.

IIMK RAN NA RO, f. 2, op. 3 (1930–1933 gg.), d. 56.

23. Бернштам А. Н. Жилище крымского предгорья: опыт социологического анализа // Известия Гос. академии истории материальной культуры.– 1931.– Т. 9, вып. 6/7.– С. 1–46.

Bernshtam A. N. Zhilishche krymskogo predgor'ya: opyt sociologicheskogo analiza // Izvestiya Gos. akademii istorii material'noj kul'tury.– 1931.– T. 9, vyp. 6/7.– S. 1–46.

24. Бернштам А. Н. О деревянных постройках в Крыму // Известия Гос. академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра.– 1935.– Вып. 117: Материалы Эски-Керменской экспедиции.– С. 135–144.

Bernshtam A. N. O derevyannyh postrojkah v Krymu // Izvestiya Gos. akademii istorii material'noj kul'tury im. N. Ya. Marra.– 1935.– Vyp. 117: Materialy Eski-Kermenskoj ekspedicii.– S. 135–144.

25. Жилище крымских татар: Дубровский М. И. Жилище крымских горных татар; Бернштам А. Н. Жилище крымского предгорья; Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова / Медиацентр им. И. Гаспринского; Подг. А. В. Веселов.– Симферополь, 2024.– 168 с.

Zhilishche krymskih tatar: Dubrovskij M. I. Zhilishche krymskih gornyh tatar; Bernshtam A. N. Zhilishche krymskogo predgor'ya; Kuftin B. A. Zhilishche krymskih tatar v svyazi s istoriej zaseleniya poluostrova / Mediacentr im. I. Gasprinskogo; Podg. A. V. Veselov.– Simferopol', 2024.– 168 s.

26. Непомнящий А. А. Научно-исследовательское общество изучения Крыма (1935–1937): провал проекта советской краеведческой организации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки.– 2015.– Т. 1(67), № 1.– С. 28–37.

Nepomnyashchij A. A. Nauchno-issledovatel'skoe obshchestvo izucheniya Kryma (1935–1937): proval proekta sovetskoj kraevedcheskoj organizacii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– 2015.– T. 1(67), № 1.– S. 28–37.

27. Бернштам А. Пути краеведной работы Крымской АССР // Советское краеведение.– 1932.– № 11/12.– С. 83–85.

Bernshtam A. Puti kraevednoj raboty Krymskoj ASSR // Sovetskoe kraevedenie.– 1932.– № 11/12.– S. 83–85.

28. Непомнящий А. А. «Я подниму свой нос гордо и смело вверх»: Полина Чепурина в борьбе за Евпаторийский музей // Музей. Памятник. Наследие.– 2022.– № 2(12).– С. 39–56.

Nepomnyashchij A. A. «Ya podnimu svoj nos gordo i smelo vverh»: Polina Chepurina v bor'be za Evpatorijskij muzej // Muzej. Pamyatnik. Nasledie.– 2022.– № 2(12).– S. 39–56.

29. ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 56.

GARK, f. R-138, op. 1, d. 56.

30. Непомнящий А. А. Караимское книжное собрание Карай-битиклиги: история утраченной коллекции // Библиография и книговедение.– 2020.– № 5.– С. 125–135.

Nepomnyashchij A. A. Karaimskoe knizhnoe sobranie Karaj-bitikligi: istoriya utrachennoj kollekcii // Bibliografiya i knigovedenie.– 2020.– № 5.– S. 125–135.

31. ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 27.

GARK, f. R-138, op. 1, d. 27.

32. Бернштам А. Н. Историческая правда в легенде об Огуз-кагане // Советская этнография.– 1935.– № 6.– С. 33–43.

Bernshtam A. N. Istoricheskaya pravda v legende ob Oguz-kagane // Sovetskaya etnografiya.– 1935.– № 6.– S. 33–43.

Nepomnyashchy A. A. Alexander Bernshtam and Crimean Studies

This article for the first time generalizes the known historiographical facts and introduces previously unpublished archival documents discovered by the author, pertaining to the contribution of the prominent Soviet archaeologist, ethnographer, and orientalist, Doctor of Historical Sciences Alexander Natanovich Bernshtam (1910–1956) to the development of historical Crimean studies. It examines his role in the activities of the Sevastopol Museum of Local Lore (later the Sevastopol Museum Association) and the Yevpatoria Museum of Local Lore. The article also highlights the participation of the young scholar in the Eski-Kermen archaeological expedition, where, as an ethnographer, he collected material on the ethnography of the Crimean peoples, in particular on the dwelling of the Crimean Tatars.

Keywords: A. N. Bernshtam, historical Crimean studies, Sevastopol Museum of Local Lore, Sevastopol Museum Association, Eski-Kermen expedition, Yevpatoria Museum of Local Lore, dwelling, Crimean Tatars, ethnography.

УДК 930.25«1902/1905»

DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18679002

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ АГЕНТ В ВАШИНГТОНЕ Н. Н. РАСПОПОВ: ИСТОРИЯ НАЗНАЧЕНИЯ И СЛУЖБЫ В 1902–1905 ГГ.: ПО МАТЕРИАЛАМ РГВИА

Никитенко С. Д.

Государственный академический университет гуманитарных наук
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: serg777nikitenko@yandex.ru

Восстановлена истории назначения и службы в должности российского военного агента в Вашингтоне – офицера Главного штаба подполковника, Н. Н. Распопова в 1902–1905 гг. В связи с продолжающимся экономическим влиянием и ростом военного потенциала США, которое было продемонстрировано всему миру после их уверенной победы над Испанией в 1898 г. России необходимо было иметь сведения об американской армии. В своих донесениях Распопов приводит численность регулярных войск, затрагивает процесс реорганизации в сухопутной армии, выраженный в модернизации войск Национальной гвардии и создании Генерального Штаба, освещает участие первых в истории США совместных военных маневрах в Канзасе, анализирует внедрение в армию США новейших образцов вооружения. Автор приходит к выводу, что деятельность Н. Н. Распопова как военного агента в Вашингтоне является показательным примером высокого профессионализма российской военной разведки в начале XX века. В научный оборот вводится широкий круг ранее неопубликованных документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

Ключевые слова: Н. Н. Распопов, военный агент, Главный штаб, разведывательные сводки, вооруженные силы США, военная разведка.

В последние десятилетия в отечественной историографии наблюдается возросший интерес к истории российской военной разведки и ее уникальному, но еще недостаточно изученному аспекту – институту военных агентов [1–5; 7; 9], являвшийся важнейшей системой Российской империи в контексте сбора информации и анализа военно-политической ситуации за рубежом.

Официальное учреждение должности военного агента в России было напрямую сопряжено с неудачным исходом Крымской войны, когда в стране в последующие годы стали проводиться серьезные модернизации во многих внутриполитических сферах, в том числе и военной. В результате данных преобразований, практически сразу после окончания войны, 10 июня 1856 г. был издан «Проект общих статей инструкции агентам, посылаемым за границу», в которых подробно регулировались функции военных атташе, являвшиеся официальными членами представительств, прикрепленными к дипломатическим миссиям России за рубежом [1, с. 183–184].

В общих чертах в обязанности военных агентов входило изучение состояния сухопутных вооруженных сил страны: численность, вооружение и обмундирование, военно-технические новинки и пр. Тем не менее, военные агенты также должны были

представлять в Главный штаб и собственные взгляды, не только на социально-политическую и экономическую обстановки, но и по конкретным военным и политическим деятелям [6, с. 311]. Иными словами, главная задача военных агентов заключалась в возможности «дать... правительству ясный и верный отчет об оборонительной и наступательной готовности государства» [2, с. 87, 88] – отмечается в новой расширенной «Инструкции военным агентам или лицам, их замещающим» от 18 декабря 1880 г., просуществовавшей без изменений практически до начала Первой мировой войны [21, с. 41].

«История разведки – это, прежде всего, история людей» [9, с. 69], как справедливо отмечает отечественный исследователь В. Б. Каширин. В связи с этим, для ясного понимания специфики работы т.н. «дипломатов в погонах» обратимся к конкретному представителю института военных агентов – офицеру Главного штаба, подполковнику Николаю Никифоровичу Распопову[1], чье имя в истории российской военной разведки практически неизвестно[2].

Успешный опыт предшественников Распопова в должности военного агента в Вашингтоне, подполковника В. Н. Шебеко (1899 – 1901) и полковника А. П. Агапеева (1901), а также продолжавшееся стремительное индустриальное развитие Америки и ее военного потенциала особенно после победы над Испанией в 1898 г., утвердившей заокеанскую республику в статусе державы, «... принимающей участие в решении вопросов международной политики...» [14, л. 75 об.], окончательно убедили Военное министерство в необходимости продолжения наблюдения за США, являвшемся крайне важным для России. В связи с этим 18 января 1902 г.[3] Распопов был официально назначен новым военным агентом в Соединенных Штатах, где он служил на протяжении более пяти лет вплоть до 4 сентября 1907 г. [13, л. 2 об.; 18, л. 1].

С точки зрения освещения военного потенциала США в начале XX в. все наиболее важные и интересные донесения Распопова за период его службы в Америке в 1902 – 1905 гг.[4] можно представить следующими 3-мя группами:

[1] Подробнее его биографию см.: [16, л. 1об.–6об.].

[2] Одной из немногих существующих к настоящему времени в отечественной историографии работ к имени Распопова частично обращался лишь Е. Ю. Сергеев, использовавший фрагменты из донесений военного агента как источник для создания образа восприятия американцев в России в начале XX в. [20, с. 210–211]. Справедливости ради стоит отметить, что из мемуаров другого военного агента в США, А. М. Николаева (1916 – 1917), можно подчерпнуть описание внешности и черт характера Распопова, которое первый составил на основе личной беседы со вторым: «С голубыми глазами, широким носом, редкими волосами на голове и светлыми усами, ростом не выше среднего, он имел добродушный вид. Мягкость и прямота были основными чертами его характера» [11, с. 212].

[3] Здесь и далее все даты даны по старому стилю.

[4] Верхняя граница обусловлена изменением структуры Военного министерства, вызванного выделением из ГШ отдельной структуры – Главного управления Генерального штаба (далее – ГУГШ), которое, обретя юридическую силу в июне 1905 г., имело огромное значение в эволюции военной разведки в России, выразившееся, например, в том, что с того момента именно ГУГШ стало заведовать деятельностью военных агентов, чьи деятельность, значительно расширенная к 1912 г. путем создания нового регламента службы, сочетала в себе представительские, консульские и разведывательные функции. Подробнее об этом см.: [8].

1) данные о численности и нововведениях в сухопутных частях США; 2) отчеты о посещении военных маневров; 3) информация о перевооружении в армии и военно-технических новшествах.

Что касается *первой группы донесений*, то военный агент в своем рапорте от 22 октября 1902 г., указывая численность регулярной армии США в 59.866 нижних чинов [12, л. 5], отметил, что менее чем за 2 года, с февраля 1901 г., когда актом Конгресса от 2 февраля 1901 г. была установлена численность в 100.000 чел., общее количество регулярных войск сократилось на 40% [12, л. 6–6 об.]. По мнению Распопова, данное уменьшение было вызвано именно политическими соображениями, поскольку, «народ и его представители в конгрессе не любят армии. Удовлетворяя щедрою рукой всяким государственным потребностям, конгресс в тоже время из года в год «урезывает все ассигнования, которые могли бы повести к увеличению регулярной армии» [12, л. 8–8 об.].

Не менее важными являются донесения военного агента и о двух реорганизациях в сухопутных войсках США в 1903 г., являвшихся инициативой тогдашнего американского военного министра Э. Рута, в период, когда, «... обнаружилось много темных сторон в армии, навлекших на нее нарекания со стороны печати и общества и поселивших раздор среди высших представителей власти» [12, л. 42].

Во-первых, это реформирование милиционных частей, которые, по мнению военного агента, отличаясь между собой численностью, вооружением, обмундированием «ускользнули из-под всякого влияния и руководства центрального правительства... потеряли всякое боевое значение» [12, л. 47 об.]. Как отметил Распопов, в конце 1902 – начале 1903 гг. в Конгрессе после долгих обсуждений, вызванных вопросом ее подчинения – губернаторам или президенту, был окончательно утвержден закон о реорганизации милиции. С этого момента она, подразделяясь на организованную/ национальную гвардию и резервную/ неорганизованную милицию, переходила в различных штатах на одинаковое вооружение и одинаковое обучение с частями регулярной армии и находилась в ведении губернаторов штатов, но в случае войны поступала в распоряжение военного министерства и наравне с регулярной армией могла действовать в пределах и вне страны [12, л. 48–49 об., 60 об.].

Во-вторых, это учреждение Генерального Штаба США. Как отмечал военный агент, «необходимость учреждения ГШ указывалась и прежде, но все дело ограничивалось только заявлениями» [12, л. 42 об.]. Вместе с этим Распопов указывал, что военный министр Рут несмотря на то, что при разработке организации будущего ГШ обращался к опыту Германии и Франции, был убежден в необходимости «... организовать этот корпус самостоятельным путем и в согласии с нашей системой проводить в жизнь такие мероприятия [12, л. 43]». В итоге, как отмечал военный агент, 2 августа 1903 г. был утвержден закон об учреждении ГШ США, основные положения которого практически без изменений были изложены еще в ходе 57-й сессии Конгресса в ноябре 1902 г., главным из которых стало уничтожение должности «генерала, командующего армией», которую на тот момент занимал генерал-лейтенант Н. Майлз и учреждение вместо нее новой – начальника

ГШ США в лице генерал-лейтенанта С. Янга, а также непосредственно штаба из 42 офицеров, который подчинялся военному министру и президенту [12, л. 42 об., 71, 90]. В итоге, ГШ США стал отдельной штабной организацией, «имеющей своим назначением наблюдать... над всеми отраслями военной службы... за исключением только тех, которые изъяты из ее наблюдения законоположениями...» [12, л. 90 об.].

Касаемо *второй группы донесений*, здесь основной акцент был обращен на отчеты Распопова о посещении им в США ряда военных маневров и состязаний в 1902–1904 гг. в штатах Кентукки, Канзас, Нью-Джерси, Вирджиния, а также округе Колумбия [12, л. 96, 158]. Самыми важными среди них были маневры у форта Райли в лагере Рут (штат Канзас) в сентябре 1902 г.[1], имевшие огромное значение для страны, поскольку в них впервые в истории США приняли участие сразу несколько родов войск: как регулярные (пехота, кавалерия, артиллерия), так и несколько рот Национальных гвардий близлежащих штатов [12, л. 11]. Важно отметить, что подробное описание проведения данных маневров, зафиксированное в рапорте Распопова от 6 ноября 1902 г., является уникальным, поскольку вследствие своей деятельности в должности военного атташе ему благодаря личной беседе с Э. Рутом удалось стать единственным иностранным офицером, присутствующим в лагере Рут на маневрах [12, л. 12 об.].

Подробно освещая все проведенные двусторонние тактические занятия (например, нападение на транспорт или аванпостная служба [12, л. 12]), военный агент по завершении маневров привел подробную оценку для каждого из участвующих родов войск. Так, например, по мнению Распопова, у пехоты «была неудовлетворительной строевая подготовка» [12, л. 24 об.], а артиллерию он вообще называет «наиболее отсталым родом оружия», во многом потому, что в ходе стрельбы по мишеням орудия не смогли полностью поразить ни одну из них [12, л. 22, 26]. С другой стороны, американские кавалеристы были удостоены военным атташе более высокой оценки во многом потому, что показали «искусное владение наиболее налаженным делом по опыту маневров – спешивание с лошади» [12, л. 25 об.].

В контексте проведения маневров 1902 г. важно также отметить, что по их завершении Распопов, докладывая в Главный штаб, отмечал их судьбоносное значение для вооруженных сил США, которое должно было выразиться в проведении радикальных реформ в армии, инициированных Военным министерством [12, л. 29 об.]. И в данной оценке военный агент проявил высокий уровень прогнозирования, поскольку уже через пару месяцев, 18 ноября 1902 г. начал работу 57-й Конгресс США, на котором в речи Т. Рузвельта была очерчена реализация в ближайшем времени трех нововведений обязательное проведение ежегодных совместных маневров, учреждение Генерального штаба США и реорганизация войск Национальных гвардий штатов [12, л. 42].

Из *донесений* Распопова *третьей группы* наиболее важными являются ряд сведений о введении новых нового вооружения в сухопутных частях США.

[1] Подробнее об истории проведения данных маневров см.: [10].

Во-первых, это касалось создания нового скорострельного орудия для американской артиллерии. Как отмечал военный агент в рапорте от 19 ноября 1902 г., данный вопрос «давно занимал военное министерство», в результате чего в тот момент американское артиллерийское управление предложило заграничным фирмам конкурс на изготовление орудия, на котором было представлено 8 образцов: по одному от завода «Армстронг», «Кокериля-Норденфельта», «Виккерса-Максима» и «Эрхардта (Ehrhardt)», а также по два образца от завода «Вифлием (Bethlehem)« и американского артиллерийского управления. Орудия подверглись испытаниям: начальной скорости, точности, быстроты и продолжительности стрельбы и пр. [12, л. 38–38 об.]. После испытаний было признано, что только системы Эрхардта и артиллерийского управления 1901 г. показали удовлетворительный результат, в связи с чем именно данные системы легли за основу нового 3 д. орудия, получившего наименование – М1902 [12, л. 38 об.–39, 40 об.– 41].

В 1904 г. к данному орудие был добавлен скрывающийся лафет системы «Бюфинктон-Крозьер», и в том же году было проведено его испытание стрельбой шрапнелью, на котором присутствовал военный агент, отметивший, что «как при медленной, так и при скорой стрельбе орудие не давало ни малейшего отката и не было заметно никакого сотрясения: монета, положенная на обод колеса, оставалась на месте» [12, л. 143–144 об.].

Помимо нового орудия, Распопов докладывал в ГШ и о предложениях частных американских конструкторов и инженеров о продаже их изобретений в Россию. Так, например, в октябре 1904 г. военный агент сообщал об «однофунтовом автоматическом орудии» системы С. Макклина, который предложил за свой счет привезти его в Россию для испытаний и возможного дальнейшего приобретения данного орудия. Распопов лично посетивший в г. Кливленд (штат Огайо) завод Макклина и наблюдавший стрельбу из орудия с берега в озеро Эри, отметил, что «орудие необыкновенно простое по своему устройству, разборка и сборка его производится чрезвычайно быстро... Дальность его... на основании полигонных опытов, очень значительная» [12, л. 154–154 об.]. В рапорте же за 5 января 1905 г. он отметил о желании некоего американского инженера Айшэма о продаже российскому военному министерству изобретенного им снаряда «для стрельбы взрывчатыми составами наивысшей силы (взрывчатый желатин)», который, желавший получить только личные расходы на поездку в Россию и обратно, произвел на Распопова «впечатление человека, искренне убежденного в правоте своего дела» [19, л. 1–2 об.]. Тем не менее, на оба данных предложения ГШ не ответил военному агенту в необходимости данных предложениях.

Во-вторых, это принятие на вооружение американской пехоты и конницы нового магазинного ружья оружейного завода «Спрингфилд» в 1903 г. Как указывал военный агент в рапорте от 21 апреля 1903 г., идея о перевооружении относилась еще к испано-американской войне, в которой американцы встретили у неприятеля ружье системы Маузера, «превосходившее американскую магазинку во всех отношениях», в связи с чем еще в 1901 г. была разработана и изготовлена новая винтовка

«Спрингфилда», главной задачей которой было перебить начальную скорость маузеровской в 2.200 фут., что и было достигнуто [12, л. 74]. Тем не менее, из-за вопросов специального органа США, «Совета по ворожениям и укреплениям» и его начальника в лице ген. Н. Майлза, к конструкции винтовки (отсутствие штыка, компенсированное наличием измененного шомпола и шанцевого инструмента), испытания нового ружья были отложены до июля 1903 г., на которых оно продемонстрировало хорошие результаты.

Так, например, как отмечал Распопов в рапорте от 12 марта 1904 г., «...ружье, опущенное в воду на 6 ч. не дало ржавчины и на последующей стрельбе ни один из 6 патронов не дал осечки» [12, л. 75, 146–146 об.]. Вместе с этим новое ружье практически по всем своим баллистическим и конструктивным данным также опередила находившееся на тот момент на вооружении американских войск ружье «Краг-Юргенса», как например, по начальной скорости (2.300 фут против 2.000), скорости после 3.000 фут (958 против 901) и ряду др. [12, л. 75]. В результате американским военным министерством было признано необходимым образовать достаточный запас новых ружей в 500.000 шт. [12, л. 77].

Положительные результаты испытаний винтовки «Спрингфилда», способствовали дальнейшему интересу российского военного министерства к стрелковому оружию США, выразившееся в поручении военному агенту приобрести один экземпляр и патроны, как данной винтовки [12, л. 131–131 об.], так ряда других оружий – например, принятого в 1904 г. на вооружение американской армии и флота автоматического пистолета системы «Кольта» [12, л. 142] и 8 мм. револьвера системы «Галана» [15, л. 108]. В данном контексте следует также отметить, что интерес ГШ распространялся также на вопросы обучения стрельбе при посредстве «частных стрелковых обществ и народных стрелковых состязаний» и деятельности данных обществ (субсидии, снабжение оружием и патронами, назначение призов и т.п.), что объяснялось желанием ГШ на основе этих сведений разработать проект об устройстве аналогичных стрелковых обществ и народных состязаний в России [17, л. 69–69 об.].

Помимо этого, Распопов доставлял ряд сведений и об американских военно-технических новшествах. Так, в рапорте от 7 марта 1904 г. он представил описание «вновь изобретенного дальномера», изготовляемого на заводе «Бетлехем» и главным преимуществом которого заключалось в том, что он «автоматически давал возможность сосредотачивать огонь всех руководимых им орудий по цели... указывал на карте минного заграждения место нахождения неприятельского судна в исключительной точности» [12, л. 139–139 об.]. А в ряде донесений за 1902 – 1903 гг. он информировал ГШ об американском автоматическом приспособлении для наматывания и сматывания полевого телеграфного кабеля при устройстве полевых линий [15, л. 302–302 об.; 17, л. 80].

Исходя из вышеизложенного, мы можем заключить, что к началу XX в. российская военная разведка обладала внушительным потенциалом. Ее система была настроена на производство высококлассных профессионалов, которые

успешно справлялись с задачей предоставления Генеральному штабу всесторонних данных о военном потенциале различных государств. Ярким подтверждением этих слов является пример деятельности Распопова в качестве военного агента в Вашингтоне в 1902–1905 гг., чьи даже фрагментарные донесения дают нам представление о сложности и многогранности работы российских военных агентов, и о том, насколько важна была их роль в формировании внешнеполитической стратегии Российской империи на рубеже XIX и XX веков. Наиболее яркой оценкой деятельности военного атташе в США являются слова американских высших военных чинов, с которыми тому в годы службы удалось лично взаимодействовать. Так, например, командующий округом Колумбия, бригадный ген. Дж. Харрис, в 1903 г. в письме к начальнику ГШ США, Янгу после посещения Распоповым военных маневров Национальной гвардии округа 16–20 июля того же года, отмечал: «...офицеры и нижние чины… желают официально засвидетельствовать их личное удовольствие и профессиональную пользу, которую они извлекли из содействия Распопова. Представляя из себя образцовый тип военного человека и будучи во всех отношениях джентльменом, он, проявляя интерес к мельчайшим подробностям военного устройства и полевой службы...» [12, л. 99].

Список использованных источников и литературы

1. Алексеев М. Н. Военная разведка в Российской империи – от Александра I до Александра II. – М.: Вече, 2010. – 480 с.

Alekseev M. N. Voennaya razvedka v Rossiiskoi imperii – ot Aleksandra I do Aleksandra II. – M.: Veche, 2010. – 480 s.

2. Алексеев М. Н. Военная разведка России от Рюрика до Николая II.– М.: Издательский дом Русская разведка, ИИА Евразия+, 1998. – Кн. 1. – 432 с.

Alekseev M. N. Voennaya razvedka Rossii ot Ryurika do Nikolaya II.– M.: Izdatel'skii dom Russkaya razvedka, IIA Evraziya+, 1998. – Kn. 1. – 432 s.

3. Алексеев М. Н. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. – М.: Издательский дом Русская разведка, ИИА Евразия+, 1998. – 608 с.

Alekseev M. N. Voennaya razvedka Rossii ot Ryurika do Nikolaya II. Kn. 2. – M.: Izdatel'skii dom Russkaya razvedka, IIA Evraziya+, 1998. – 608 s.

4. Винокуров В. И. История военной дипломатии. Военная дипломатия от Петра I до Первой мировой войны. – М.: ООО НИЦ Инженер, 2009. Т. 1. – 392 с.

Vinokurov V. I. Istoriya voennoi diplomatii. Voennaya diplomatiya ot Petra I do Pervoi mirovoi voiny. – M.: OOO NITs Inzhener, 2009. T. 1. – 392 s.

5. Ильина Т. Н. Военные агенты и русское оружие: винтовки Бердана, картечницы Гатлинга, револьверы Смита и Вессона, шашки 1881 года. – СПб.: Атлант, 2008. – 381 с.

Il'ina T. N. Voennye agenty i russkoe oruzhie: vintovki Berdana, kartechnitsy Gatlinga, revol'very Smita i Vessona, shashki 1881 goda. – SPb.: Atlant, 2008. – 381 s.

6. Ильина Т. Н. Военные агенты Российской империи // Война и оружие: новые исследования и материалы: международная научно-практическая конференция (Москва, 12–14 мая 2010 г.): В 2-х ч. М.: Изд-во Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2010. – Ч. 1. – 461 с.

Il'ina T. N. Voennye agenty Rossiiskoi imperii // Voina i oruzhie: novye issledovaniya i materialy: mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (Moskva, 12–14 maya 2010 g.). Ch. 1. – M.: Izdatel'stvo Voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi (VIMAIViVS), 2010. – 461 s.

7. История российской разведки / Под ред. Е. М. Примакова. От древнейших времен до 1917 года. – М.: Международные отношения, 2014.– Т. 1. – 236 с.

Istoriya rossiiskoi razvedki / Pod red. E. M. Primakova. Ot drevneishikh vremen do 1917 goda. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2014.– T. 1. – 236 s.

8. Кавтарадзе А. Г. Из истории русского Генерального Штаба // Военно-исторический журнал. – 1972. – № 15. – С. 87–92.

Kavtaradze A. G. Iz istorii russkogo General'nogo Shtaba // VIZh. – 1972. – № 15. – S. 87–92.

9. Каширин В. Б. Дозорные на Балканах: русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. – М.: ВИКМО-М, 2014. – 632 с.

Kashirin V. B. Dozornye na Balkanakh: russkaya voennaya razvedka v stranakh Balkanskogo poluostrova nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny. – M.: VIKMO-M, 2014. – 632 s.

10.Никитенко С. Д. Военные маневры американских войск у форта Райли в 1902 г. в донесениях военного агента Н. Н. Распопова // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: «Гуманитарные науки». – 2025. – № 2. – С. 102–111.

Nikitenko S. D. Voennye manevry amerikanskikh voisk u forta Raili v 1902 g. v doneseniyakh voennogo agenta N. N. Raspopova // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2025. – № 2. – S. 102–111.

11.Николаев А. М. Пол-века тому назад: воспоминания о службе офицера Императорского Генерального Штаба в должностях помощника военного агента в Лондоне и военного агента в Вашингтоне во время Первой мировой войны. – Нью-Йорк: Издание Сев.-Американского Отдела Русского Общевоинского Союза, 1968. – 341 с.

Nikolaev A. M. Pol-veka tomu nazad: vospominaniya o sluzhbe ofitsera Imperatorskogo General'nogo Shtaba v dolzhnostyakh pomoshchnika voennogo agenta v Londone i voennogo agenta v Vashingtone vo vremya Pervoi mirovoi voiny. – N'yu-Iork: Izdanie Sev.-Amerikanskogo Otdela Russkogo Obshchevoinskogo Soyuza. 1968. – 341 s.

12.Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). ф. 400. оп. 4. д. 343.

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (dalee – RGVIA). f. 400. op. 4. d. 343.

13.РГВИА. ф. 400. оп. 21. д. 2993.

RGVIA. f. 400. op. 21. d. 2993.

14.РГВИА. ф. 401. оп. 5/929. д. 60.

RGVIA. f. 401. op. 5/929. d. 60.

15.РГВИА. ф. 401. оп. 5/929. о. 198.

RGVIA. f. 401. op. 5/929. o. 198.

16.РГВИА. ф. 409. оп. 1. 1913. д. 2–61.

RGVIA. f. 409. op. 1. 1913. d. 2–61.

17.РГВИА. ф. 846. оп. 3. л. 106.

RGVIA. f. 846. op. 3. l. 106.

18.РГВИА. ф. 846. оп. 4. л. 127.

RGVIA. f. 846. op. 4. l. 127.

19.РГВИА. ф. 2000. оп. 1. д. 1113.

RGVIA. f. 2000. op. 1. d. 1113.

20.Сергеев Е. Ю. «Иная земля, иное небо…»: Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). – М.: ИВИ РАН, 2001. – 282 с.

Sergeev E. Yu. «Inaya zemlya, inoe nebo…»: Zapad i voennaya elita Rossii (1900–1914 gg.). – M.: IVI RAN, 2001. – 282 s.

21.Сергеев Е. Ю., Улунян А. А. Не подлежит оглашению: военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914.– 2-е изд.: перераб. и доп. – М.: Реалии-Пресс, 2003. – 480 с.

Sergeev E. Yu., Ulunyan A. A. Ne podlezhit oglasheniyu: voennye agenty Rossiiskoi imperii v Evrope i na Balkanakh. 1900–1914.– 2-e izd.: pererab. i dop. – M.: Realii-Press, 2003. – 480 s.

Nikitenko S. D. The Russian military agent in Washington, N. N. Raspopov: the history of appointment and service in 1902–1905 (based on the materials of the The Russian State Military Historical Archive)

This article is devoted to the history of the appointment and service as a Russian military agent in Washington, an officer of the General Staff of Lieutenant Colonel N. N. Raspopov in 1902 – 1905. Due to the continued economic influence and growing military potential of the United States, which was demonstrated to the whole world after their confident victory over Spain in 1898, Russia needed to have information about the American army. In his reports, Raspopov cites the number of regular troops, involves on the process of reorganization in the land army, expressed in the modernization of the National Guard troops and the creation of the General Staff, highlights the participation of the first joint military maneuvers in the history of the United States in Kansas, analyzes the introduction of the latest weapons into the US army. The author comes to the conclusion that Raspopov's activity as a military agent in Washington is an illustrative example of the high professionalism of Russian military intelligence at the beginning of the 20th century. The article uses a wide range of previously unpublished documents from the Russian State Military Historical Archive (RGVIA).

Keywords: N. N. Raspopov, military agent, General Staff, intelligence reports, US armed forces, military intelligence.

УДК 94=161.1(045)"+"(4–015)

DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18679051

К ВОПРОСУ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ДВОРЦОВОГО ПЕРЕВОРОТА И ВРЕМЕНИ ВОЦАРЕНИЯ В КРЫМУ ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I

Пенской В. В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
г. Белгород, Российская Федерация
E-mail: penskoy@bsuedu.ru

Середина XVI в. в Восточной Европе – время больших перемен. Российское государство, пережив время политических неурядиц, вызванных обострившейся борьбой между боярскими кланами во время малолетства Ивана IV, вернулось в «Большую Игру». Местом приложения главных внешнеполитических усилий Москвы стала Казань. Покорение Казани в 1552 г. разом переменило расстановку политических сил в регионе, что не могло не вызвать беспокойства у соседей России, в том числе и у таких отдаленных, как Османская империя. Стамбул, опасаясь дальнейшего усиления Москвы как потенциального участника антиосманской коалиции, и недовольный своеволием крымского хана Сахиб-Гирея I, решил сменить главу Крымского ханства. В результат дворцового переворота Сахиб-Гирей был свергнут, а на его место воссел его племянник Девлет-Гирей I, один из наиболее ярких представителей династии крымских Гиреев. Относительно времени переворота и его обстоятельств в отечественной и зарубежной историографии нет единого мнения. Господствующим является мнение, относящее это событие к осени 1551 г. В данной статье приводятся доводы, основанные на анализе русских источников (летописи, разрядные книги и дипломатическая переписка), в пользу иной датировки этого важного события – осень 1550 г.

Ключевые слова: Восточная Европа, Османская империя, Крымское ханство. Российское государство, Ногайская орда, русско-крымские отношения, Гиреи, Сахиб-Гирей I, Девлет-Гирей I, Иван Грозный, Реммаль-ходжа.

Введение

Окончательный распад Золотой Орды в первой пол. XV в. запустил процессы переформатирования «ордынского мира». Возникшие на руинах Золотой Орды новые государства вступили в борьбу, стремясь занять доминирующие позиции на постордынском пространстве. Главными игроками в этой «Большой Игре» в Восточной Европе были Великое княжество Литовское, Русское государство и Крымское ханство. Последнее, посла падения Большой Орды в самом начале XVI в. заявило о своих единоличных претензиях на политическое наследство Золотой Орды и на обретение имперского статуса. Крымский имперский проект предполагал «реновацию» Золотой Орды и воссоздание «ордынского мира», но под крымской эгидой. Но для достижения этой цели крымским Гиреям необходимо было прежде всего подчинить своей воле остальные татарские юрты – Казань, Астрахань и «самовольную» Ногайскую Орду, а также вынудить Москву и Вильно признать (хотя бы формально, в форме более или менее регулярной присылки в Бахчисарай пресловутых» поминков») свой вассальный статус по отношению к Крыму.

Созданию условий для реализации этого плана была посвящена деятельность крымских «царей», начиная с фактического основателя Крымского юрта хана Менгли-Гирея I. Его сын Мухаммед-Гирей, захватив в 1523 г. Астрахань, добился на этом поприще впечатляющих успехов и в каком-то смысле на короткое время сумел воссоздать «ордынский мир». В самом деле, в Казани сидел его брат Сахиб-Гирей, со взятием Астрахани ногаи признали верховенство крымского «царя» над собой, Литва была союзником (младшим) Крыма, исправно слала в «имперскую» столицу «поминки», а великие литовские князья как вассалы получали ханские ярлыки на управление землями, ранее входившими в состав золотоордынской империи. И даже Москва после «крымского смерча» 1521 г. оказалась в двусмысленном положении – данную «царевичем» Петром Ибрагимовичем и боярами от имени Василия III грамоту с согласием на регулярную «магмет-киреву» дань удалось изъять, однако память об этом казусе осталась и в Крыму, и в Москве.

Увы, миг торжества Мухаммед-Гирея оказался недолог – буквально несколько недель. Ногаи, улучив момент, убили в Астрахани и самого хана, и его старшего сына и наследника-калгу Бахадыр-Гирея, после чего разгромили крымское войско и устроили погром в самом Крыму. На без малого полтора десятилетия Крым погрузился в смуту и на это время выбыл из числа участников «Большой Игры», став объектом политических комбинаций со стороны соседей. Лишь в конце 30-х гг. хану Сахиб-Гирею I удалось стабилизировать ситуация в Крыму и вернуться к активной внешней политике. Однако при анализе его деятельности как политика складывается впечатление, что реализация имперского проекта явно не входила в число приоритетных внешнеполитических задач и его активность на этом поприще преследовала собой прежде всего решение другой задачи – удержания власти в Крыму.

Эта пассивность Сахиб-Гирея и его стремление решать в первую очередь проблемы, касавшиеся интересов его и его семейства в обход иных вопросов не могли не вызвать недовольства в Стамбуле. В столице османской империи рассматривали Крым как инструмент, посредством которого можно было поддерживать выгодный для Порты баланс сил в Восточной Европе, не втягиваясь напрямую и непосредственно в местные политические интриги. Между тем активизация во второй пол. 40-х гг. русской внешней политики и рост ее влияния в Поволжье, попытки Москвы сойтись со Священной Римской империей на антитурецкой почве явно смещали этот баланс сил в сторону, невыгодную Стамбулу. Слишком самостоятельный и себе на уме Сахиб-Гирей перестал устраивать османскую правящую верхушку. Результатом этого стал инициированный Стамбулом дворцовый переворот, в ходе которого Сахиб-Гирей лишился власти и жизни (а вместе с ним было убито и все его потомство по мужской линии),

Новый хан, племянник Сахиб-Гирея Девлет-Гирей I, сделал верные выводы из урока, преподанного ему столь наглядно турецким сюзереном, и активизировал свою внешнеполитическую активность. «Почти 25-летнее правление Девлета оставило яркий след и в истории Крыма, и в истории Восточной Европы», отмечал А. В. Виноградов, подчеркивая неслучайность того значительного интереса, который проявляет к личности Девлет-Гирея историческая наука и в России, и за рубежом [3, с. 64].

Вместе с тем стоит заметить, что при всем том интересе, который существует по отношению к личности Девлет-Гирея и его политической деятельности, ряд вопросов истории его правления и биографии остается дискуссионным. К их числу относится, несомненно, и вопрос о времени и обстоятельствах прихода Девлет-Гирея к власти.

К историографии вопроса

На первый взгляд можно сказать, что в историографии устоялось мнение относительно датировки дворцового переворота, который привел Девлет-Гирея к власти. Еще в конце XIX в. автор фундаментальной и ставшей классической истории Крымского ханства В. Д. Смирнов относил перемену на крымском «царском» седалище к 1551 г. [20, с. 318. О роли В. Д. Смирнова в разработке истории Крымского ханства см., например: 12]. Вслед за В. Д. Смирновым к 1551 г. относил время переворота в Крыму и М. Д. Худяков в своих очерках по истории Казанского ханства [22, с. 116]. А. В. Виноградов в своем очерке о крымских ханах XVI в. также датировал переворот осенью 1551 г. [3, с. 63]. Этой же даты перемены власти в Крыму он придерживался и позднее, например, в 2–томном исследовании «Русско-крымские отношения 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века» [4, с. 124], вышедшем в 2007 г., и в соответствующих разделах («Внутриполитическое развитие Крымского ханства в XVI – начале XVII вв.» и «Крымско-русские отношения в XVI в.») многотомной «Истории крымских татар» [8, с. 201, 230]. При этом исследователь полагал вслед за французскими историками, что на некоторое время в Крыму установился режим своего рода «двоевластия» двух ханов, которое завершилось весной 1551 г. [4, с. 124].

Позицию А. В. Виноградова относительно датировки дворцового переворота в Крыму 1551 г. поддержал и И. В. Зайцев, который отнес это событие к концу этого года [7, с. 69]. Вместе с тем стоит заметить, что есть и иное мнение. В 1999 г. А. М. Некрасов осторожно предположил, что хотя по установившейся традиции дворцовый переворот в Крыму и датируется 1551 г., однако есть основания полагать, что это случилось на несколько месяцев раньше – осенью 1550 г.. приведя в доказательство своего мнения ряд свидетельств датирующих смерть Сахиб-Гирея и возведение Девлет-Гирея на престол осенью (октябрь или ноябрь) 1550 г. [11, с. 51, 57].

Таким образом, в настоящее время относительно времени дворцового переворота в Крыму, в результате которого к власти пришел Девлет-Гирей I, среди исследователей нет единого мнения. Наиболее распространена точка зрения, согласно которой это событие произошло в 1551 г. (весной или в конце года). Другая, высказанная А. М. Некрасовым осталась практически незамеченной и не в ходу. Еще большая путаница возникает, если обратиться к главному источнику по истории правления Сахиб-Гирея I – «Истории Сахиб-Гирея», написанной придворным врачом хана и гадателем Реммалем-ходжой.

Версия Реммаля-ходжи

Сочинение Реммаля-ходжи, по замечанию И. В. Зайцева, самое раннее из числа дошедших до нас сочинений исторического характера, которые были созданы в

Крымском ханстве [7, с. 69]. Его автор, как следует из «Истории», был весьма близок к Сахиб-Гирею и пользовался его едва ли не неограниченным доверием и поэтому выбор именно Реммаля-ходжи Нур-Султан, дочерью покойного хана, в качестве автора биографии Сахиб-Гирея, был не случайным.

Свою «Историю» Реммаль-ходжа начал писать, судя по всему, вскоре после смерти и похорон Сахиб-Гирея, а завершил ее, как было указано им в конце рукописи, летом 1553 г. [2, с. 119, 241], т.е. жизнеописание Сахиб-Гирея составлялось по горячим следам очевидцем и участником многих из описываемых в «Истории» событий. Ценность хроники, как отмечал канадский историк В. Остапчук, заключается прежде всего в том, что ее автор «предпочитал давать относительно четкое описание событий и снабжать конкретными деталями, нежели загромождать свой труд демонстрацией напыщенного стиля и риторики» [14, с. 395]. Однако, вместе с тем, Реммаль-ходжа, создавая панегирик своему покровителю, не придавал значения точной датировке описываемых им событий, так что, по справедливому замечанию И. В. Зайцева, хронология его истории носит относительный характер и может быть восстановлена только при сравнении с данными русских и османских источников того времени [7, с. 81–82]. Этим замечанием мы и будем руководствоваться при установлении наиболее вероятной даты дворцового переворота, в результате которого на крымский престол взошел хан Девлет-Гирей I, а Сахиб-Гирей и его сыновья были убиты.

Для уточнения хронологии дворцового переворота, в ходе которого в Бахчисарае произошла смена власти, у Реммаля-ходжи есть несколько «опорных» дат, которые позволяют составить в общих чертах представление относительно времени этого события. Первая дата касается начала цепочки событий, которые привели к смерти Сахиб-Гирея и возведению на престол Девлет-Гирея. «Не третий год после разгрома ногайцев, т.е. в 956-м году от бегства Пророка хан однажды спокойно и без великой заботы о каких-либо врагах сидел и давал аудиенцию, – писал в «Истории» Реммаль-ходжа, – как вдруг приехал человек из Казани и подал ему письмо от казанских беков». В этом письме казанская аристократия сообщала Сахиб-Гирею, что его племянник Сафа-Гирей, казанский «царь», умер, что русские предприняли поход на Казань, но были отбиты, однако собираются в новый поход. Поэтому, говорилось в письме, «когда нет головы, ноги крепко не стоят», и не будет ли крымский «царь» так любезен прислать в Казань сына Сафа-Гирея Букай-султана. Сахиб-Гирей ответил отказом на эту просьбу, но решил испросить у султана Сулеймана I разрешения посадить на вакантное «царское» седалище в Казани своего племянника Девлет-Гирея, отправив в Стамбул соответствующее послание [2, с. 99, 214–215].

956-й год хиджры соответствует христианскому 1549/1550 г., а данные русских летописей позволяют сузить временной промежуток, когда завязалась интрига, приведшая к переменам на политическом Олимпе Крымского ханства. Русские источники надежно датируют внезапную смерть Сафа-Гирея концом февраля – началом марта 1549 г. [10, с. 157]. Неудачный поход Ивана IV на Казань, о котором шла речь в послании из Казани, состоялся зимой 1547/1548 гг. [10, с. 155–156]. а казанское посольство во главе с «князем» Енбарсом отправилось в Крым вскоре

после смерти Сафа-Гирея, т.е. весной 1549 г. Правда, по дороге оно было перехвачено мещерскими казаками во главе с атаманом Ураком и побито, а взятые ярлыки отосланы Ураком в Москву – возможно, с этим связано прохладное отношение Сахиб-Гирея к приехавшему к нему в конце весны – начале лета 1549 г. посланцу из Казани [19, с. 529]. Отметим в этой связи, что ногайский бий Юсуф сообщал Ивану IV в грамоте, полученной в июле 1549 г., что казанцы отправляли в Крым два посольства [17, с. 249]. Упомянутый же в «Истории» готовящийся новый поход Ивана IV на Казань пришелся на зиму 1549/1550 г. [10, с. 158–160]. Т.о., начало нашей истории может быть отнесено, согласно версии Реммаля-ходжи, к маю – июню 1549 г.

Далее, рассказывая, как Девлет-Гирей захватил власть в Крыму, Реммаль-ходжа указывает еще одну дату. По его словам, посланец Девлет-Гирея Кан-Берды-бек со свитой въехал в ханский дворец в Бахчисарае в ночь кадыр-геджеси, а сам Девлет-Гирей прибыл во дворец из Евпатории утром. Ночь кадыр-геджеси, или Ночь аль-Кадр, Ночь Предопределения, отмечается в последней декаде месяца рамадан, обычно в ночь перед 27-м днем рамадана, 9-го месяца исламского календаря. Отсюда следует, что эти описываемые Реммалем-ходжой события пришлись на вторую декаду октября 1549 г.

Продолжая рассказывать историю падения Сахиб-Гирея, Реммаль-ходжа сообщал, что Эмин-Гирей, сын Сахиб-Гирея, который должен был встретить Девлет-Гирея у Перекопа и обеспечить ему проезд в Казань, узнал о том, что его кузен возведен на престол в первый день байрама и имя его было помянуто на хотбэ [2, с. 109, 228–229]. Если речь идет о Курбан-байраме (Ид аль-адха), начало которого относится к 10-му дню месяца Зу-л-хидджа, то интронизация Девлет-Гирея состоялась 31 декабря 1549 г. Можно предположить, что все это время, отделявшее коронацию Девлет-Гирея от его въезда в ханский дворец, ушло на согласование вопросов, связанных с передачей власти, между новым ханом и наиболее влиятельными татарскими «князьями», прежде всего карачи-беками (Реммаль-ходжа сообщал любопытную деталь этого затянувшегося на несколько недель процесса – Девлет-Гирей проявив неслыханную щедрость, буквально осыпал деньгами из ханской казны приходивших к нему на поклон бекам и тем самым купил их расположение [2, с. 109, 111, 229, 231]). После этого, в январе 1550 г., произошла расправа с детьми Сахиб-Гирея, которые были захвачены еще в октябре 1549 г., и убийство Сахиб-Гирея и его сына Гази-Гирея, сопровождавшего отца в походе на черкесов, в Тамани (где свергнутый хан все эти месяцы находился, по сути, под домашним арестом). Из контекста сообщения Реммаля-ходжи об этой трагедии следует, что ведущую роль в ней сыграли крымские беки, а сам новопоставленный «царь» молчаливо согласился с их решением (но впоследствии казнил главных виновников убийства [2, с. 116, 238]).

Таким образом, в изложении Реммаля-ходжи, завязка интриги, которая привела к смерти Сахиб-Гирея и его детей и возведению на престол Девлет-Гирея, пришлась на конец весны – начало лета 1549 г. Отказав казанским посланцам в их просьбе отправить на царствование в Казань одного из сыновей покойного Сафа-Гирея,

Сахиб-Гирей решил обезопасить себя со стороны пребывавшего в «гостях» у султана Сулеймана I племянника Девлет-Гирея, намереваясь сделать его новым казанским «царем». Сулейман ответил согласием, но втайне от крымского «царя» по наущению своего окружения решил заменить Сахиб-Гирея Девлет-Гиреем. Последний, имея на руках соответствующий султанский фирман, свиту из числа султанских капыкулу и казну, отправился завоевывать себе «царское» седалище. Сахиб-Гирей же тем временем ушел в поход на черкесов, отправив старшего сына и наследника калгу Эмин-Гирея с частью войска к Перекопу с наказом организовать соответствующую встречу Девлет-Гирею и препроводить его в Казань. Девлет-Гирей между тем, выжидая удобный момент для захвата власти, задержался в Аккермане. В конце октября 1549 г., убедившись, что в Крыму нет ни самого хана, ни его старших сыновей, он морем прибыл в Евпаторию, оттуда совершил скорый марш к Бахчисараю и, вступив в столицу крымского юрта, захватил ханский дворец и пленил семейство Сахиб-Гирея. Преданные крымской знатью и своим окружением, Сахиб-Гирей и Эмин-Гирей не оказали сопротивления, рассчитывая вернуть власть через прямое обращение к султану. Однако план Сахиб-Гирея не сработал. Сулейман I не нуждался больше в его услугах. В конце декабря 1549 г. Девлет-Гирей, купив себе расположение крымских беков, короновался, затем, в январе 1550 г., произошла расправа с самим Сахиб-Гиреем и его сыновьями, после чего новый крымский «царь» казнил всех причастных к убийству Сахиб-Гирея и его сыновей и тем самым окончательно утвердился у власти.

Русские источники о времени переворота в крыму

Итак, по версии Реммаля-ходжи события, в ходе которых Сахиб–Гирей лишился власти и жизни, а новым крымским «царем» стал Девлет-Гирей, пришлись на конец весны 1549 г. – начало 1550 г.. а захват ханского дворца как символический жест, означавший смену власти – на октябрь 1549 г. Но вот что примечательно. В продолжении русского Хронографа редакции 1512 г., завершенном несколько позднее, чем описываемые Реммалем-ходжой события, его составитель сообщает точную дату переворота – октябрь 1550 г.: «Лета 7059-го, октября, убил крымского царя Сап-Гирея Адевлет-Гирей Магмет-Гиреев сын и сел в Крыму повелением турского салтана Сулеймона» [19, с. 531–532]. Это единственное такого рода свидетельство, одинаково незамеченное ни А. В. Виноградовым, ни А. М. Некрасовым, ни В. Д. Смирновым, ни другими исследователями, ставит под сомнение датировку переворота, сделанную Реммалем-ходжой (конец 1549 г.), так и принятую в современной историографии и широко распространенную в литературе и в Сети (1551 г.) [см., например: 5, с. 231]. Однако запись «Хронографа» прекрасно коррелируется с информацией, которая содержится в других русских летописях, посольской документации и разрядных записях. Обращение к этим сведениям и их анализ позволяет, на наш взгляд, если и не поставить точку в затянувшейся дискуссии о времени переворота в Крыму, то, во всяком случае, предложить наиболее приближенный к истине вариант датировки этого события (которое, как показал

дальнейший ход истории, имело далеко идущие политические последствия для судьбы Восточной Европы, и не только ее одной).

Отправной точкой в наших изысканиях будет совещание Ивана IV с боярами 20 декабря 1550 г., на котором была утверждена наказная память гонцу Роману Остафьеву. Ему надлежало отправиться в Литву к великому князю литовскому Сигизмунду II в ответ на приезд в Москву в августе того же 1550 г. литовского посланника Ст. Едровского (и отъезд Остафьева состоялся 28 декабря 1550 г.). В этой наказной памяти, упоминаемой, кстати, А. М. Некрасовым, помимо всего прочего, гонцу предписывалось на вопрос о состоянии отношений между Москвой и Бахчисараем отвечать следующим образом: «В Крыму учинился Девлет-Кирей царь; а прислал к государю нашему своего человека Янмагмета с тем, что перед государя нашего послом перед Иваном Полевым правду учинил на том, что ему быти с государем нашим в крепкой дружбе потомуж, как был Менгли-Гирей царь с дедом государя нашего и со отцом». С ответной миссией в Крым отъехал гонец А. Щепотев, говорилось дальше в памяти [15, с. 343]. А. В. Виноградов писал в своем исследовании о русско-крымских отношениях в эпоху Ивана IV и Девлет-Гирея I, что поездка Щепотева состоялась, «вероятно, в конце 1551 г.». При этом исследователь отмечал с сожалением, что время отпуска миссии Щепотева при нынешнем состоянии источников точно определить не представляется возможным [4, с. 86]. Однако, как мы видим, материалы посольской книги, время отправки царского ганца в Крым определяется на деле достаточно точно – конец осени, крайний срок – начало зимы 1550 г. Можно ли сузить временные рамки отъезда миссии А. Щепотева?

На этот вопрос, на наш взгляд, можно ответить утвердительно. Миссии Ст. Едровского, Я. Остафьева, Янмагмета и А. Щепотева взаимосвязаны. И. исходя из этого, можно попробовать восстановить, зная их последовательность, и примерную хронологию событий и дипломатических пересылок конца лета – начала зимы 1550 г.

Ст. Едровский прибыл в Москву 10 августа 1550 г., но, против обыкновения, был принят Иваном IV далеко не сразу. На закономерный вопрос литовца о причинах такой задержки московским приставам боярской думой было предписано отвечать следующим образом: «Пришла к государю нашему весть, что крымской царь вышел, а прямово ведома нет, куды ему идти, на государя ли нашего украины или на литовские украины», почему «государь наш по всем украинам послал воевод многих со многими людми. А сам пошел на Коломну, а ждем вести: нечто на которую украину царь пойдет, и государь хочет на него сам ити». Вернулся Иван IV в столицу 21 августа [15, с. 334], когда напряжение спало и стало ясно, что «царь» на «крымскую» украину не придет, после чего и состоялся прием посланца. Москву Едровский покинул 31августа 1550 г. [15, с. 334, 339].

Обстоятельства и временные рамки военной тревоги в Москве лета 1550 г., невольным свидетелем которой оказался литовский посланник, для нашей истории представляют определенный, и немалый, интерес, поскольку позволяют добавить красок в картину, нарисованную Реммалем-ходжой. Ее подробности сохранились в разрядных книгах и в летописях. Так, в «Русском Хронографе» после записи о том

что в июле 1550 г. в Новодевичьем монастыре на Дорогомилове в церкви обвалились верхи, следует сообщение, что «царь и великий князь ходил на Коломну против своего недруга Крымского царя Сап-Гирея, …а с Коломны ходил царь и великий князь на Резань, да стоял на Резани неделю», ожидая с ратными людьми царева прихода. Однако, продолжал летописец, «царь» не пришел. Вместо себя он прислал «ис Крыму Ширинских князей, а с ними 20000 человек на царя и великого князя украины на Мещенские на места», да и то, послышав о том, что Иван IV послал против них воевод с ратью, татары повернули назад [19, с. 531–532]. Другие летописи уточняют время отсутствия Ивана в столице в связи с этой вестью – с 20-го июля по 23-е августа [1, с. 157–158].

Разрядные записи дополняют и конкретизируют краткие летописные свидетельства. В соответствии с ними, 18 июля 1550 г. в Москве были получены известия из Путивля о том, что сторожи в Поле «переехали» татарскую сакму. Эта новость обусловила отъезд 20-го июля Ивана IV из столицы на «берег», в Коломну. 21-го июля, когда царь находился в Коломенском, с Поля пришла новая весть о том, что через Северский Донец «лезли» в нескольких местах многие крымские люди (на одном только «Великом перевозе» 20 тыс.). Идут они на государеву украину, сообщали следившие за неприятелем сторожи. «а тово не ведомо, хто у них в головах и на которые места идут».

Ситуация прояснилась спустя две с половиной недели, когда 6 августа «царь» Шигалей (Шах-Али) отписал Ивану из Городка, что татары объявились на Мещере и бежавший от них полоняник Ивашко-бортник сообщал: «Пришол царевич крымской, а с ним тритцеть тысеч, а говорили меж себя, что им, опочинув, быти на мещерские и на резанские места». Тогда же, согласно разрядам, татары приходили «на белевские и на карачевские подлесья». Выслав навстречу татарам своих воевод с ратью, сам царь отправился 7-го августа в Зарайск, а оттуда – в Рязань, откуда, когда стало ясно, что гроза миновала, 16-го августа отъехал к Москве [18, с. 388–394].

Появление татар на Мещере вряд ли было случайным. Разрядные записи сообщают и еще одну любопытную подробность событий лета 1550 г., показывающую степень осведомленности Москвы относительно того, что происходило в Крыму: «Тово же лета в августе же приговорил царь и великий князь на Коломне, нечто будет пойдут царевичи ис Крыму в Казань, и отпустить бы царю и великому князю воевод с Коломны на поле царевичей поберечь» [18, с. 391–392]. Заметим, что в Москве давно ожидали попытки кого-то из крымских «царевичей» прибыть в Казань и воссесть на вакантное «царское» седалище. Во всяком случае, еще в августе 1549 г. Иван IV писал новопоставленному ногайскому бию Юсуфу: «А нечто пойдет крымской царевич в Казань, и мы того велели беречи на Поле своим людем. А ты б от себя крымского царевича велел же беречи против переволоки. А у нас те вести есть, что царевичю Имин Кирею ити в Казань на переволоку» [17, с. 298]. Так что есть все основания предположить, что появление татар на Мещере и под Белевым и Карачевым имело своей целью отвлечь внимание русских воевод и казачьих атаманов (именно мещерские казаки перехватили посольство казанского князя Енбарса в Крым весной 1549 г.!) от попытки Девлет-Гирея попасть в Казань.

«Царевич», о котором говорил Ивашко-бортник, явно Эмин-Гирей, и присутствие в его воинстве ширинских князей с их ополчением было, очевидно, неслучайным. Отношения Сахиб-Гирея с Ширинами были далеки от идеальных, и, судя по дальнейшим событиям, Ширины сыграли далеко не последнюю роль в организации переворота. Отправляя их вместе с Эмин-Гиреем на север, Сахиб-Гирей рассчитывал обезопасить себя на случай возможных политических осложнений. Кстати, возникает вопрос – если Сахиб-Гирей направил Эмин-Гирея к Перекопу для встречи Девлет-Гирея (и, что логично, не допустить его проезда на территорию собственно Крыма), то почему тогда с уходом Эмин-Гирея с большей частью войска в набег Девлет-Гирей остался в Аккермане и не попробовал прорваться в Крым раньше, летом 1550 г.? Ответ напрашивается только один – сам Сахиб-Гирей в июле все еще оставался в Крыму, и Девлет-Гирей решил не испытывать судьбу. Его время настало позднее – Реммаль-ходжа сообщал, что Сахиб-Гирей ушел в поход на черкесов, оставив Крым на попечение Эмин-Гирея. Однако Девлет-Гирей рассчитывал на поддержку Ширинов и, как показали дальнейшие события, не ошибся.

Итак, в августе 1550 г. Сахиб-Гирей ушел с лучшей частью крымского войска и своей «гвардией» в поход на черкесов, Эмин-Гирей и Ширины вернулись к Перекопу, в Москве облегченно выдохнули – гроза миновала, «царь» не придет, Иван IV вернулся в столицу и принял Ст. Едровского, который в последний день августа отбыл из русской столицы в Литву. Получается, что приезд Янмагмета (Джан-Мухаммеда) в Москву пришелся на промежуток времени между 21 августа и 20 декабря 1550 г. За эти недели в Крыма произошли серьезные политические перемены. Воспользовавшись тем, что Сахиб-Гирея нет на «острове Каффы», и договорившись с крымской аристократией (прежде всего с ширинскими «князьями» и мурзами), Девлет-Гирей захватил Бахчисарай, ханский дворец и взял в заложники ханское семейство Показания Реммаля-ходжи и «Хронографа» сходятся (кроме года) в одном – это произошло в октябре. Принимая во внимание, что «скорою ездою» путь из Крыма до Москвы занимал около 2-х недель или несколько больше (дорога от Перекопа до Царев-Борисова занимала 5 дней [9, с. 67]), то Янмагмет должен был приехать в русскую столицу не раньше 2-й декады ноября 1550 г. А. Щепотев же, соответственно, отъехал в Крым в конце ноября – начале декабря того же года. 20 декабря 1550 г. состоялось заседание боярской думы, на котором, как уже было отмечено выше, была утверждена наказная память Р. Олферьеву, согласно которой А. Щепотев уже покинул Москву и уехал в Крым.

Ногайские вести о перевороте в Крыму

Эти расчеты косвенно подтверждают и сведения, которые можно почерпнуть из ногайских посольских книг. Ногайская Орда на рубеже 40-х – 50-х гг. XVI в. основательно втянулась в «Большую Игру» в Восточной Европе. Ее правящая верхушка внимательно следила за развитием событий на постордынском пространстве, пытаясь, лавируя между Москвой, Стамбулом и Бахчисараем, заполучить вполне ощутимые политические и материальные выгоды для себя и своих

улусов. Крымские Гиреи между тем давно, еще со времен Менгли-Гирея I и его преемника Мухаммед-Гирея I, вынашивали идею подчинения себе Ногайской Орды, рассчитывая за счет ее военного потенциала нарастить свой политический вес и влияние. Однако отношения между Бахчисараем и ногаями носил сложный и противоречивый характер. Ногайская правящая элита отнюдь не торопилась расставаться со «своевольным» характером своего государственного образования, а попытки крымских «царей» воздействовать на ногаев кнутом только усиливали подозрительность и враждебность потомков Едигея по отношению к крымцам.

Отношения между ногаями и Сахиб-Гиреем были весьма напряженными, в особенности после того, как в 1546 г. хан захватил Астрахань, которую ногайские бии и их окружение «по старине» полагали сферой своих интересов. Сообщая Ивану IV о своем астраханском походе, Сахиб-Гирей писал, что «коли есмя Астрахан взяли, ино нагайские князи Ших-Мамай князь в головах и все мирзы нам послушны учинились: кого мы велим им воевати и им того воевати» [Цит. по: 6, с. 140]. В. В. Трепавлов полагал, что эти слова крымского «царя» не более чем обычная похвальба [21, с. 232], однако представляется, что Сахиб-Гирей если и преувеличил степень своего влияния на ногаев после астраханского похода, то ненамного. В Москве имели хорошее представление о расстановке сил в Степи и «в Нагаех», и ввести ее в заблуждение громкими словами было сложно, да и дальнейшее развитие событий косвенно подтверждает громкое утверждение крымского хана. Контроль над Астраханью позволял ее хозяину оказывать существенное влияние на «самовольную» Ногайскую Орду. Поэтому ногайский бий Шей-Мамай и его окружение, узнав о том, что Сахиб-Гирей взял Астрахань, были ошеломлены и на всякий случай поспешили добить ему челом и признать его верховенство над собой (по аналогии с 1523 г., когда, захватив Астрахань и воссев на тамошнем царском седалище, крымский хан Мухаммед-Гирей I точно также подчинил себе ногаев – но на очень короткое время). Однако Сахиб-Гирей не стал развивать свой успех и покинул Астрахань, вернув власть над астраханским юртом изгнанному было им из города хану Ямгурчи.

Ямгурчи, имея непростые отношения с ногаями, запросил поддержки у своего сюзерена и получил ее. Осенью 1548 г. ногаям (и в Москве) стало известно что Сахиб-Гирей отправил в Астрахань отряд своих ратных людей и несколько пушек, и чтобы не пропустить их в Астрахань, Шейх-Мамай договорился со своим братом Юсуфом, что тот отправит одного из своих сыновей с ратью «беречь того на дорогу» [17, с. 240, 285]. Поход ногаев к Перекопу, возглавленный сыном Юсуфа Али-мирзой, закончился трагедией – ногайское войско было разгромлено Сахиб-Гиреем, безжалостно расправившимся с взятыми в плен воинами Али-мирзы [2, с. 94–95, 207–206]. Иван IV, соболезнуя Юсуфу, писал ему потом, что Сахиб-Гирей над взятыми в полон ногаями «учинил» «разные казни, как ни в которых людех ни где и ведетца, иных на колье сажал, а иных за ноги вешал, а у иных головы отсекая башты делал», подчеркнув при этом, что «зане же нигде того не ведетца, чтоб тех людей казнити, которые на рати впадут в руки» [13, с. 155–156].

Учиненная Сахиб-Гиреем кровавая расправа над пленными, носившая явно показательный характер, сделала невозможным сближение Крыма и Ногайской Орды – во всяком случае, до тех пор, пока в Бахчисарае на «царском» седалище пребывал виновник этой бойни. Так, в сентябре 1549 г. московский посол «в Нагаех» Иван Федцов извещал Ивана IV, что «крымской, государь, царь ногаем недруг» [17, с. 304]. Только с устранением этого препятствия дорога к нормализации крымско-ногайских отношений оказывалась открыта.

И вот 3 мая 1551 г. в Москву приехал из Ногайской Орды служилый татарин Исень Келдишев, который, помимо прочих новостей он сообщил, что бий Юсуф и другие мирзы «в Крым ко царю послов своих послали», но послы те еще обратно в Орду не вернулись. И посольство это, как следует из другой новости, привезенной Келдишевым, было напрямую связано с политическими переменами в Крыму. «Пришли в Нагаи из Азова гости», – сказывал татарин, – и те гости сообщили, что «которых нагаиских татар Али мирзиных крымскои царь Сапкираи живых взял и сидели у него в тюрмах, и тех крымскои царь Девлеткиреи ис тюрмы выпустил». Дорога же из ногайских кочевий до Москвы у Келдишева заняла по его словам, больше двух месяцев («третеи месяц», а ехал татарин из-под Астрахани), следовательно, новости, которые он привез в русскую столицу, относились к концу зимы 1550/1551 гг. Именно тогда, самое позднее, ногайское посольство отправилось в Крым [16, с. 41, 42]. Однако его отъезду должна была неизбежно предшествовать цепочка событий. Сперва в Орде должны были узнать о том, что в Крыму произошел переворот и теперь там новый «царь». Затем к бию Юсуфу должна была придти весть о жесте доброй воли со стороны Девлет-Гирея с отпуском пленников. После этого бий должен был созвать на совет глав влиятельнейших ногайских «кланов» и на этом совете добиться их согласия на отправку посольства – а эта задача, учитывая непростые отношения ногаев с крымцами, была явно непростой, Мирзы по завершению совета должны были вернуться в свои кочевья, подготовить там собственные посольства и. объединив свои дипломатические усилия, отправить совместную миссию в Бахчисарай по зимней степи.

То, что события развивались по такому сценарию, подтверждает развитие русско-ногайских отношений весной 1551 г. Пока Исень Келдишев добирался до Москвы. Юсуф снарядил свое посольство в Москву, которое прибыло в русскую столицу 19 мая 1551 г. Посол бия Ахмет передал Ивану IV грамоту от своего господина. И в ней бий сообщал царю, что «крымсково первово царя не стало, а на его место инои царь учинился», и что теперь «тот царь с нами в дружбе и в братстве учился, и послы меж нас ходили (т.е. обмен посольствами между Юсуфом и его братьей с одной стороны, и Девлет-Гиреем с другой состоялся – *В. П.* О приезде к ногаям по весне 1551 г. совместного крымско-астраханско-турецкого посольства сообщал и русский эмиссар в Орде Петр Тургенев)…» [16, с. 45, 56, 58, 63, 69]. Вместе с Юсуфом свои посольства прислали и другие влиятельные ногайские мирзы. Примечательно, что грамота мирзы Касима б. Шейх–Мамай была датирована февралем 1551 г. [16, с. 42, 47], что также косвенно подтверждает версию относительно датировки времени переворота в Крыму осенью 1550 г. И вряд ли

случайным был набег молодых ногайских мирз во главе с воинственным и амбициозным Арслан-мирзой, младшим братом главы могущественного «клана» Кошумовичей мирзы Белек-Пулада, на Мещеру и Старую Рязань в начале декабря 1550 г. [18, с. 396–397] И даже если Арслан-мирза со товарищи отправился в набег по своей воле, решиться на это действие он мог только в том случае, если почувствовал перемену в настроениях на ногайском политическом Олимпе. Перемена же эта была связана с обсуждением на совете ногайских мирз, который состоялся примерно во второй половине ноября 1550 г., перспектив нормализации крымско-ногайских отношений.

Заключение

Итак, подведем итоги. В нашем распоряжении есть две версии хронологии событий в Крыму, которые привели к замене Сахиб-Гирея I Девлет-Гиреем I. Первая версия изложена Реммалем-ходжой и датирует дворцовый переворот концом октября 1549 г. Данные русских летописей, посольских книг и разрядных записей позволяют сместить хронологию Реммаля-ходжи на год вперед. Таким образом, сопоставление данных и хронике Реммаля-ходжи и в русских источниках позволяет утверждать, что дворцовый переворот и перемена власти в Крымском ханстве произошли в конце октября 1550 г. Впрочем, сам по себе процесс утверждения Девлет-Гирея у власти растянулся на несколько месяцев. Новому «царю» потребовалось время для того, чтобы достичь соглашения с главами ведущих аристократических родов Крыма и укрепить свое положение. Все эти недели прежний хан, лишенный власти и влияния, находился фактически под арестом на Тамани и дожидался решения своей участи. Это ожидание завершилось, судя по всему, в начале следующего, 1551 г., когда Сахиб-Гирей и его сыновья были убиты, после чего Девлет–Гирей казнил главных виновников его смерти и окончательно утвердился на крымском «столе».

Список использованных источников и литературы

1. Александро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей. – М.: Знак, 2009. – Т. XXIX. – С. 117–216.

Aleksandro-Nevskaya letopis` // Polnoe sobranie russkix letopisej. – M.: Znak, 2009. – T. XXIX. – S. 117–216.

2. Бадр ад-дин Мухаммед б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди (Реммаль-оджа). История хана Сахиб-Гирея. – М.: Квадрига, 2023. – 464 с.

Badr ad-din Muxammed b. Muxammed Kajsuni–zade Nidai–e`fendi (Remmal`-xodzha). Istoriya xana Saxib-Gireya. – M.: Kvadriga, 2023. – 464 s.

3. Виноградов А. В. Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. – 1999. – № 2. – С. 58–69.

Vinogradov A. V. Kry`mskie xany` v XVI veke // Otechestvennaya istoriya. – 1999. – № 2. – S. 58–69.

4. Виноградов А. В. Русско-крымские отношения 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века / ИРИ РАН. – М., 2007. – Т. I. – 199 с.

Vinogradov A. V. Russko-kry`mskie otnosheniya 50-e – vtoraya polovina 70-x godov XVI veka / IRI RAN. – M., 2007. – T. I. – 199 s.

5. Гайворонский О. Повелители двух материков. – Т. I: Крымские ханы XV – XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. – Киев; Бахчисарай: Оранта, Майстерня книги, 2007. – 368 с.

Gajvoronskij O. Poveliteli dvux materikov. – T. I. Kry`mskie xany` XV – XVI stoletij i bor`ba za nasledstvo Velikoj Ordy`. – Kiev; Baxchisaraj: Oranta, Majsternya knigi, 2007. – 368 s.

6. Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М.: Вост. лит., 2006. – 303 с.

Zajcev I. V. Astraxanskoe xanstvo. – M.: Vost. Lit., 2006. – 303 s.

7. Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV – XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. – М.: Вост. лит., 2009. – 304 с.

Zajcev I. V. Kry`mskaya istoriograficheskaya tradiciya XV – XIX vv.: puti razvitiya: rukopisi, teksty` i istochniki. – M.: Vost. Lit., 2009. – 304 s.

8. История крымских татар: В 5-ти т. Т. 3: Крымское ханство (XV – XVIII вв.). – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, АН РТ. 2021. – 1024 с.

Istoriya kry`mskix tatar v pyati tomax. – T. III. Kry`mskoe xanstvo (XV – XVIII vv.). – Kazan`: Institut istorii im. Sh. Mardzhani, AN RT. 2021. – 1024 s.

9. Книга Большому чертежу. – М.; Л.: Изд–во АН СССР, 1950. – 229 с.

Kniga Bol`shomu chertezhu. – M.–L.: Izd–vo AN SSSR, 1950. – 229 s.

10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. – Т. XIII. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 544 с.

Letopisny`j sbornik, imenuemy`j Patriarshej ili Nikonovskoj letopis`yu // Polnoe sobranie russkix letopisej. – T. XIII. – M. Yazy`ki russkoj kul`tury`, 2000. – 544 s.

11. Некрасов А. М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV – XVI веках // Отечественная история. – 1999. – № 2. – С. 48–58.

Nekrasov A. M. Vozniknovenie i e`volyuciya Kry`mskogo gosudarstva v XV – XVI vekax // Otechestvennaya istoriya. – 1999. – № 2. – S. 48–58.

12. Непомнящий А. А. Начало научного этапа разработки источников по истории Крымского ханства: В. Д. Смирнов // Золотоордынское обозрение.– 2015.– № 3.– С. 113–142.

Nepomnyashhij A. A. Nachalo nauchnogo e`tapa razrabotki istochnikov po istorii Kry`mskogo xanstva: V. D. Smirnov // Zolotoordy`nskoe obozrenie.– 2015.– № 3.– S. 113–142

13. Новиков Н. Продолжение Древней Российской вивлиофики. –СПб.: Тип.–я Академии наук, 1793. – Ч. VIII. – 336 с.

Novikov N. Prodolzhenie Drevnej Rossijskoj vivliofiki. –SPb.: Tip.–ya Akademii nauk, Ch. VIII. – 1793. – 336 s.

14. Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско–татарским походам // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани, 1223–1556. – Казань: Институт истории АН РТ, 2001. – С. 391–421.

Ostapchuk V. Xronika Remmalya Xodzhi «Istoriya Sagib Gerej xana» kak istochnik po kry`msko–tatarskim poxodam // Istochnikovedenie istorii ulusa Dzhuchi (Zolotoj Ordy`). Ot Kalki do Astraxani, 1223–1556. – Kazan`: Institut istorii AN RT, 2001. – S. 391–421.

15. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II (1533–1560 г.) // Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб.: Тип-я Ф. Елеонского и К^0, 1887. – Т. 59. – XV+629+55+98 с.

Pamyatniki diplomaticheskix snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Pol`sko-Litovskim. T. II (1533–1560 g.) // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. –SPb.: Tip-ya F. Eleonskogo i K^0, 1887. – T. 59. – XV+629+55+98 s.

16. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). – Казань: Татарское книжное изд-во. 2006. – 391 с.

Posol`skie knigi po svyazyam Rossii s Nogajskoj Ordoj (1551–1561 gg.). – Kazan`: Tatarskoe knizhnoe izd-vo. 2006. – 391 s.

17. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. – 360 с.

Posol`skie knigi po svyazyam Rossii s Nogajskoj Ordoj 1489–1549 gg. – Maxachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel`stvo, 1995. – 360 s.

18. Разрядная книга 1475–1605 гг. – Т. I, ч. II. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1977. – С. 189–406.

Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. – T. I, ch. II. – M.: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1977. – S. 189–406.

19. Русский Хронограф // Полное собрание русских летописей. – Т. XXII. – М: Языки славянских культур, 2005. – 896 с.

Russkij Xronograf // Polnoe sobranie russkix letopisej. – T. XXII. – M: Yazy`ki slavyanskix kul`tur, 2005. – 896 s.

20. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты: В 2-х т. – М.: Изд. дом «Рубикон XXI», 2005. – Т. I. – 541 с.

Smirnov V. D. Kry`mskoe xanstvo pod verxovenstvom Otomanskoj Porty`: V 2-x t. –M.: Izd. dom «Rubikon XXI», 2005. – T. I. – 541 s.

21. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – М.: Вост. лит., 2002. – 752 с.

Trepavlov V. V. Istoriya Nogajskoj Ordy`. – M.: Vost. Lit., 2002. 752 s.

22. Худяков М. Д. Очерки по истории Казанского ханства. – М.: ИНСАН, 1991. – 320 с.

Xudyakov M. D. Ocherki po istorii Kazanskogo xanstva. – M.: INSAN, 1991. – 320 s.

Penskoy V. V. On the Circumstances of the Palace Coup and the Timing of Devlet Girey I's Accession to the Reign in Crimea

The mid-16th century was a time of great change in Eastern Europe. Following political turmoil caused by the intensified power struggle between boyar clans during the minority of Ivan IV, the Russian state returned to the «Great Game». Kazan became the focus of Moscow's primary foreign policy efforts. The conquest of Kazan in 1552 abruptly altered the balance of political power in the region. This inevitably caused concern among Russia's neighbors, including the Ottoman Empire. Fearing Moscow's further strengthening as a potential participant in the anti-Ottoman coalition and dissatisfied with the high-handedness of its vassal, the Crimean Khan Sahib Giray I, Istanbul decided to replace the head of the Crimean Khanate. As a result of a palace coup, Sahib Giray was overthrown. He was replaced by one of the most prominent representatives of the Crimean Giray dynasty, Devlet Giray I. There is no consensus in Russian and foreign historiography regarding the timing of the coup and its circumstances. The prevailing view places this event in the autumn of 1551. This article presents arguments, based on an analysis of Russian sources (chronicles, register books, and diplomatic correspondence), in favor of a different dating for this important event – the autumn of 1550.

Keywords: Eastern Europe, Ottoman Empire, Crimean Khanate, Russian state, Nogai Horde, Russian–Crimean relations, Girays, Sahib Giray I, Devlet Giray I, Ivan the Terrible, Remmal Khoja.

УДК 94(450).094

DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18679115

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АНТОНИО ГРАМШИ: ВЛИЯНИЕ ИДЕАЛИЗМА И МАТЕРИАЛИЗМА

Русинова А. С.

Центр итальянского языка и культуры Данте,
АНО «Киностудия им Н. Я. Данилевского»
г. Мариуполь, Российская Федерация
E-mail: annarusinova.it@gmail.com

Исследуется формирование исторической концепции Антонио Грамши в контексте диалектического синтеза двух интеллектуальных традиций начала XX века – итальянского идеализма (Б. Кроче, Дж. Джентиле) и классического марксизма. Центральным предметом анализа является преодоление Грамши экономического детерминизма через разработку «философии практики», в которой материалистическое понимание истории обогащается идеалистическим акцентом на активной роли сознания, культуры и интеллектуалов. На основе метода историко-философской реконструкции автор прослеживает эволюцию взглядов Грамши – от раннего увлечения идеализмом и критики позитивистского фатализма до зрелой теории гегемонии и «пассивной революции» в «Тюремных тетрадях». Доказывается, что грамшианские категории представляют собой целостный инструментарий для анализа долгосрочных исторических процессов, где борьба за культурное доминирование является ключевым механизмом социальных изменений. Работа вносит вклад в историографию, уточняя место Грамши как мыслителя, соединившего материалистический анализ структур с идеалистическим пониманием субъективного фактора в истории.

Ключевые слова: Антонио Грамши, идеализм, материализм, марксизм, гегемония, философия практики.

Антонио Грамши (1891–1937) – выдающийся итальянский марксист, политик и философ, оказавший глубокое влияние на развитие исторической науки, философии, культурологии и других наук XX века. Его наследие, прежде всего отражённое в «Тюремных тетрадях» [14], представляет собой сложный синтез классического марксизма и итальянского идеализма, особенно в духе философии Бенедетто Кроче [10]. Эта уникальная комбинация материалистического анализа и идеалистического акцента на сознании и культуре поставила Грамши в особое положение среди мыслителей марксистской традиции.

В современном историческом исследовании актуальны вопросы о том, как именно идеализм и материализм влияли на формирование исторических взглядов Грамши, каким образом он пересматривал классическую марксистскую доктрину, и какую роль в его теории играют такие понятия, как гегемония, надстройка, культура и власть. Цель данной статьи – рассмотреть источники и историко-теоретические концепции Грамши, показать особенности его диалектического подхода и предпринять попытку ответить на вопрос, кто он – идеалист или материалист.

Ранний период

А. Грамши как мыслитель формировался в Италии начала XX в. – времени бурных социальных перемен, активного развития марксистской мысли и интенсивного влияния итальянского идеализма. Особое место в философском контексте эпохи занимал Б. Кроче, чей идеализм базировался на понимании истории как развития духа и свободы [7, с. 78]. Этот подход подчеркивал субъективный, духовный аспект исторического процесса и существенно контрастировал с механистическим экономическим детерминизмом, распространённым в «традиционном» вульгарном марксизме в Италии [17, p. 84].

Грамши познакомился с марксизмом, в том числе, через призму ленинизма, который ставил акцент на роли классовой борьбы и политики. Однако уже в ранних работах он демонстрировал склонность к расширению классических марксистских категорий, акцентируя внимание на культуре и сознании как самостоятельных факторах исторического процесса [16, p. 219].

Как отмечает Д. Форгакс, Грамши стал «мостом» между марксизмом и итальянским идеализмом, интегрируя оба направления для создания нового подхода к истории и политике [12, p. 99]. При этом его мысль сохранила диалектическую основу, что подчёркивает П. Томас: «Грамши – не идеалист, он марксист, стремящийся расширить теоретическую палитру марксизма за счёт идеалистических концептов» [24, p. 108].

Влияние Б. Кроче на Грамши было глубоким и многогранным. Кроче утверждал, что философия есть наука о свободе духа, а история – это последовательное выражение этой свободы в конкретных формах культуры и морали [9, p. 103]. Он отрицал возможность объяснения исторического процесса исключительно экономическими или материалистическими категориями, подчёркивая роль субъекта и моральных идей. Помимо Кроче, на Грамши оказал влияние и другой итальянский идеалист – Дж. Джентиле [5, с. 10]. От него молодой Грамши воспринял волюнтаризм и взгляд на историю как на процесс, существующий лишь в акте ее осмысления [17, p. 84]. Отсюда следовал его резкий антифатализм: история творится сознательной волей людей, а не является предопределенным природным процессом [18, p. 102]. Сближение с марксизмом произошло именно на почве критики «позитивистского фатализма», в марксизме Грамши увидел не догму, а «философию истории», которая синтезирует волюнтаристский импульс идеализма с материальным анализом общественных отношений [18, p. 223–224].

В этот период Грамши считал, что происходило развенчивание научного мифа об историческом процессе как о фаталистическом ряде закономерностей и природной эволюции [5, с. 11]. Но А. Грамши чувствовал, что теперь пролетариат обновился, и в идейной сфере основой исторического прогресса и действия стала «воля человека» [17, p. 85]. Грамши писал о том, что необходимо обратиться к «истинному» пониманию Маркса, то есть к интерпретации человека и его средства труда как исторически единого [17, p. 154]. Важную роль в этом сыграла критика вульгарного экономического детерминизма, воспринятая им от основателя итальянского марксизма А. Лабриолы [17, p. 163].

Таким образом, на раннем этапе Грамши считал идеализм Кроче и марксизм взаимодополняющими [17, p. 257]. Исторический материализм становился для него инструментом анализа, а не фаталистическим пророчеством. Впоследствии в «Тюремных тетрадях» он будет отмечать, что сознание – не отражение, а активный творческий процесс, в котором человек создает историю [2, с. 216]. Таким образом, он принимает идеалистическую идею о роли субъекта, но сохраняет диалектическую связь с материальными условиями. Подобный синтез позволил Грамши критически пересмотреть марксистскую теорию, избежав экономического детерминизма и механистических моделей.

Зрелая историческая концепция

Основой исторической концепции Грамши оставался марксизм, однако он ясно выражал критическую позицию по отношению к упрощённому экономическому детерминизму. Он писал о том, что экономика является базой, но надстройка автономна, она взаимодействует с базой, а не только пассивно отражает её [13, p. 265]. Это положение с одной стороны поддерживает классический исторический материализм, а с другой – вводит в него элементы культурного и идеологического анализа.

Так, Отечественный исследователь М. Н. Грецкий подчеркивает, что Грамши, безусловно, принадлежит к марксистской традиции, но отвергает его вульгарно-детерминистские трактовки [1]. Для Грамши история – не предопределенный экономикой процесс, а «свободное развитие», где воля и сознание людей играют ключевую роль, а свобода для него – не утопия, а результат исторической борьбы за создание социальных институтов [1]. Таким образом, Грамши стремился постичь историю как единство необходимости и свободы, где люди – не марионетки «абсолютного духа» (по Гегелю) или «скрытого бога» экономики (вульгарный марксизм) [1].

В. С. Гринько доказывает, что в решении основного вопроса философии Грамши остается на материалистических позициях, принимая марксистскую концепцию реального гуманизма [3]. Гринько отмечает, что в марксизме Грамши усматривал диалектическое соединение понятий «воля» и «историческая необходимость», что открывало человеку возможность осознанного влияния на историю [3].

Итальянский исследователь Р. Финелли указывает на принципиальный сдвиг, который Грамши совершает в «Тюремных тетрадях»: он создает «философию практики» – термин, обозначающий не просто смену названия, а переосмысление исторического материализма [11]. Акцент смещается с чередования способов производства на создание и уничтожение коллективных субъектов, способных достичь гегемонии и управлять обществом. Использование этих категорий, по мнению Финелли, неоспоримо делает Грамши последователем марксистской линии [11].

Сторонником идеалистической интерпретации является Р. Орфеи, который видит в концепции Грамши доминирующие черты идеализма [22, p. 50]. Его работа ценна методологическим призывом: рассмотреть исторические взгляды Грамши вне

идеологической рамки «марксизм и идеализм». Орфеи предлагает увидеть в нем, прежде всего, философа истории, стремящегося понять смысл жизни и борьбы, а не только теоретика научно-практического действия [22, p. 50].

Понятие гегемонии

Н. Боббио подчёркивает, что теория гегемонии у Грамши – это ключ к пониманию диалектики базы и надстройки, оно раскрывает механизм культурного и идеологического влияния в классовой борьбе [8, p. 7]. В его понимании гегемония – это не только власть экономических отношений, но и моральное и интеллектуальное руководство, основанное на согласии, а не принуждении. В этом контексте концепция Грамши служит инструментом для понимания сложных взаимосвязей между экономикой, политикой и культурой, что также расширяет марксистский анализ.

Г. Лигуори указывает, что философия практики у Грамши – это соединение материального и идеального, в котором человек как субъект осуществляет творческое преобразование действительности [21, p. 6]. Сознание здесь не пассивно, а активно формирует исторические процессы, что отражает влияние как идеализма, так и диалектического материализма. Грамши представляет сознание не как отражение, а как практический акт, который воздействует на структуру общества [20, p. 15]. Это позволяет взглянуть на марксизм с новой перспективы, учитывая культурный и субъективный фактор. Термин «гегемония» у Грамши обозначает форму культурного и идеологического доминирования, при котором господствующий класс устанавливает моральное и интеллектуальное руководство обществом [6, с. 4; 17]. Это сложный процесс создания согласия, обеспечивающего стабильность власти и в связи с ней – хода истории.

Можно сказать, что Грамши развивает понятие гегемонии для объяснения, как одна группа способна мобилизовать согласие через культурные практики и политические институты. Это становится ключом к пониманию современных исторических, политических и культурных процессов. Понятие гегемонии у Грамши выступает ключевой категорией, раскрывающей способы установления и поддержания господства не только через прямую политическую власть, но и через культурно-идеологическое лидерство. Грамши писал, что «гегемония – это не просто власть экономического базиса, а моральное и интеллектуальное руководство, которое закрепляется через согласие» [15, p. 1759].

Он связывает гегемонию с понятием «организации согласия», подчеркивая, что классовая борьба происходит в сфере идеологии и культуры, где господствующий класс формирует моральные нормы и культурные практики, принимаемые обществом как естественные [12, p. 112].

По сути, грамшианское понятие гегемонии вывело итальянский марксизм за пределы экономического детерминизма, открывая анализ культуры и идеологии как самостоятельных полей борьбы. Холл обращает внимание, что «гегемония в понимании Грамши – это не монолитное доминирование, а постоянно оспариваемое

и пересматриваемое культурное руководство» [19, p. 25]. Это показывает динамичность исторического процесса и важность сопротивления в рамках историко-культурной практики.

Одним из ключевых вкладов Грамши в историческую теорию является понятие пассивной революции. Этот термин он использует для обозначения особого типа исторических изменений, при которых власть трансформируется без активного участия масс и революционной мобилизации. В отличие от классической революции, пассивная революция – это постепенный и «вертикальный» процесс, где господствующие классы сохраняют контроль над обществом в новых исторических условиях. Они являются переходными эпохами, кризисами истории. «Пассивная революция» представляется типично европейским феноменом, реакцией на две революции – французскую и русскую, героями которых были современные европейские государства и фашизм. Они являются переходными эпохами, кризисами, в период которых «старое умирает, а новое еще не может родиться» [25, p. 372]. Эта концепция раскрывает тонкости историко-политических и культурных процессов, сопровождающих трансформацию обществ.

Боббио отмечает, что «пассивная революция» у Грамши – это механизм, позволяющий буржуазии перенастроить свою гегемонию, используя идеологические и институциональные инструменты» [8, p. 34]. Такой подход расширяет традиционный марксистский анализ, в котором акцентировался скорее экономический переворот. Грамши придавал особое значение роли интеллигенции в борьбе за гегемонию. Он делил интеллигенцию на традиционную и органическую, подчеркивая, что последняя играет ключевую роль в создании и поддержании культурного лидерства [14, p. 355].

Как считал Томас, органическая интеллигенция – это субъекты, связанные с классом, способные формировать его мировоззрение и идеологию [24, p. 112]. Таким образом, интеллигенция становится инструментом политической борьбы в культурной сфере, определяющей ход истории.

Вообще, Грамши рассматривал культуру не как надстройку, пассивно зависящую от экономики, а как поле активной борьбы и создания новых форм сознания. По Грамши именно в культуре формируются новые идеи, ценности и нормы. Он писал о том, что культура – это арена борьбы за гегемонию, где рождаются идеи, которые обеспечивают или подрывают власть [23].

Интеллигенция, медиа, образовательные учреждения – все эти институты формируют культурные коды, через которые распространяется идеология господствующего класса [24, p. 135]. В свою очередь, это расширяет марксистскую критику, позволяя изучать идеологические процессы на более глубоком уровне.

Диалектика база – надстройка у Грамши – это процесс взаимодействия, в котором надстройка может оказывать существенное влияние на развитие экономических отношений. Такая позиция позволяет избежать экономического детерминизма и раскрыть сложность социальных процессов [4, с. 82].

Теоретические идеи Грамши продолжают оказывать влияние на современные исследования политики, культуры и истории. Его анализ гегемонии, пассивной революции и философии практики используют для изучения процессов глобализации, национализма и культурных трансформаций. Грамши – один из немногих марксистов, кто предложил комплексную теорию, актуальную и сегодня.

Современные исследователи используют идеи Грамши для анализа исторических, политических и социальных процессов в эпоху глобализации. Его концепция гегемонии помогает понять, каким образом мировая капиталистическая система поддерживает свое господство через культурные механизмы, а пассивная революция объясняет трансформации, происходящие без революционных конфликтов [12, p. 276].

Лигуори указывает, что «философия практики Грамши актуальна для истории современных социальных движений, которые стремятся изменить не только экономическую, но и культурную базу общества» [20, p. 6–7].

Возникает вопрос: кем все-таки был Грамши – идеалистом или марксистом? Ответ сложен и многогранен. С одной стороны, он черпал вдохновение из итальянского идеализма, особенно у Кроче, принимая важность сознания, духа и свободы в истории. С другой – Грамши оставался твёрдым марксистом, подчёркивая значение материальных условий, классовой борьбы и экономической базы. Его уникальный вклад состоит в том, что он не противопоставлял идеализм и материализм, а синтезировал их, развивая философию практики, где сознание и материя находятся во взаимном диалоге и действии.

Таким образом, Грамши – марксист, который расширил традиционную теорию, интегрируя идеалистические мотивы, чтобы создать более богатый и диалектический подход к истории и культуре. Он является связующим звеном между двумя философскими традициями и открывает новые горизонты для понимания исторических процессов. Грамши – марксист нового типа, для которого философия и история – не абстракции, а живые инструменты борьбы за социальные перемены.

Список использованных источников и литературы

1. Грецкий М. Н. Антонио Грамши // Альтернативы. 1995. № 3. С. 139–157. Цит. по: Грецкий М. Н. Антонио Грамши. Альтернативы. 1995. Режим доступа: http://libelli.ru/magazine/95_3/5_1.htm?ysclid=l6de5r9b3l829669977 (дата обращения: 10.10.2025).

Grezky

2. Григорьева И. В. Исторические взгляды Антонио Грамши. М.: Ленанд, 2021. 304 с.

Grigorieva I. V. Istoricheskie vzgliadi Antonio Gramsci. M.: Lenand, 2021. 304 s.

3. Гринько В. С. Проблема человека в работах Антонио Грамши // Философские науки. 1983. №2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://aleksandr-kommari.narod.ru/grinjko_gramshi.htm (дата обращения 10.01.2023).

Grin'ko V. S. Problema cheloveka v rabotakh Antonio Gramshi // Filosofskie nauki. 1983. №2. [Elektronniy resurs]. Rezhim dostupa: http://aleksandr-kommari.narod.ru/grinjko_gramshi.htm (data obrashcheniya 10.01.2023).

4. Дымчак, Д. И. Гегемония как ключевое понятие политической философии Антонио Грамши // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2019. № 4. С. 78–85.

Dymchak, D. I. Gegemoniya kak klyuchevoe ponyatie politicheskoj filosofii Antonio Gramshi // Vestnik

Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. 2019. № 4. S. 78–85.

5. Коскова А. С. Исторические идеи Антонио Грамши в ранних произведениях // Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история. Сборник статей по материалам XXXVI международной научно-практической конференции. 2020. № 7(28). С. 7–13.

Koskova A. S. Istoricheskie idei Antonio Gramshi v rannikh proizvedeniyakh // Obshchestvennye nauki v sovremennom mire: politologiya, sociologiya, filosofiya, istoriya. Sbornik statej po materialam XXXVI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2020. № 7(28). S. 7–13.

6. Кранк И. И. Культурфилософская концепция Антонио Грамши: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13. Ростов-на-Дону, 2012. 34 с.

Krank I. I. Kulturfilosofskaya konzepzia Antonio Gramsci: avoreferat.dis... cand. philosoph. Nauk: 09.00.13. Rostov-na-Donu, 2012. 34 s.

7. Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 192 с.

Croce B. Teoria i istoria istoriografii. M.: Shkola Yaziki russkoy kultury, 1998. 192 s.

8. Bobbio N. Gramsci e la concezione della società civile. Milano: Feltrinelli Editore, 1976. 61 p.

9. Croce B. Conversazioni critiche. Bari: Laterza, 1951. 175 p.

10. Croce B. Materialismo storico ed economia marxistica. Bari: Laterza, 1927. 276 p.

11. Finelli R. Antonio Gramsci. La rifondazione di un marxismo senza corpo // Consecutio Rerum. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consecutio.org/2011/05/antonio-gramsci-la-rifondazione-di-un-marxismo-senza-corpo/ (дата обращения: 10.10.2023).

12. Forgacs D. The Gramsci Reader: Selected Writings 1916–1935. New York: New York University Press, 2000. 447 p.

13. Gramsci A. Lettere dal carcere 1926–1937. Palermo: Sellerio, 1996. 266 p.

14. Gramsci A. Quaderni del carcere. Edizione critica dell'Istituto Gramsci // A cura di V. Gerratana. Torino: Einaudi, 2014. 1 v. 682 p.

15. Gramsci A. Quaderni del carcere. Edizione critica dell'Istituto Gramsci / A cura di V. Gerratana. Torino: Einaudi, 2014. 3 v. 2362 p.

16. Gramsci A. Scritti giovanili 1914–1918. Torino: Einaudi, 1975. 392 p.

17. Gramsci A. Scritti 1915–1921. Nuovi contributi. Milano: I quaderni del II corpo, 1968. 198 p.

18. Gramsci A. Socialismo e fascismo. Torino, 1972. 11 v. P. 102.

19. Hall S. Gramsci's Relevance for the Study of Race and Ethnicity //Journal of Communication Inquiry, 1986. P. 5–27.

20. Liguori G. Da Bordiga a Gramsci // IGS. №1. 2021. P. 11–20. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://igsarchive.org/wp-content/uploads/2021/01/2021-01-15_60016fca4511c_G.Liguori DABORDIGAAGRAMSCICriticaMarxista2021n.1-2.pdf.

21. Liguori G. Gramsci conteso. Interpretazioni, dibattiti e polemiche. Roma: Editori Riuniti, 2012. 176 p.

22. Orfei R. Antonio Gramsci: coscienza critica del marxismo. – San Casciano, 1965. – 253 p.

23. Sofi M. La nozione di «egemonia» in Antonio Gramsci: premesse e sviluppi. 2018. 40 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.matteosofi.it/prima%20tesina.pdf (дата обращения: 05.07.2025).

24. Thomas D. P. The Gramscian moment: philosophy, hegemony and Marxism. Leiden; Boston: Brill, 2009. 478 p.

25. Vacca G. Dal materialismo storico alla filosofia della praxis // International Gramsci Journal. vol. 2 n.1. 2016. P. 358–377.

Rusinova A. S. Historical Views of Antonio Gramsci: the Influence of Idealism and Materialism

The article examines the formation of Antonio Gramsci's historical conception within the context of the dialectical synthesis of two early 20th-century intellectual traditions – Italian idealism (B. Croce, G. Gentile) and classical Marxism. The central focus of the analysis is Gramsci's overcoming of economic determinism through the development of a «philosophy of praxis», in which the materialist understanding of history is

enriched by an idealist emphasis on the active role of consciousness, culture, and intellectuals. Using the method of historical-philosophical reconstruction, the author traces the evolution of Gramsci's views – from his early fascination with idealism and critique of positivist fatalism to his mature theory of hegemony and «passive revolution» in the Prison Notebooks. It is argued that Gramscian categories constitute a coherent toolkit for analyzing long-term historical processes, where the struggle for cultural dominance is a key mechanism of social change. The study contributes to historiography by clarifying Gramsci's place as a thinker who combined a materialist analysis of structures with an idealist understanding of the subjective factor in history.

Keywords: Antonio Gramsci, idealism, materialism, Marxism, hegemony, philosophy of praxis.

УДК 94(47).084.1

DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18679233

УЧАСТИЕ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА В ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: КАРАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПОЛКОВНИКА А. П. КУТЕПОВА 27 ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА

Савинов В. Ю.

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева
г. Орел, Российская Федерация
E-mail: savinovviju@mail.ru

Представлен анализ эпизода Февральской революции, связанного с попыткой полковника лейб-гвардии Преображенского полка А. П. Кутепова усмирить восставший Петроград силами сводного отряда. Несмотря на революционный хаос, верные присяге части пытались восстановить порядок в столице, но экспедиция Кутепова провалилась из-за стечения многих факторов, а именно: нерешительность действий командования Петроградского гарнизона и лично генерала С. С. Хабалова, солдаты гарнизона не хотели повторения событий 1905 года, жесткие действия отряда Кутепова. Последствия провала экспедиции можно проследить и в последующие месяцы, в том числе в деятельности солдатских комитетов, призывавших линчевать Кутепова за проведение провалившейся экспедиции. Представлен контекст происходивших событий, особенно касательно роли лейб-гвардии в революционных событиях. Восстановленная в некоторых случаях по часам хронология событий позволяет взглянуть под другим углом на события революции, увидеть их с точки зрения преданного долгу и присяге офицера на основе воспоминаний очевидцев и сохранившихся архивных документов. В исследовании представлены различные точки зрения на трагические события февраля 1917 года для большей объективности.

Ключевые слова: Февральская революция, А. П. Кутепов, лейб-гвардия, Преображенский полк, Петровская бригада.

Февральская революция: основные сведения.

Февральская революция (23 февраля – 3 марта 1917 г. по старому стилю) – комплекс революционных событий, в ходе которых в стране был смещен монархический режим и установлен республиканский строй. Касательно их причин существует множество позиций, но, по мнению автора, к революции привела совокупность факторов – от экономических и социальных до военных и политических.

В данном исследовании изучается конкретный период – 27 февраля 1917 года по старому стилю. Ключевыми источниками для исследования стали архивные документы и мемуары непосредственных участников событий, в том числе самого Кутепова, о котором следует сказать отдельно.

А. П. Кутепов: краткая биография и личность.

Александр Павлович Кутепов (16.09.1882–?/26.01.1930) – родился в семье личного дворянина Константина Матвеевича и Ольги Андреевны Тимофеевых [2,

л. 3]. После смерти отца, его (вместе с братьями Борисом, Сергеем и Андреем) усыновил надворный советник, чиновник по крестьянским делам 2 участка Шенкурского уезда Павел Александрович Кутепов. Обучался в Архангельской классической гимназии [3, л. 41–41об.] и Санкт-Петербургское юнкерское пехотное училище. Воевал в русско-японской войне, участвовал в Шахэйском и Мукденском сражениях. За боевые отличия 15 декабря 1907 года [8, л. 3] переведен в лейб-гвардии Преображенский полк. Прошел вместе с полком все тяжелейшие бои Первой мировой войны; командовал ротой, батальоном, а в 1917 году – самим полком. За все время службы не был ни разу не подвергался наказаниям [10, л. 14]. Один из ключевых военных лидеров Белого движения. В эмиграции – один из организаторов и руководителей Русского общевойскового союза (РОВС). В 1930 году был захвачен советскими спецслужбами, и дальнейшая его судьба хоть официально и неизвестна, но предполагается, что он был убит при попытке захвата и тайно похоронен в неизвестном месте.

За боевые отличия отмечен орденом Св. Георгия Победоносца 4-й степени, Георгиевским оружием, орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами, орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», медалью светло-бронзовой в память Русско-Японской войны, медалью в память 200-летия Полтавской битвы, медалью в память 100-летия Отечественной войны, Высочайшим благоволением, Шведским королевским Кавалерийским орденом Меча 2 класса, Прусским орденом Короны с мечами 4 класса, орденом Румынской короны степени офицерского креста, Черногорским орденом князя Даниила I 4 степени, серебряной французской медалью за участие в Высочайшем смотре в присутствии Президента Французской республики, полковым нагрудным знаком [9, л. 2].

О Кутепове, его характере и значении для сослуживцев в годы войны очень точно вспоминал его адъютант В. В. Дейтрих:

«Кутепов, вступив в войну (для него уже вторую) с репутацией блестящего строевика, точно окунулся в родную стихию и сразу завоевал себе репутацию боевого офицера, уже выдающегося во всех отношениях, выдающегося даже среди тех, кто почитаться таковыми могли сами. Мы, младшие офицеры, верили слову Кутепова. Молодость хотя и склонна к зубоскальству, но, как никто, поддается обаянию отваги. Храбрый офицер – в сущности, тавтология. Кто не храбр, тот не может, не вправе быть офицером. Храбростью проявляется благородная сторона человеческой натуры… Кутепов был храбр той волевой храбростью, которая, сознательно преодолев страх смерти, уже не имеет далее задерживающих рубежей, кроме велений разума. Мы, стараясь изо всех сил быть храбрыми, все-таки сознавали, что Кутепов храбрее нас. Этим объяснялось то влияние, которое он как начальник имел над нами в бою» [12, с. 219–220].

В 1917 год Кутепов вступил в должности временно исполняющего обязанности полком в связи с отпуском командира генерал-майора Дрентельна. Обстановка была относительно спокойной (все ожидали весны), но Кутепов не мог уехать в отпуск.

Только после возвращения командира он уехал в Петроград, куда прибыл в двадцатых числах февраля и остановился у сестер на Васильевском острове.

Петроград перед революцией. Настроения в лейб-гвардии запасных батальонах

Предреволюционный Петроград ужаснул боевого офицера «тем нервным настроением, которое царило там тогда – на вокзалах, в Гостином дворе, в Пассаже можно было видеть солдат в караульной амуниции, по улицам ходили толпы рабочих, каждый день происходили манифестации» [15, с. 159].

26 февраля была демонстрация, в ходе которой рабочие двинулись к Таврическому дворцу – месту заседания Государственной Думы. На Знаменской площади произошла демонстрация с красными флагами, которая была прекращена учебной командой лейб-гвардии Волынского полка, разогнавшей толпу залповым огнем и убившей как минимум 11 человек. Это стало для волынцев ударом – они невольно вспомнили события «кровавого воскресенья» 1905 года [16, с. 16].

Дни перед началом революции также описывал и начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев: «настроение войск в эти дни было уже колеблющееся. Пехотные заставы, расположенные на главных улицах, позволяли толпе рабочих подходить к себе вплотную, вступали с ними в разговоры и пропускали их сквозь свой строй. Кавалерийские разъезды разрешали рабочим оглаживать и кормить лошадей и товарищески с ними беседовали… Некоторые войсковые части уже в эти дни переходили на сторону демонстрантов… казачья сотня, находившаяся на Знаменской площади, не позволила отряду конной полиции рассеять толпу, а один из казаков этой сотни зарубил шашкой местного полицейского пристава, пытавшегося отобрать красный флаг у демонстрантов» [11, с. 90].

Участие других запасных батальонов лейб-гвардии в Февральской революции

26 февраля в 15.00 восстала рота лейб-павловцев, которые также участвовали в подавлении демонстрации, как и волынцы. К. И. Глобачев отмечал, что уже тогда было видно признаки будущего бунта, т.к. «солдаты лейб-гвардии Павловского полка отказались исполнить приказание своего командира батальона и нанесли ему смертельные поранения на Конюшенной площади. Зачинщики были арестованы и преданы военно-полевому суду» [11, с. 90].

Факт силового подавления демонстрации возмутил солдат, и с криками: «ни за что мы не примем народную кровь на белые павловские петлицы!» [17, с. 4] они попытались восстать, но из-за отсутствия поддержки были быстро окружены и реакционные силы арестовали 19 зачинщиков.

27 февраля в 7.00 учебная команда лейб-волынцев, подавившая демонстрацию в предыдущий день, выстроилась на плацу. Но уже в 6 утра волынцы были на ногах, взводные обсудили с солдатами дальнейшие действия. Все постановили после произошедшей накануне трагедии, что более не будут стрелять по своим. Тем самым начинается восстание.

Одним из ключевых лидеров восстания стал старший унтер-офицер лейб-гвардии Волынского полка Тимофей Иванович Кирпичников. Солдаты отказались выполнить приказ о разгоне назревающей демонстрации, и в ходе спора был застрелен начальник учебной команды штабс-капитан Машкевич. Офицеры полка разбежались. Вероятно, осознавая, что теперь нет пути назад, многие колебавшиеся волынцы присоединились к ядру восстания и пошли к своим товарищам из других запасных батальонов. Солдаты лейб-гвардии Литовского и Саперного полков, не желавшие проливать кровь мирных граждан, присоединились к восстанию. В лейб-гвардии Павловском полку был тяжело ранен командир запасного батальона полковник Экстен и ранен прапорщик Ридигер [4, л. 11].

Обстановку описывал и А. Ф. Керенский:

«Один за другим полки покидали казармы без офицеров. Солдаты многих арестовали, некоторых убили. Другие скрылись, бросив свои части, как только почувствовали враждебное агрессивное настроение людей. Горожане братались с солдатами. Рабочие с окраин, из пригородов толпами вливались в центр города, прислушиваясь к беспорядочной пулеметной стрельбе в некоторых кварталах. Нам уже было известно о стычках с полицией. Пулеметчики стреляли в демонстрантов с крыш и колоколен. Казалось, мятежные толпы, заполонившие улицы, не имели никакой конкретной цели» [14, с. 17].

Лейб-гвардии Преображенского полка запасной батальон 27 февраля 1917 года.

Восставших поддержал и Преображенский полк. По воспоминаниям вольноопределяющегося запасного батальона Преображенского полка Ивана Лукаша, события происходили так:

«27 февраля… в 8 часов утра, как всегда, на дворе началось строевое учение… вдруг со стороны волынцев… послышались беспорядочные выстрелы и глухие раскаты «ура»… строевое учение смешалось» [18, с. 6].

Волынцы кричали преображенцам, чтобы те присоединялись к ним. Но криков не услышали, поэтому волынцы сделали несколько выстрелов в воздух. Испуганные преображенцы бросились в казармы, где начали решать – что делать дальше. Толпа волынцев к тому моменту уже подошла к воротам казарм. Какова была реакция преображенцев, так же вспоминал Лукаш:

«Поняли тогда преображенцы. Из всех окон махали они волынцам шапками, призывали их восторженными «ура». Волынцы заполнили двор. К ним, как лавина, бежали из казарм, звякая винтовками, преображенцы… солдаты приветствовали друг друга выстрелами в воздух… Первой, вышедшей на зов Свободы ротой была 2-я рота Таврических казарм, которая вся сплошь состоит из боевых солдат, уже отдавших немало своей крови за народ на полях сражений» [18, с. 7]. Последней вышла 4-я рота, которую выводил фельдфебель Воронов.

Восставшие солдаты на улицы вышли около 9 утра и далее двинулись с Кирочной улицы на Литейный проспект, где толпа вышла к зданиям жандармерии, окружного суда и арсенала. Поскольку за Литейным мостом началась пулеметная стрельба, туда тоже выдвинулись восставшие. К 15.00 силами бунтовщиков

(включавших в себя большинство лейб-гвардейских полков) было разгромлено полицейское управление.

Дальнейшие события в связи со смешением революционно настроенных сил не могут быть восприняты однозначно в вопросе наличия там преображенцев, т.к. они де-факто смешались с толпой.

Однако Керенский указывал [13, с. 23], что в 11.00 утра солдаты Преображенского и Волынского полков отправились вместе с другими восставшими арестовывать министра внутренних дел Протопопова, но ему удалось скрыться.

К вопросу о насильственном характере перехода преображенцев на сторону революции. Мнение участников событий.

27 февраля в девятом часу поручик Макшеев позвонил Кутепову и попросил срочно приехать в казармы на Миллионной улице. Кутепов спешно прибыл, где его ввели в курс дела, рассказав о восстании волынцев и преображенцев. При этом никто не верил, что преображенцы в Таврических казармах присоединились добровольно к восставшим; как говорил Макшеев: «взбунтовавшиеся волынцы ворвались в казармы нашей нестроевой роты, заставили присоединиться к себе солдат Л.-гв. Преображенского запасного полка». При этом, у них не возникло диссонанса, несмотря на гибель заведующего полковой шквальней полковника Богданова: когда он хотел выгнать волынцев со двора, то там же был ими убит. Т.е., по мнению Кутепова и преданных офицеров, преображенцев **заставили** перейти на сторону революции. Того же мнения придерживался и начальник Петроградской охранки Глобачев [11, с. 93]. Однако А. Ф. Керенский указывал, что М. В. Родзянко (председатель Думы) писал императору Николаю II о продолжающихся беспорядках в столице, «восстании Волынского полка, возмущении батальона гвардейских саперов, готовности Преображенского полка тоже выйти из казарм» [18, с. 13].

Здесь можно увидеть важный момент. Боевые офицеры и руководители даже представить не могли такой ситуации, где их сослуживцы по старейшему и наиболее титулованному полку российской императорской армии могли бы добровольно отринуть присягу и вступить в корпус революционных сил, при этом (как выяснилось впоследствии) даже убив некоторых офицеров. Их сознание отказывалось верить в это, даже несмотря на то, что запасные батальоны полка были по своему социальному составу совершенно отличными от того «поколения» солдат и офицеров, с которыми Кутепов служил на фронте.

В связи с этим мнение о насильственном характере присоединения полка к восстанию следует подвергнуть сомнениям, особенно учитывая, что эта информация прошла через несколько человек и вероятно была уже искажена. Однако нельзя исключать фактор серьезного психологического воздействия на необстрелянных преображенцев со стороны уже восставших волынцев.

Преображенцы у Зимнего дворца 27 февраля 1917 года

Иная ситуация была в казармах на Миллионной улице. Офицеры и солдаты объединились и выступили на площадь Зимнего дворца к 11.00 в количестве 1500

человек [18, с. 13]. Офицеры, реквизировав машину биржевого маклера, объезжали гвардейские казармы, призывая всех выйти к Дворцу. Позиция была простая: «ничем не препятствовать революции, но внести порядок в ея метущийся поток, но избегать кровопролития и собраться на площади, чтобы оттуда, как организованной силе, предъявить требования народа правительства» [18, с. 13]. После 15.00 восставшие заняли Зимний дворец. К 17.00 преображенцы и гвардейский экипаж покинули дворец и вернулись в казармы.

В 20.00 офицеры собрались с командиром в Офицерском собрании рядом с бильярдной. Вскоре решение преображенцев объявляет адъютант запасного батальона поручик Макшеев:

«Преображенский батальон, весь, со всеми офицерами, решил присоединиться ко Временному Правительству и признать его власть» [18, с. 17]. Всех охватил «восторженный подъем», и «во всех командах, во всех ротах катилось могучее «ура». Стекла огромных окон сотрясались точно во время канонады. Такого энтузиазма никогда еще не было в старинных красных казармах на Миллионной» [18, с. 18].

Лукаш И. С. как источник информации

Здесь следует отметить, что Лукаш как источник абсолютно надежным считаться не может, т.к. неоднократно был замечен в фальсификации фактов. Так, он пишет, что преображенские офицеры участвовали в убийстве Распутина, что, разумеется, не соответствует действительности. Единственным гвардейским офицером (из воспоминаний участников преступления) был поручик лейб-гвардии 1-го стрелкового Его Величества полка С. М. Сухотин.

Таким образом Лукаш пытался придать большей значимости полку, а в контексте революционных событий «подтасовывал» факты. Указывая, что было восстание в Преображенском полку в годы Первой русской революции он умалчивает о роли капитана Мансурова и его подразделения, непосредственно участвовавших в расстреле мирной демонстрации 9 января 1905 года.

Однако его недаром называют «летописцем Февральской революции». Краткие брошюры, посвященные участию лейб-гвардии в революционных событиях, являются бесценным источником информации, поскольку за политизированными и восторженными речами скрываются факты, хронология и география событий. При этом Лукаш непосредственно участвовал в событиях Февраля и писал эти брошюры меньше, чем через месяц после событий, общаясь с участниками. Поэтому его работа, хоть и с известной осторожностью, но может использоваться при изучении участия лейб-гвардии в Февральской революции. Тем более что впоследствии Иван Созонтович охладеет к революции, примкнет к Белой армии и будет в составе галлиполийцев, о чем также оставит мемуары.

Обстановка в Петрограде перед началом карательной экспедиции.

«Начавшиеся с утра в некоторых войсковых частях волнения твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и батальонами. Сейчас не удалось еще подавить бунт, но твердо уверен в скором наступлении спокойствия, для

достижения коего принимаются беспощадные меры. Власти сохраняют полное спокойствие» [5, л. 45].

Так писал военный министр М. А. Беляев 27 февраля 1917 года в 13.15 начальнику Штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексееву о предпринимаемых мерах по борьбе с восстанием. Как видно из документа, министр пытался сохранить видимость контроля над ситуацией, который был уже совершенно потерян.

Обстановка в реальности была критическая: из 160-тысячного гарнизона у генерала Хабалова осталось 2 тысячи человек, которые начальник гарнизона вверил полковнику Кутепову для проведения карательной экспедиции, «а сам совершенно устранился от руководства» [14, с. 1001].

Карательная экспедиция по сведениям историка армии А. А. Керсновского

По данным Керсновского, отряд Кутепова занял Зимний дворец, но вынужден был его покинуть по требованию великого князя Михаила Александровича. Далее отряд переместился в Адмиралтейство, но покинул позицию по требования адмирала Григоровича. Как с горечью указывает историк русской армии, оба руководителя отказали Кутепову из-за опасений за целостность зданий, и по его словам, «это было важнее сохранения монархии» [14, с. 1002]. Как далее пишет Керсновский, отряд, в котором считалось еще 1 100 человек, 12 орудий и 15 пулеметов, явился в Петропавловскую крепость, где военный министр, расплакавшись, приказал отряду разойтись.

Карательная экспедиция по воспоминаниям А. П. Кутепова

Теперь же сравним имеющиеся данные с воспоминаниями самого А. П. Кутепова.

«[27 февраля] По виду Невского проспекта было уже около одиннадцати часов утра, но нельзя было ничего сказать, что что-либо происходит в Петрограде. Городовые стояли на местах, и только народу было меньше, чем обыкновенно» [15, с. 162].

В районе 11.00 отряд Кутепова находился на пересечении Невского и Литейного проспектов. Узнав от Аргутинского-Долгорукого о восстании, он решает идти по маршруту: Литейный – Симеоновская улица – Садовая улица – Марсово поле.

Однако Кутепов прошел дальше Симеоновской улицы и дошел до Артиллерийского переулка, где встретился с командиром Лейб-гвардии Литовского запасного полка, который поведал, что толпу возглавляли «штатские» и солдаты перешли на сторону восставших. Кутепов с огромным трудом из-за творившегося хаоса построил колеблющихся волынцев и литовцев, но из-за настроения разбегающихся солдат, кричавших «нас расстреливают!» и «бей его!» (имея ввиду Кутепова), план провалился.

Подошедшие к этому времени из Царского Села солдаты и офицеры лейб-гвардии 1-го стрелкового Его Величества полка и гвардейского кавалерийского

запасного полка не хотели ничего делать, т.к. лошади и люди не ели и устали от большого перехода.

Взбешенный таким ответом, Кутепов сменил ротмистра кавалеристов одним из поручиков-запасников и приказал двигаться к Марсову полю через цирк Чинизелли. От них Кутепов отправился к кексгольмцам, которые к тому моменту уже разогнали толпу. Каким именно образом – Кутепов говорил лаконично: «открыв огонь» [15, с. 167].

Во время разговора с офицерами в районе Собрания армии и флота по стоявшим кексгольмцам и Кутепову был открыт огонь восставшими со стороны Литейного орудийного завода и с колокольни Сергиевского собора. Солдаты, не бывавшие под огнем, ринулись под ворота и в Собрание. Организовав оборону объекта и перекрыв сектор обстрела пулеметами, Кутепов распорядился отправить раненых в Управление Красного Креста, располагавшееся в доме графа Мусина-Пушкина.

На противодействие толпе, идущей от Марсова поля по Пантелеймоновой улице в сторону Литейного проспекта, была направлена подоспевшая рота лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии запасного полка под командованием штабс-капитана Розенбаха. Их Кутепов расположил на пересечении улиц Пантелеймоновской и Моховой.

В это время на Литейный проспект вылетели автомобили с красными флагами. По приказу Кутепова гвардейцы открыли по ним огонь, и все машины (кроме одной) были брошены и полны убитых. Кутепов приказал всех убитых рабочих перенести в пустой каретный сарай, и он отметил, что «от всех убитых рабочих сильно пахло спиртом» [15, с. 168].

К тому моменту Кутепова нашел «бледный, с оборванным погоном» Розенбах, доложивший, что его полк смешался с толпой, которая пыталась избить офицера и отобрать оружие. Ситуация складывалась критическая, но положение облегчила подоспевшая рота лейб-гвардии Семеновского полка, ведомая прапорщиками Соловьевым и Эссеном 4-м. Вместе с ними подошла и рота лейб-егерей, которую Кутепов расположил у казарм лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады. Сам же полковник вместе с семеновцами вышел на злосчастный угол Пантелеймоновской и Моховой улиц. Увидев, что толпа разбегается, Кутепов приказал в случае ее повторного сбора немедленно открыть огонь по демонстрантам. Здесь же был застрелен перешедший на сторону революции неизвестный офицер кексгольмовец, призывавший сослуживцев прекратить огонь.

Уже смеркалось. Кутепов отправился в дом Мусина-Пушкина к телефону, где выяснил текущую обстановку. В этот момент свершилась катастрофа, которую Кутепов увидел так:

«В момент моего разговора по телефону я увидел, как в подъезд дома, в котором я находился, вбегали солдаты Л.-гв. [лейб-гвардии] Семеновского запасного полка, неся смертельно раненых прапорщиков Соловьева и Эссена 4-го. За ними бежали солдаты Л.-гв. Преображенского зап.п. [запасного полка] – все были с винтовками, и в течение пяти минут весь дом был заполнен вооруженными солдатами, главным

образом, Преображенского и Семеновского запасных полков, среди которых было несколько человек Егерей.

Когда я вышел на улицу, то уже было темно, и весь Литейный проспект был заполнен толпой, которая, хлынув из всех переулков, с криками тушила и разбивала фонари. Среди криков я слышал и свою фамилию, сопровождаемую площадной бранью» [15, с. 169].

В 19.22 Беляев пишет Алексееву, что положение стало весьма серьезным, а военный мятеж силами верных частей погасить не удается – многие части переходят на сторону восставших, бороться с возникшими пожарами сил нет, и необходимо срочное прибытие верных престолу частей [6, л. 49].

Далее Кутепов с горечью говорит:

«Большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может» [15, с. 169]. С этого момента деятельность карательной экспедиции можно считать завершенной абсолютным поражением.

Вопрос различия данных Керсновского и Кутепова. Причины ошибок историка

Сравнивая данные Кутепова с данными Керновского можно сделать вывод, что Антон Антонович, поскольку не был очевидцем событий (он родился в 1905 году и пользовался только теми источниками, которые белоэмигранты смогли вывезти из страны), допустил несколько ошибок.

Кроме того, известный специалист мог основываться на мнении очевидцев Февральской революции, которое за давностью событий (книга писалась в 1933–1938 гг.) оказалось не совсем соответствующим действительности. При этом Керсновский указывает точную численность и вооружение экспедиции, что близко к данным Кутепова.

Итоги и последствия карательной экспедиции

Дальнейшие события были не менее трагичными: не видя выхода, Кутепов решает спасти жизни солдат и приказывает им сложить оружие и патроны на чердак, выходить маленькими группами и пытаться пройти к своим казармам. Сам же он, отказавшись переодеваться в штатское, чудом избежал ареста. Новость о переходе полка на сторону революции он встретил буквально зло, оборвав Макшеева: «Не позорьте имя полка. Я не думаю, что все уже кончено» [15, с. 171]. Кутепов еще пытался навести порядок везде – от собственного полка до Государственной Думы, но все было тщетно. Город, а вслед за ним и страна перешли на сторону революции. В итоге, опасаясь за свою жизнь, Кутепов уехал из Петрограда в 19.00 2 марта на поезде с Николаевского вокзала [15, с. 177]. Так закончилось его пребывание в революционном Петрограде.

Итоги Февральской революции известны. Уже упомянутый командующий войсками Петроградского округа Хабалов писал Алексееву в 20.10, что исполнить повеление о восстановлении порядка невозможно, т.к. большинство частей перешли на сторону мятежников, а остальные даже обратили оружие против верных частей,

которые понесли большие потери. К вечеру в распоряжении Хабалова остались только небольшие части из разных полков, находившиеся у Зимнего дворца под началом генерал-майора Занкевича [7, л. 73–74].

Как вспоминал эсер В. М. Чернов, стрельба была такой ожесточенной, что мостовая была усыпана трупами безоружных людей, в том числе стариков, женщин и детей [19, с. 300]. И не последнюю роль в этой трагедии сыграла карательная экспедиция Кутепова.

Революционно настроенные массы стали более негативно относится к армии и гвардии в первую очередь, а самого Кутепова записали во враги революции. Впоследствии неоднократно направленные уже летом 1917 года Временным правительством на фронт агитаторы и солдатские комитеты пытались сподвигнуть солдат-преображенцев на линчевание своего командира [1, с. 283].

Но все попытки провалились из-за преданности нижних чинов, в первую очередь благодаря преображенцам-фронтовикам, в основной своей массе мало затронутыми революционными прокламациями и веяниями. В критические моменты они были готовы с оружием в руках защищать один из живых символов своего полка. [1, с. 286].

Несмотря на то, что события 27 февраля 1917 года Кутеповым описаны достаточно подробно, он сам не делает выводов относительно провала миссии карательного отряда.

Выводы о причинах провала карательной экспедиции.

Исходя из всего вышеизложенного и из сведений от различных источников (в том числе и по политической принадлежности), можно сделать следующие выводы:

Экспедиция изначально была обречена на провал, но не из-за действий Кутепова, а из-за нерешительности руководства Петрограда и лично генерала Хабалова;

Попытки за счет лейб-гвардии остановить революционно настроенную толпу были, вероятно, жестом отчаяния. В сложившейся обстановке никто из командования, вероятно, не вспомнил события января 1905 года. Но их очень ярко помнили солдаты и офицеры запасных батальонов полков лейб-гвардии, в первую очередь набранных из петроградских рабочих, у многих их которых родственники пострадали или погибли в Первую русскую революцию от рук гвардейцев. Кадровые офицеры также не хотели стрелять по мирным людям. Поскольку это не было учтено, то полки перешли на сторону революции, не желая проливать кровь сограждан;

Сам Кутепов, не умеющий лавировать в сложной социально-политической обстановке, повел себя так, как повел бы себя на его месте любой кадровый военный. Буквально «огнем и мечом» офицер пытался навести порядок на улицах столицы, что сыграло свою роковую роль в отношении революционного Петрограда к силам карательного отряда и лично Кутепову. Вопрос «кто стрелял первым?» так и остается открытым, поскольку все стороны переводили вину за начало стрельбы на противников. Но подтверждается другой факт – отряд Кутепова открыл огонь по

демонстрантам, среди которых были не только провокаторы и военнослужащие с оружием в руках, но и мирные люди, грезившие переменами.

Заключение

Нельзя не отметить, что Преображенский полк сыграл значительную роль в Февральской революции. Но его вклад оказался «в тени» первых трех восставших полков – Волынского, Литовского и Измайловского. Но хочется отметить, что Февральская революция проходила под полковой марш лейб-гвардии Преображенского полка. В этом можно увидеть грустный момент – марш первого полка Российской императорской армии играл в последние дни существования Российской империи. При том что сами преображенцы активно участвовали в революции.

Касательно же основного предмета исследования – карательной экспедиции 27 февраля 1917 года – следует отметить, что она изначально была обречена на провал из-за стратегических ошибок командования, несвоевременности принимаемых решений и совокупности многих рассмотренных в работе факторов, сопровождающих революционные события.

Невозможно возлагать вину за провал на отдельных людей, но немаловажную роль в поражении консервативно настроенных сил следует отнести руководству Петрограда, не сумевшему правильно распределить силы и не считавшемуся с историей подразделений под их началом.

А история, как известно, ошибок не прощает. Вследствие этого во многом и случилась Февральская революция и последующие трагические события одного из тяжелейший годов российской истории – 1917.

Список использованных источников и литературы

1. Андоленко С. П. Преображенцы в Великую и Гражданскую войны, 1914–1920 годы. – СПб.: Славия, 2010. – 409 с.

Andolenko S. P. Preobrazhentsy v Velikuyu i Grazhdanskuyu voiny, 1914–1920 gody. – SPb.: Slaviya, 2010. – 409 s.

2. Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО), ф. 69, оп. 16, д. 83, л. 3.

Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti (dalee – GAAO), f. 69, op. 16, d. 83, l. 3.

3. ГААО. Ф. 1244. Оп. 1. Д. 591. Лл. 41–41 об.

GAAO. F. 1244. Op. 1. D. 591. Ll. 41–41 ob.

4. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1750. Л. 40.

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (dalee – RGVIA). F. 2003. Op. 1. D. 1750. L. 40.

5. РГВИА. Ф. 2003. Оп 1. Д. 1750. Л. 45.

RGVIA. F. 2003. Op 1. D. 1750. L. 45.

6. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1750. Л. 49.

RGVIA. F. 2003. Op. 1. D. 1750. L. 49.

7. РГВИА. Ф. 2003. Оп 1. Д. 1750. Л. 73-74.

RGVIA. F. 2003. Op 1. D. 1750. L. 73-74.

8. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 44501. Послужной список 378–865. Л. 2.

RGVIA. F. 409. Op. 2. D. 44501. Posluzhnoi spisok 378–865. L. 2.

9. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 44501. Послужной список 378–865. Л. 3.

RGVIA. F. 409. Op. 2. D. 44501. Posluzhnoi spisok 378–865. L.3

10. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 44501. Послужной список 378–865. Л. 14.

RGVIA. F. 409. Op. 2. D. 44501. Posluzhnoi spisok 378–865. L. 14.

11. Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. – М.: Директ-Медиа, 2016. – 320 с.

Globachev K. I. Pravda o russkoi revolyutsii: Vospominaniya byvshego nachal'nika Petrogradskogo okhrannogo otdeleniya. – M.: Direkt-Media, 2016. – 320 s.

12. Дейтрих В. В. Преображенского полка последний командир // Генерал Кутепов: Сборник статей. – Париж: Издание комитета имени генерала Кутепова, 1934. – 378 с.

Deitrikh V. V. Preobrazhenskogo polka poslednii komandir // General Kutepov: Sbornik statei. – Parizh: Izdanie komiteta imeni generala Kutepova, 1934. – 378 s.

13. Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2025. – 384 с.

Kerenskii A. F. Russkaya revolyutsiya. 1917. – M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2025. – 384 s.

14. Керсновский А. А. История русской армии. – М.: АСТ. ОГИЗ, 2023. – 1136 с.

Kersnovskii A. A. Istoriya russkoi armii. – M.: AST. OGIZ, 2023. – 1136 s.

15. Кутепов А. П. Первые дни революции в Петрограде // Генерал Кутепов: сб. ст. / [предисл. Е. К. Миллер]. – Париж: издание Комитета имени генерала Кутепова, 1934. – С. 159–179.

Kutepov A. P. Pervye dni revolyutsii v Petrograde // General Kutepov: sbornik statei / [predisl. E. K. Miller]. – Parizh: izdanie Komiteta imeni generala Kutepova, 1934. – S. 159–179.

16. Лукаш И. С. Волынцы. Врем. Ком. Гос. Думы. – СПб.: Освобожденная Россия, 1917. – 28 с.

Lukash I. S. Volyntsy. Vrem. Kom. Gos. Dumy. – SPb.: Osvobozhdennaya Rossiya, 1917. – 28 s.

17. Лукаш И. С. Павловцы. Врем. Ком. Гос. Думы. – СПб.: Освобожденная Россия, 1917. – 32 с.

Lukash I. S. Pavlovtsy. Vrem. Kom. Gos. Dumy. – SPb.: Osvobozhdennaya Rossiya, 1917. – 32 s.

18. Лукаш И. С. Преображенцы. Врем. ком. Гос. Думы. – СПб. : Освобожденная Россия, 1917. 24 с.

Lukash I. S. Preobrazhentsy. Vrem. kom. Gos. Dumy. – SPb. : Osvobozhdennaya Rossiya, 1917. – 24 s.

19. Чернов В. М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания, 1905–1920. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2022. – 430 с.

Chernov V. M. Velikaya russkaya revolyutsiya. Vospominaniya predsedatelya Uchreditel'nogo sobraniya, 1905–1920. – M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2022. – 430 s.

Savinov V. Y. Participation of the life-guards of the Preobrazhensky regiment in the February revolution: the punitive expedition of colonel A. P. Kutepov on february 27, 1917

This article presents an analysis of an episode of the February Revolution related to the attempt of Colonel of the Life Guards of the Preobrazhensky regiment A. P. Kutepov to pacify the rebellious Petrograd by forces of a combined detachment. Despite the revolutionary chaos, units loyal to the oath tried to restore order in the capital, but Kutepov's expedition failed due to a combination of many factors, namely the indecision of the Petrograd garrison command and General S. S. Khabalov personally, the garrison soldiers did not want a repeat of the events of 1905, and the harsh actions of Kutepov's detachment. The consequences of the expedition's failure can be traced in the following months, including in the activities of the soldiers' committees, which called for Kutepov to be lynched for conducting the failed expedition. The context of the events is presented, especially regarding the role of the Life Guards in the revolutionary events. The chronology of events, restored in some cases by the clock, allows us to look at the events of the revolution from a different angle, to see them from the point of view of an officer devoted to duty and oath, based on the memories of eyewitnesses and preserved archival documents. The study presents various points of view on the tragic events of February 1917 for greater objectivity.

Keywords: February Revolution, A. P. Kutepov, Life Guards, Preobrazhensky Regiment, Petrovsky Brigade.

УДК 94(47)+32.019.52+324.8

DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18679284

ПРОЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕЛКОЙ ЗЕМСКОЙ ЕДИНИЦЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.

Сорокин А. А.

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail:skaliger1989@yandex.ru

Выявляются сущности и содержания дискуссий о принципах организации мелкой земской единицы (ее избирательной системы и распорядительных и исполнительных органов) в позднеимперской России. Исследование основано на корпусе трудов ряда российских публицистов конца XIX – начала XX века, материалах деятельности земских собраний и местных комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В статье рассмотрены основные подходы к формированию системы выборов в органы мелкой земской единицы в контексте привлечения более широкого круга лиц к участию в земском самоуправлении, ликвидации обособленного крестьянского управления и создания широкой сети земских учреждений в уездах. Выявлены ключевые составляющие рассмотренных проектов: цензовая избирательная система, возможность использования образовательного и налогового цензов, предоставление избирательных прав женщинам, возможность включения отдельных категорий избирателей в состав гласных без проведения выборов. Также определены принципиально новые для земского избирательного законодательства подходы в ряде проектов: введение пропорциональных выборов, избрание председателей распорядительных органов, запрет на совмещение должностей в исполнительных органах с руководством распорядительного органа.

Ключевые слова: земская избирательная система, земское самоуправление, избирательное право, имущественный ценз, мелкая земская единица, налоговый ценз, образовательный ценз.

Дискуссии о мелкой земской единице к началу XX в. представляли собой важную часть общеимперского дискурса о проблеме реформы земского самоуправления и земской избирательной системы. Этому вопросу в целом посвящен довольно широкий перечень исследований [12; 16; 18; 25; 26; 27]. Вместе с тем принципы организации мелкой земской единицы практически не затронуты в современной историографии. Говоря о рассмотрении отдельных проектов, укажем фактически единственный пример: Т. В. Горловой была проведена попытка изучения предложений Суджанского уездного земства начала XX в., однако при этом в ее работе были даны лишь общие характеристики, без указания конкретных деталей организации группировки избирателей и порядка выборов [4]. В связи с этим наше исследование представляет собой первую попытку обобщения основных подходов к организации мелкой земской единицы и формированию избирательной системы для нее, которые были представлены в земских собраниях, на заседаниях местных комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, а также в работах правоведов, публицистов и представителей бюрократии в период

1890–1906 гг., т.е. от принятия нового Положения о земских учреждениях до начала работы Государственной Думы.

Ираклий Гулисов в 1909 г. на страницах газеты «Закавказье» отмечал, что популярность идеи мелкой земской единицы после принятия Положения 1890 г. была обусловлена тем, что земские управы превратились в «бюрократические канцелярии, в которых находили могилу всякие благие начинания»: «Могикане старого земства, искавшие выход из этой мертвячины, благополучное разрешение этого вопроса нашли в дроблении уезда на мелкие земские единицы с целью приблизить земство к населению, а само население приобщить к управлению земством» [5, с. 3]. По оценкам современного правоведа А. Н. Верещагина, мелкая земская единица была нужна либералам, поскольку позволяла им проводить свое влияние в народные массы и сообщала устойчивость всему земскому зданию [2, с. 129].

Проекты организации устройства возможного нового земского института (мелкой земской единицы во всех формах ее проявления, в том числе и не обязательно с подобным наименованием) стали складываться еще до последовавшего в 1890 г. пересмотра Положения о земских учреждениях. По итогам проведенной в 1880 г. ревизии Воронежской губернии сенатор С. А. Мордвинов считал необходимым осуществить объединение крестьянского управления с земством, чтобы вся местная всесословная администрация (за исключением городов) была вверена лицам, избираемым земскими собраниями на основе лишь образовательного ценза. Уезд он находил слишком крупной единицей и предлагал разделить на земские участки, примерно совпадающими с границами мировых участков. Для упорядочивания самоуправления, по его мнению, следовало обеспечить в таких участках исключительно равное представительство гласных от землевладельцев и от сельских обществ, устранить от участия в выборах всех должностных лиц крестьянского управления (в первую очередь, волостных старшин и писарей, как зависящих от начальства) и ввести утверждение итогов выборов губернским присутствием. Во главе таких участков должны были статьи избираемые земские участковые (при отсутствии выбора назначенные губернатором). Предполагалось, что по правам и функциям они будут схожи с мировыми посредниками и по должности входить в состав уездной земской управы. Также планировалось ввести для всех выборных лиц правило: в случае удаления от должности до окончания срока своих полномочий, должностное выборное лицо на оставшийся срок замещается назначаемым губернатором лицом [24, л. 363об.–364].

Затем в 1900 г. служивший в Кодификационном отделе при Государственном Совете С. А. Шипов-Шульц предлагал организовывать выборы в мелкую земскую единицу от сельских обществ и от частных землевладельцев. Количество избираемых уполномоченных от сельских обществ привязывалось к численности населения (один на каждые 100 душ). Собственники земли в количестве, превышающем 100 душевых наделов, становились гласными без выборов, а менее крупные владельцы могли избрать из своей среды по взаимному соглашению по одному гласному на каждые 100 душевых наделов, принадлежащих им в совокупности [32, с. 57–58].

Проекты организации мелкой земской единицы обсуждались и на заседаниях местных комитетов в ходе работы Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Однако стоит оговориться, что поскольку появление подобных проектов не было продиктовано соответствующими распоряжениями властей по их разработке, то они, как правило, просто принимались к сведению (а в случае одобрения не имели дальнейшего движения в высших инстанциях). При обсуждении в августе 1902 г. доклада земского начальника Д. В. Хотяинцева «О мелкой земской единице» в Арзамасском уездном комитете (Нижегородская губерния) отмечалось, что организация земской единицы будет способствовать объединению земства и народа: «…она только и может представлять разнообразные экономические нужды населения …рисовать Правительству их истинную картину и указывать средства удовлетворения их» [30, с. 172]. Это, по мнению докладчика, совершенно необходимая мера в условиях, когда «ни земство не знает нужд населения, ни население не интересуется деятельностью земства» [30, с. 174]. Сам автор проекта предлагал организовать земскую единицу не по территориальному или приходскому признаку, а по трудовому или экономическому, взяв за основу сельскохозяйственные общества, агрономические союзы, кустарные артели и т.д. Организацию таких единиц предполагалось возложить на уездные земские собрания. Особо подчеркивался всесословный характер проектируемого органа самоуправления. Председатели правлений единиц должны были получить статус гласных уездных земских собраний [30, с. 176, 178].

По проекту, изложенному в докладе члена уездной земской управы М. А. Ширяева Ветлужскому уездному комитету (Костромская губерния), мелкая земская единица (она также в документе именовалась и земской волостью) имела полностью повторяющую систему земских учреждений структуру (волостное собрание и волостная управа). В волостное собрание избранию подлежали крестьяне (на тех же принципах, что и избрание выборных на волостной сход; от каждого селения и общества) и землевладельцы прочих сословий, владеющие землей в данной волости не менее года, имеющие право участия в избирательных собраниях по Положению о земских учреждениях 1890 г. и не занимающие административных и судебных должностей в данном районе (они должны были избирать гласных из своей среды в количестве, не превышающем число выборных от крестьян).

Председатель волостного собрания, согласно проекту, избирался уездным земским собранием из числа гласных уездного земского собрания от данной волости. Укажем также, что волостные гласные участвовали в выборах в гласные уездного земского собрания. Их избрание должно было производиться в двух избирательных собраниях. В первом крестьяне избирали бы из числа волостных гласных по одному (в крупных волостях – по два) гласному в уездное земское собрание. Во втором собрании мелкие и крупные землевладельцы избирали гласных из своей среды по нормам Положения 1890 г. От каждого из собраний в уездные гласные подлежало избранию по 25 человек. При этом необходимый для участия в выборах ценз снижался с 350 до 100 десятин. Срок полномочий и волостных, и уездных гласных должен был составить три года. Волостная управа как коллегиальный

исполнительный орган (председатель и два члена) подлежала избранию волостным собранием сроком на три года [28, с. 288–289].

В Московской губернии наиболее детально проект учреждения мелкой земской единицы был отражен в решениях Звенигородского (он, в свою очередь, принял проект местного уездного земского собрания 1902 г.) и Клинского уездных комитетов, совпадавших почти дословно. Согласно этому проекту, она имела всесословный характер и встраивалась в систему земских учреждений. Организационно она состояла из собрания и избираемого им и подотчетного ему исполнительного органа. Избрание состава собрания предлагалось осуществлять по смешанной системе (по выборам и без). Без выборов в состав собрания входили все лица, имевшие имущественный ценз, необходимый для участия в уездных избирательных собраниях (им предлагалось также дать право делегировать участие в собрании своим арендаторам и управляющим). Все остальные владельцы собственности в размере не менее 1/20 ценза, независимо от сословной принадлежности, избирали из своей среды такое количество гласных, которое было равно сумме их имущественных цензов (если таких мелких собственников было менее трех человек, то они также включались в состав гласных без выборов). Также крестьянскими поземельными общинами в состав собрания избирались гласные в числе, соразмерном количеству общинной недвижимости, но не менее чем по одному представителю от каждого селения. Помимо этого, в состав собрания должен был входить и представитель духовного ведомства в лице одного приходского священника (меньшинство гласных Звенигородского уездного земского собрания считало необходимым включить настоятелей всех приходских церквей, расположенных на территории мелкой земской единицы). Председатель собрания избирался членами собрания из своей среды. Исполнительный орган избирался собранием (председатель собрания не мог одновременно являться исполнительным органом), при этом Звенигородский комитет проектировал его как единоличный (с возможностью избрания помощников), а Клинский комитет – как коллегиальный. Мелкие земские единицы должны были иметь своих выборных представителей в уездных земских собраниях [29, с. 117–118; 7, с. 3–4].

Затем в 1903 г. комиссией московского губернского земства, с учетом уездных предложений, был представлен еще один вариант организации мелкой земской единицы. Сама комиссия возглавлялась губернским предводителем дворянства (впоследствии входившим в группу центра в Государственном Совете) князем П. Н. Трубецким, а в ее состав входили также Е. Д. Артынов, председатель Московской городской думы (будущий октябрист) В. И. Герье, Ф. Е. Клейст, В. Н. Мартынов, председатель Московской уездной земской управы Н. Ф. Рихтер, звенигородский уездный предводитель дворянства и член либерального кружка «Беседа», граф П. С. Шереметев, губернский гласный и бывший редактор «Московских ведомостей» М. П. Щепкин, рузский уездный предводитель дворянства князь П. Д. Долгоруков (ставший затем председателем ЦК кадетской партии) и член губернской земской управы (ставший затем одним из основателей кадетской партии) Ф. Ф. Кокошкин. Проект предполагал наличие цензового избирательного права:

владение недвижимостью определенного размера или доходности (ценности), обложенной земским сбором. Сам размер ценза не указывался, но отмечалось, что он должен быть существенно ниже того, что использовался для выбора уездных гласных. Вводилось также как активное, так и пассивное избирательное право для женщин. Собрание (распорядительный орган) избиралось частными и юридическими лицами, имевшими избирательные права, при этом дополнялось, что в случае, если ввиду небольшого количества частных собственников в мелкой земской единице организовать выборы было бы проблематично, то, по определению уездного земского собрания, распорядительный орган мог быть составлен без выборов из числа всех личных собственников, а также представителей юридических лиц и выборных от сельских общин. Собрание само из своей среды избирало председателя, при этом вводился запрет на совмещение должности председателя с членством или председательством в исполнительном органе (управе). Что касается последнего, то, на усмотрение собрания мелкой земской единицы, он мог быть как в коллегиальной, так и единоличной форме [19, с. 30–31].

Отметим, что предложенная звенигородским и рядом других проектов мера по защите «культурного меньшинства» путем предоставления права быть гласным без выборов при наличии ценза определенного размера эсером Г. И. Шрейдером была подвергнута критике как дискредитирующая сам смысл мелкой земской единицы, особенно в условиях, когда сельские избиратели и без дополнительных привилегий были готовы «выдвинуть вперед лучшие интеллигентные силы деревни»: «Учреждение, вызванное к жизни неотложной необходимостью покончить с разного рода привилегиями и правовым неравенством, начало бы как раз с установления исключительной, небывалой привилегии в пользу небольшой группы населения!» [33, с. 78].

Укажем, что в Клинском уездном комитете имела место быть дискуссия о порядке формирования уездных земств после учреждения мелких земских единиц. Одна часть членов выступала за то, чтобы уездное земское собрание состояло только из выборных от мелких земских единиц, а другая – чтобы такие выборные составляли лишь половину гласных уездного земства (вторая половина избиралась бы, таким образом, от всего уезда). Каждая из сторон аргументировала свою точку зрения. Так, член комитета М. А. Воронков считал, что гласные уездных земств, выбранные только от мелких земских единиц, «будут лучше подготовлены». Председатель уездной земской управы А. А. Аверкиев, напротив, полагал, что «кругозор уезда шире кругозора мелкой единицы, где большинство могут быть только крестьяне» [29, с. 381, 382]. В итоге было принято решение осуществлять выборы в уездные земские собрания мелкими земскими единицами.

Черниговская губернская земская управа предлагала организовать мелкую земскую единицу на базе существовавшего волостного деления (допуская при необходимости объединить две волости) и на принципах всесословности, самообложения и органичной связи с уездным и губернским земствами. Согласно проекту, волостной избирательный съезд избирал требуемое количество уполномоченных из числа как мужчин, так и женщин в волостное избирательное

собрание. Последнее избирало уже волостных гласных сроком на три года, которые из своей среды должны были избрать волостную земскую управу. Число гласных должно было быть связано с количеством десятин земли, приходившихся на территорию волостного земства, причем уездное земское собрание должно было определить количество десятин земли и других имуществ, от которых должен был быть один гласный [21, с. 13].

Рязанскому губернскому земскому собранию в декабре 1903 г. была представлена записка губернского гласного, бывшего председателя губернской земской управы князя Н. С. Волконского (ставшего затем одним из организаторов «Союза 17 октября») о необходимости учреждения мелкой земской единицы на базе действовавшей волостной организации (с возможностью в отдельных случаях образования нового института за счет соединения двух волостей). Предполагалось три учреждения, формируемых путем выборов: общее Собрание волости, Совет волости и волостная управа. Первое должно было состоять из выборных от трех разрядов плательщиков (частных собственников земли, представителей крестьянского надельного землевладения и владельцев иных доходов и недвижимости) в соответствии с отношением их совокупных цензов друг к другу (земельный ценз предлагалось приравнять к 1/10 действовавшего земельного ценза для участия в земских выборах по Положению 1890 г.), причем пассивное избирательное право не привязывалось к тому разряду, члены которого производили выборы. Вместе с тем дворяне, имевшие действовавший полный избирательный ценз, становились членами собрания без выбора. Совет волости представлял собой более компактный по численности орган (от 5 до 15 человек), имевший статус совещательного при управе, члены которого подлежали избранию на общем собрании из кандидатов от каждого из трех разрядов плательщиков (при этом подчеркивалось, что в Совете должны быть члены от каждого из разрядов и указывалось пожелание о представительстве членами разных частей волости). Избранный Советом председатель одновременно председательствовал и на общем собрании. Волостная управа, как исполнительный орган, должна была состоять из управляющего волостью (волостного старшины) и его помощников, избираемых на общем собрании волости (помощник мог быть как один, так и несколько; также допускалось включение в состав управы на правах членов управского казначея и волостного секретаря) [13, с. 643, 646–648].

В Курской губернии Суджанская уездная земская управа предложила следующую организацию волостного земства (Т. В. Горлова фактически лишь упоминает о существовании этого проекта, не приводя организационных деталей [4, с. 28–30]): для избрания его органов раз в три года должен был созываться избирательный съезд, состоящий из владеющих в пределах волости землей в размере не менее 30 дес. или оцененной не ниже 3 тыс. руб. недвижимостью лиц; плательщиков подоходного налога (не ниже 18 руб.); арендующих один и тот же участок земли не менее трех лет (по доверенности владельца, без права самого владельца участвовать при этом в выборах); уполномоченных от крестьянских обществ, владеющих надельной землей (из расчета один уполномоченный для

наделов до 250 дес., при большем размере надела – по одному на каждые 250 дес., при наделе свыше 2 тыс. дес. – пять уполномоченных); уплачивающих подоходный налог земских служащих; приходских священников по цензу личной или церковной земли; уполномоченных от мелких владельцев (к последним относились владельцы участков от 5 до 30 дес., оцененной в размере от 500 до 3 тыс. руб. недвижимости и плательщики подоходного налога в размере от 2 руб. 40 коп.) из расчета по одному уполномоченному на каждый полный ценз. Женщины получали право участвовать в выборах и быть избранными наравне с мужчинами. Избирательные права не имели лица, состоящие на полицейско-административной службе. Количество избираемых гласных привязывалось к числу населения: по двое гласных на каждую тысячу жителей. Волостное собрание, в свою очередь, избирало из своей среды сроком на три года председателя и коллегиальную управу (председатель управы и два или три члена). Устанавливалась и непосредственная связь с уездным земством: от каждого волостного земского собрания избиралось по двое гласных, а председатель волостной управы становился уездным гласным по должности [17, с. 30–32].

В Санкт-Петербургском губернском земстве для разработки вопроса о мелкой земской единице и ее органах управления была образована специальная комиссия, в состав которой вошли гласные К. К. Арсеньев (редактор либерального журнала «Вестник Европы», затем один из руководителей партии демократических реформ), барон П. Л. Корф (бывший председатель губернской земской управы и впоследствии один из основателей «Союза 17 октября»), барон С. О. Тизенгаузен (член Ямбургской уездной управы), барон В. В. Меллер-Закомельский (ямбургский предводитель дворянства, впоследствии член ЦК «Союза 17 октября»), В. Г. Котельников (бывший вице-директор Департамента неокладных сборов министерства финансов), Ф. М. фон Крузе (присяжный поверенный, впоследствии октябрист) и Е. И. Кедрин (присяжный поверенный, впоследствии член ЦК кадетской партии). В 1903 г. комиссия представила управе проект, согласно которому учреждалось волостное земское собрание и исполнительный орган в лице волостного головы (с возможностью дополнительного учреждения волостного совета). В нем особо подчеркивалась необходимость привлечения бесцензовых представителей интеллигенции, которые имеют постоянное место жительства на данной территории [3, с. 6; 8, с. 10].

Согласно проекту, в число избирателей включались представители сельских общин, насчитывающих более 10 дворов (по одному на каждые 10 дворов), а также уплачивающие волостной сбор (при условии, что его размер равен сумме среднего сбора с 10 дворов) землевладельцы, владельцы фабрик и торговых предприятий и прочие лица. Жители сельских общин численностью менее 10 дворов и те лица, которые платили волостной сбор в размере ниже указанного, участвовали в предварительном избирательном съезде для избрания уполномоченных на сами выборы. Волостные гласные избирались сроком на три года в числе, равном 1/10 части избирателей, и из их среды. Исполнительные функции на тот же срок вверялись избираемому волостному голове [8, с. 10–11].

При обсуждении этого проекта членами комиссии были высказаны определенные замечания. Так, член губернской земской управы А. Д. Кашкаров

предлагал в каждом отдельном случае предоставлять право волостным собраниям самим определять количество гласных. Однако Е. И. Кедрин возражал, что такой подход создаст нежелательное многообразие прав волостного собрания. При этом последним был поднят вопрос об избирательных правах арендаторов, которые, по его мнению, были заинтересованы в благоустройстве и развитии хозяйства в местности не менее коренных обывателей. В свою очередь, это предложение было раскритиковано К. К. Арсеньевым, находившим, что в таком случае возникнет проблема удвоения голосов, т.к. право участия в выборах будут иметь как собственники земли, так и ее арендаторы [10, с. 52].

Кроме того, Кашкаров приводил в качестве примера английский опыт, указывая, что в Англии голоса арендаторов фактически являлись голосами ландлордов, к тому же, по его мнению, никакой арендатор не станет платить волостные сборы, поскольку это обязанность именно собственника земли. С другой стороны, Кедрин ссылался на предоставленные в 1903 г. избирательные права квартиронанимателям в городском самоуправлении Санкт-Петербурга, проводя параллели между арендаторами квартир и арендаторами земли (для последних он предлагал в качестве корректива установить ценз оседлости). К тому же, по его словам, владелец, сдавая землю в аренду, фактически порывает с местностью, в то время как арендатор, напротив, заинтересован в ее благоустройстве [10, с. 53].

Также председатель губернской земской управы В. П. Марков считал необходимым изменить порядок формирования исполнительного органа. По его мнению, следовало предоставить право волостному собранию избирать кандидатов на должность волостного головы, из которых один назначался бы на должность правительственной властью. Однако комиссия с таким предложением не согласилась. Критиковал подход комиссии и барон П. Л. Корф: он считал, что при сохранении прежнего волостного управления волостные должности «будут замещаться лицами столь же низкого уровня, как и теперь» [9, с. 67–68].

Бывший чиновник Департамента окладных сборов министерства финансов К. И. Ровинский предлагал организовать выборы на основе создания представительства экономических интересов, отбросив сословную группировку избирателей. Также он поддерживал идею введения земского подоходного налога, чтобы иметь возможность привлечь к участию в выборах представителей «интеллигентных сил», не имеющих недвижимости. Образовательный ценз для него выступал на первом месте, поэтому он считал необходимым установить правило, согласно которому в должностные лица мелкой земской единицы могли быть избираемы лица, не являющиеся плательщиками земского сбора и владельцами недвижимости, но имеющие определенное образование (при условии двухлетнего ценза оседлости и отсутствия опороченности по суду). Это позволило бы «и в глухой местности иметь во главе мелкой земской единицы образованного человека» [23, с. 108–109].

Проектируемая им земская волостная дума должна была состоять из 18–24 человек (в зависимости от численности населения), одна половина из которых являлась бы представителями от сельских крестьянских обществ, а вторая избиралась

бы от крупных землевладельцев, мелких собственников, торговцев и промышленников (допускались как равное соотношение представительства от этих групп, так и иные критерии). Без выборов в состав думы должны были войти местный приходской священник и проживающие на данной территории уездные гласные и представители управления государственными имуществами и уделами. Исполнительный орган (управу) предлагалось сделать, в зависимости от местных условий, либо коллегиальным, либо единоличным, с возможностью участия уездного земства в его формировании (Ровинский считал, что в целях ограничения влияния кулаков и иных «заправил» следовало предоставлять думам возможность избрания двух кандидатов на должность председателя управы, из которых уездное земское собрание выбирало бы одного и представляло бы его на утверждение губернатору) [23, с. 110–111].

Казанский губернский гласный, профессор медицины А. И. Якобий в 1904 г. представил в губернскую земскую управу записку, в которой он определял мелкую земскую единицу как волостное совещание, являющееся бессословным низшим органом земских учреждений. Предлагая определить ее территорию равной волости, тем самым он придавал ей роль связующего звена между земской управой и сельскими обществами. Это предопределяло и состав подобного совещания: сельские старосты (как представители сельских обществ), волостной старшина и волостной писарь, земские служащие в сферах народного образования (учителя, учительницы и законоучители народных школ), здравоохранения (врачи и ветеринары), частного землевладения и агрономии. Все эти лица наделялись правом решающего голоса и выбирали из своей среды председателя и секретаря. Также с правом совещательного голоса к участию в заседаниях планировалось привлекать всех остальных земских служащих волости, членов уездной земской управы и лиц, «сведущих по земледелию и скотоводству». Дополнительно правом присутствия на совещании наделялись чины уездного полицейского управления (в пределах своих полномочий) [6, с. 3–4].

Вместе с тем вопрос о включении в состав органов мелкой земской единицы лиц, не имеющих длительной местной оседлости, становился предметом критики. Так, Свияжская уездная земская управа, рассмотрев данный проект, сочла нежелательным допуск «пришлого элемента» (т.е. большинства земских служащих) из-за риска того, что это повлечет «уклонение в сторону от тех целей, которые преследует земство» [6, с. 6].

Уже упоминавшийся нами Г. И. Шрейдер предлагал осуществлять выборы гласных волостного земского собрания на основе всеобщего избирательного права, предоставляемого лицам обоего пола, уплачивающим в течение срока не менее года земский налог в любом размере. Тем самым к числу избирателей планировалось привлечь большой контингент земских служащих. Сами выборы должны были проходить раз в три года в бессословном избирательном собрании (разделять его допускалось только по территориальному признаку, на отдельные округа). Особо подчеркивалось, что женщинам следовало предоставить не только активное, но и пассивное избирательное право: «Огромная польза, которую женщины приносят английскому приходу, например, в роли попечительниц о бедных, равно как и

значение, какое женщины получили уже у нас на местах в различных добровольных организациях, достаточно мотивирует эту необходимость» [33, с. 76–78].

Еще одной особенностью проекта Шрейдера становилось введение системы пропорциональных выборов, за счет чего предполагалось предоставить представительство всем, даже мельчайшим группам интересов. Общее количество гласных для избрания варьировалось от 25 до 60 человек, в зависимости от численности населения, и определялось по формуле: 25 гласных на каждую мелкую земскую единицу численностью 5 тыс. человек, с прибавлением к этому числу дополнительно трех гласных на каждую тысячу душ [33, с. 80–81].

Собрание избирало из своей среды председателя, при этом вводился запрет на совмещение данной должности с должностью председателя волостной управы или иной должностью в волостном земстве по найму. Формирование исполнительных органов (управ) предлагалось производить по подобию норм Городового Положения, т.е. избирать управу из председателя и двух или трех членов, а в небольших единицах (по образцу упрощенного городского управления) выбирать одно лицо [33, с. 87].

Харьковский губернский гласный князь М. Л. Шаховской, ставший впоследствии председателем Совета монархического Русского Собрания, резко критиковал организацию мелкой земской единицы, предложенную Ровинским, Шрейдером и другими авторами. Он считал, что в этом случае власть в ней окажется в руках «крикунов, краснобаев и нахалов»: «Допущение к участию в самоуправлении безымущественных интеллигентов, несомненно, направлено к ограничению влияния тех землевладельцев, кто связан с данной местностью имущественно, кому интересы своего района и знакомы, и близки, и дороги» [31, с. 13].

Один из публицистов «Нового времени» в вопросе о необходимом для участия в выборах ценза утверждал, что таковым мог бы явиться признак поземельного владения или усадебной оседлости (допускаемой, в частности, в качестве ценза при назначении на должность земского начальника). Подчеркивалось, что участковое земство при широком участии в нем крестьян могло бы стать «культурною школою, помогающею общественному развитию всех участников мелкой земской единицы, поставленной в прямую связь с уездным и губернским земствами» [22, с. 3].

Народник В. А. Мякотин на страницах «Русского богатства» негативно относился к предложениям организации выборов в мелкой земской единице на сохранении имущественного ценза как основы избирательного права с разделением избирателей на курии, полагая, что это вновь бы обеспечило охрану интересов крупных землевладельцев, тем самым только усилив сословный характер земской организации, в то время как идея мелкой земской единицы должна была нести в себе совершенно противоположную основу [20, с. 211–213]. К началу работы Государственной Думы кадет А. А. Корнилов выступал за организацию земских выборов, в том числе и в мелкой земской единице, на основе всеобщего избирательного права [15, с. 62]. Публицист и религиозный философ А. В. Ельчанинов был сторонником участия в выборах в волостное земство всех жителей волости без различия сословий, которые являлись совершеннолетними [11, с. 15].

Впоследствии оригинальный проект организации выборов в мелкие земские единицы и уездные и губернские земства предложил бывший секретарь Харьковской земской управы и один из создателей «Союза освобождения» И. П. Белоконский. Почти все предыдущие проекты предполагали связь трех уровней земства за счет избрания уездных земств из числа гласных мелких земских единиц, а губернских – из числа уездных. По его же мнению, следовало отказаться от такого порядка. Таким образом, гласные в земство мелкой земской единицы должны были избираться жителями ее территории из своей среды, гласные в уездные земства – жителями ее территории из числа жителей всего уезда, в губернские земства – жителями ее территории из числа жителей всей губернии. Кроме того, жители городов избирали бы гласных в уездные земства из числа жителей уезда и в губернские – из числа жителей губернии [1, с. 18].

При определении численности состава каждого земского собрания автор проекта исходил из того, представительство должно быть однообразным, что достигается при отказе от имущественного ценза в основе избирательного права. Согласно проекту, в мелкие земские единицы должны избираться не менее 15 гласных, в уездные земские собрания – втрое больше, чем в мелкие земские единицы, а в губернские – втрое больше, чем в уездные. При этом предлагалось, чтобы каждая мелкая земская единица избирала по 2–3 кандидата (в зависимости от количества единиц в уезде) в гласные уездного земства. Из избранных кандидатов гласными должны были стать те, кто на выборах получил наибольшее количество голосов. Примечательно, что проект предусматривал привязку деятельности земства к деятельности парламента: одинаковый срок полномочий (5 лет) и одновременные выборы в оба института [1, с. 19–22].

Проект Белоконского также детально определял состав исполнительных органов мелкой земской единицы. Ими должны были стать управы из двух членов и председателя. Правительство и местная администрация должны были лишиться возможности контроля за выборами управ, получив лишь право указания собраниям в случае избрания в управы или гласные лиц, лишенных на это права по закону. Особо отмечалось, что деятельность исполнительных органов земства должна быть оплачиваемой, при этом их члены не должны заниматься иной деятельностью [1, с. 23–24].

Прослуживший в курском и саратовском земствах историк Е. А. Звягинцев взял за основу английскую систему местного самоуправления и предлагал ввести двухуровневую мелкую земскую единицу, состоящую из сельского земства и окружного земства (в составе уезда им предлагалось выделять от 5 до 10 округов). Выборы должны были осуществляться на основе всеобщего избирательного права тайным голосованием, без применения сословных, имущественных и половых различий (причем концепция проекта предполагала, что должность председателя распорядительного органа будет также выборной) [14, с. 26, 55–56].

Таким образом, к началу XX в. в различных проектах организации институтов мелкой земской единицы на первое место выдвигался вопрос о принципах применения цензов в избирательной системе. Большинство авторов рассмотренных нами проектов (к числу которых относились преимущественно будущие октябристы и кадеты) были сторонниками цензового начала. За всеобщее избирательное право

выступали преимущественно эсеры и народники. Вместе с тем в рамках цензовой системы выборов предлагались существенные расширения норм, которые действовали в Положении о земских учреждениях 1890 г., а именно привлечение избирателей с образовательным и налоговыми цензами. Это должно было, по мысли авторов таких инициатив, привлечь интеллигенцию к участию в управлении мелкой земской единицы. Однако имелись и сторонники противоположного подхода, которые считали необходимым предоставить место в распорядительном органе крупным землевладельцам лишь по факту наличия ценза определенного размера, без проведения выборов.

Вторым принципиальным аспектом почти во всех проектах являлась идея о разделении властей и разделении полномочий. Первое выражалось в запрете на предоставлении избирательных прав должностным лицам на административной и судебной службе, а второе заключалось в избрании председателя распорядительного органа его гласными (в противовес нормам Положения о земских учреждениях), причем с указанием в ряде проектов на запрет на совмещение должности председателя с должностью в исполнительном органе (управе).

Третьей важной составляющей дискуссий об организации институтов мелкой земской единицы являлась инициатива предоставления избирательного права (в том числе и пассивного) женщинам, которая содержалась в проектах черниговского, московского и суджанского земств, а также в проектах сторонников всеобщего избирательного права. Также укажем, что была озвучена и принципиально новая идея для земского избирательного законодательства о введении пропорциональных выборов.

Помимо этого, нельзя также не отметить, что хотя большинство рассмотренных нами проектов содержали те или иные принципы организации институтов мелкой земской единицы, которые были видоизмененными нормами, применявшимися к выборам в уездные земские собрания и управы, существовали и иные подходы, которые выражались в стремлении либо создать сугубо совещательный орган из лиц с определенными должностями (проект Якобия), либо сформировать сложную организацию из двух уровней внутри уездов (проект Звягинцева).

В целом рассмотренные нами проекты и подходы представляли собой отражение как политических, так и практических представлений широкого круга земцев и публицистов, обусловленных в том числе воззрениями на пути дальнейшего развития крестьянского управления и земского самоуправления. Впоследствии эти идеи оказались актуализированы в период думской монархии в рамках обсуждения разработанных кабинетом П. А. Столыпина проектов реформ в сфере местного самоуправления.

Список использованных источников и литературы

1. Белоконский И. П. От деревни до парламента. Роль земства в будущем строе. – Ростов-на-Дону, 1905. – 45 с.

Belokonskii I. P. Ot derevni do parlamenta. Rol' zemstva v budushchem stroe. – Rostov-na-Donu, 1905. – 45 s.

2. Верещагин А. Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). – М., 2002. – 192 с.

Vereshchagin A. N. Zemskii vopros v Rossii (politiko-pravovye aspekty). – M., 2002. – 192 s.

3. Выписки из журналов заседания Санкт-Петербургского губернского земского собрания 37-й очередной сессии 1902 г. // Санкт-Петербургское губернское земство. Доклад о мелкой земской единице и журналы комиссии 1903 г. – СПб., 1903. – С. 5–6.

Vy`piski iz zhurnalov zasedaniya Sankt-Peterburgskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 37-j ocherednoj sessii 1902 g. // Sankt-Peterburgskoe gubernskoe zemstvo. Doklad o melkoj zemskoj edinice i zhurnaly` komissii 1903 g. – SPb., 1903. – S. 5–6.

4. Горлова Т. В. К вопросу об учреждении мелкой земской единицы (на примере Суджанского уезда Курской губернии в начале XX века) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – № 9. – С. 25–32.

Gorlova T. V. K voprosu ob uchrezhdenii melkoi zemskoi edinitsy (na primere Sudzhanskogo uezda Kurskoi gubernii v nachale XX veka) // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2009. – № 9. – S. 25–32.

5. Гулисов И. Двухстепенное или трехстепенное земство нужно для Тифлисской губернии? // Закавказье. 1909. 30 сентября. С. 3.

Gulisov I. Dvuxstepennoe ili trexstepennoe zemstvo nuzhno dlya Tiflisskoj gubernii? //Zakavkaz'e. 1909. 30 sentyabrya. S. 3.

6. Доклад Казанской губернской земской управы 40 очередному губернскому земскому собранию о мелкой земской единице. – Казань, 1904. – 10 с.

Doklad Kazanskoi gubernskoi zemskoi upravy 40 ocherednomu gubernskomu zemskomu sobraniyu o melkoi zemskoi edinitse. – Kazan', 1904. – 10 s.

7. Доклад Московской губернской земской управы по вопросу о мелкой земской единице и местных экономических земских органах. – М., 1902. – 20 с.

Doklad Moskovskoi gubernskoi zemskoi upravy po voprosu o melkoi zemskoi edinitse i mestnykh ekonomicheskikh zemskikh organakh. – M., 1902. – 20 s.

8. Доклад о мелкой земской единице // Санкт-Петербургское губернское земство. Доклад о мелкой земской единице и журналы комиссии 1903 г. – СПб., 1903. – С. 7–40.

Doklad o melkoj zemskoj edinice // Sankt-Peterburgskoe gubernskoe zemstvo. Doklad o melkoj zemskoj edinice i zhurnaly` komissii 1903 g. – SPb., 1903. – S. 7–40.

9. Журналы заседания комиссии 13 мая 1902 г. // Санкт-Петербургское губернское земство. Доклад о мелкой земской единице и журналы комиссии 1903 г. – СПб., 1903. – С. 62–71.

Zhurnaly` zasedaniya komissii 13 maya 1902 g. // Sankt-Peterburgskoe gubernskoe zemstvo. Doklad o melkoj zemskoj edinice i zhurnaly` komissii 1903 g. – SPb., 1903. – S. 62–71.

10. Журналы заседания подкомиссии 8 мая 1902 г. // Санкт-Петербургское губернское земство. Доклад о мелкой земской единице и журналы комиссии 1903 г. – СПб., 1903. – С. 50–58.

Zhurnaly` zasedaniya podkomissii 8 maya 1902 g. // Sankt-Peterburgskoe gubernskoe zemstvo. Doklad o melkoj zemskoj edinice i zhurnaly` komissii 1903 g. – SPb., 1903. – S. 50–58.

11. Ельчанинов А. В. О самоуправлении. – М., 1906. – 15 с.

El'chaninov A. V. O samoupravlenii. – M., 1906. – 15 s.

12. Ехлакова С. Ф. Противники и сторонники мелкой земской единицы на страницах либеральных журналов начала XX в. // В мире научных открытий. – 2012. – № 7–1 (31). – С. 124–140.

Ekhlakova S. F. Protivniki i storonniki melkoi zemskoi edinitsy na stranitsakh liberal'nykh zhurnalov nachala XX v. // V mire nauchnykh otkrytii. – 2012. – № 7–1 (31). – S. 124–140.

13. Записка князя Н. С. Волконского по вопросу о мелкой земской единице // XXXIX очередное Рязанское губернское земское собрание. 1903 г. Декабрь. – Рязань, 1904. – С. 636–651.

Zapiska knyazya N. S. Volkonskogo po voprosu o melkoj zemskoj edinice // XXXIX ocherednoe Ryazanskoe gubernskoe zemskoe sobranie. 1903 g. Dekabr`. – Ryazan`, 1904. – S. 636–651.

14. Звягинцев Е. А. О земстве и как его нужно устроить для пользы всего народа. – М., 1906. – 56 с.

Zvyagintsev E. A. O zemstve i kak ego nuzhno ustroit' dlya pol'zy vsego naroda. – M., 1906. – 56 s.

15. Из истории вопроса об избирательном праве в земстве (происхождение земской избирательной системы 1864 г. и ее дальнейшие изменения) / А. А. Корнилов. – СПб., 1906. – 62 с.

Iz istorii voprosa ob izbiratel'nom prave v zemstve (proiskhozhdenie zemskoi izbiratel'noi sistemy 1864 g. i ee dal'neishie izmeneniya) / A. A. Kornilov. – SPb., 1906. – 62 s.

16. Коновалова М. А. Мелкая земская единица в трудах членов юридических обществ в дореволюционной России // Современное общество и право. – 2014. – № 3 (16). – С. 30–34.

Konovalova M. A. Melkaya zemskaya edinitsa v trudakh chlenov yuridicheskikh obshchestv v dorevolyutsionnoi Rossii // Sovremennoe obshchestvo i pravo. – 2014. – № 3 (16). – S. 30–34.

17. Линд В. Н. Мелкая земская единица. – СПб., 1903. – 43 с.

Lind V. N. Melkaya zemskaya edinitsa. – SPb., 1903. – 43 s.

18. Могилевский К. И. Опыт создания отечественной модели местного самоуправления (вторая половина XIX – начало XX века) // Местное право. – 2011. – № 3. – С. 11–20.

Mogilevskii K. I. Opyt sozdaniya otechestvennoi modeli mestnogo samoupravleniya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) // Mestnoe pravo. – 2011. – № 3. – S. 11–20.

19. Московское губернское земское собрание. Очередная сессия 1903 года. Доклад комиссии о мелкой земской единице. – М., 1903. – 32 с.

Moskovskoe gubernskoe zemskoe sobranie. Ocherednaya sessiya 1903 goda. Doklad komissii o melkoi zemskoi edinitse. – M., 1903. – 32 s.

20. Мякотин В. А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. – 1902. – № 1. – Отд. II. – С. 192–223.

Myakotin V. A. Khronika vnutrennei zhizni // Russkoe bogatstvo. – 1902. – № 1. – Otd. II. – S. 192–223.

21. Нам пишут // Новое время. 1903. 17 сентября. С. 13.

Nam pishut // Novoe vremya. 1903. 17 sentyabrya. S. 13.

22. О мелкой земской единице // Новое время. 1902. 3 ноября. С. 3.

O melkoj zemskoj edinice // Novoe vremya. 1902. 3 noyabrya. S. 3.

23. Ровинский К. Мелкая земская единица (участковое земство). Очерки и опыты. – СПб., 1903. – XXII, 268 с.

Rovinskii K. Melkaya zemskaya edinitsa (uchastkovoe zemstvo). Ocherki i opyty. – SPb., 1903. – XXII, 268 s.

24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1317. Оп. 1. Д. 11.

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 1317. Op. 1. D. 11.

25. Сорокин А. А. Вопрос о мелкой земской единице в решениях губернских комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв.: материалы XXI Междунар. науч. конф., Иваново. – Иваново, 2022. – С. 513–519.

Sorokin A. A. Vopros o melkoi zemskoi edinitse v resheniyakh gubernskikh komitetov Osobogo Soveshchaniya o nuzhdakh sel'skokhozyaistvennoi promyshlennosti // Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vv.: materialy XXI Mezhdunar. nauch. konf., Ivanovo. – Ivanovo, 2022. – S. 513–519.

26. Сорокин А. А. Дискуссии об учреждении мелкой земской единицы в начале XX в.: взгляд либералов (по материалам журнала «Вестник Европы») // Российский либерализм в исторической перспективе: матер. Междунар. науч. конф. 7–8 окт. 2022 г., г. Орёл / Под ред. Д. В. Аронова. – Орел, 2022. – С. 60–65.

Sorokin A. A. Diskussii ob uchrezhdenii melkoi zemskoi edinitsy v nachale XX v.: vzglyad liberalov (po materialam zhurnala «Vestnik Evropy») // Rossiiskii liberalizm v istoricheskoi perspektive: mater. Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 7–8 okt. 2022 g., g. Orel / Pod red. D. V. Aronova.– Orel, 2022. – S. 60–65.

27. Тихомирова Г. В. Вопросы земского самоуправления в законотворчестве Государственной Думы Российской империи (I–IV созыв, 1905–1912 гг.) // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 11А. – С. 189–196.

Tikhomirova G. V. Voprosy zemskogo samoupravleniya v zakonotvorchestve Gosudarstvennoi Dumy Rossiiskoi imperii (I–IV sozyv, 1905–1912 gg.) // Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2021. – T. 11, № 11A. – S. 189–196.

28. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XVII: Костромская губерния. – СПб., 1903. – VIII, 527 с.

Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaistvennoi promyshlennosti. T. XVII: Kostromskaya guberniya. – SPb., 1903. – VIII, 527 c.

29. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXIII: Московская губерния. – СПб., 1903. – VI, 696 с.

Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaistvennoi promyshlennosti. T. XXIII: Moskovskaya guberniya. – SPb., 1903. – VI, 696 c.

30. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXIV: Нижегородская губерния. – СПб., 1903. – [2], VI, 586 с.

Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaistvennoi promyshlennosti. T. XXIV: Nizhegorodskaya guberniya. – SPb., 1903. – [2], VI, 586 s.

31. Шаховской М. Л. Мелкая земская единица: доклад, прочитанный в Харьковском отделе «Русского Собрания» 27 февраля 1904 г. – Харьков, 1904. – [2], 15 с.

Shakhovskoi M. L. Melkaya zemskaya edinitsa: doklad, prochitannyi v Khar'kovskom otdele «Russkogo Sobraniya» 27 fevralya 1904 g. – Khar'kov, 1904. – [2], 15 s.

32. Шипов-Шульц С. А. Закон и земство. – СПб., 1900. – [2], IV, 377 с.

Shipov-Shul'ts S. A. Zakon i zemstvo. – SPb., 1900. – [2], IV, 377 s.

33. Шрейдер Г. Мелкая земская единица в условиях русской жизни // Мелкая земская единица в 1902–1903 гг.: Сборник статей. – СПб., 1903. – Вып. II. – С. 1–89.

Shreider G. Melkaya zemskaya edinitsa v usloviyakh russkoi zhizni // Melkaya zemskaya edinitsa v 1902–1903 gg.: Sbornik statei. – SPb., 1903. – Vyp. II. – S. 1–89.

Sorokin A. A. Projects for the organization of a small zemstvo unit in the Russian Empire at the turn of the XIX – XX centuries

The purpose of the study is to identify the essence and content of discussions about the principles of organization of the small zemstvo unit (its electoral system and administrative and executive bodies) in late Imperial Russia. The research is based on a corpus of writings by a number of Russian publicists from the late 19th and early 20th centuries, materials from the activities of zemstvo assemblies and local committees of a Special Meeting on the needs of the agricultural industry. The article considers the main approaches to the formation of a system of elections to the bodies of a small zemstvo unit in the context of attracting a wider range of people to participate in zemstvo self-government, the elimination of separate peasant management and the creation of a wide network of zemstvo institutions in the counties. The key components of the considered projects have been identified: a censored electoral system, the possibility of using educational and tax qualifications, granting voting rights to women, and the possibility of including certain categories of voters in the composition of deputies without holding elections. Approaches that are fundamentally new for zemstvo electoral legislation have also been identified in a number of projects: the introduction of proportional elections, the election of chairmen of administrative bodies, and a ban on combining positions in executive bodies with the leadership of an administrative body.

Keywords: zemstvo electoral system, zemstvo self-government, electoral law, property qualification, small zemstvo unit, tax qualification, educational qualification.

УДК 94(47).084.8

DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18679471

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСПОРТИРОВКИ НЕФТИ В БАССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЗЕРКАЛЕ ЗАВОДСКИХ СМИ И ГАЗЕТЫ «КРАСНАЯ БАШКИРИЯ»

Хужахметова Г. Н.

Институт истории и государственного управления,
Уфимский университет науки и технологий
г. Уфа, Российская Федерация
E-mail: Suve@mail.ru

Рахимов Р. Н.

Институт истории и государственного управления,
Уфимский университет науки и технологий
г. Уфа, Российская Федерация
E-mail: Suve@mail.ru

Гарипова З. Ф.

Институт стратегических исследований
Академии наук Республики Башкортостан,
г. Уфа, Российская Федерация
E-mail: Suve@mail.ru

Рассматривается значимость транспортной инфраструктуры, особенно трубопроводного транспорта, в годы Великой Отечественной войны на примере Башкирской АССР. Приводятся исторические факты о создании единого центра управления нефтяной отраслью («Башнефтекомбинат») и развитии трубопроводного транспорта в регионе. Отмечается, что трубопроводная система играла важную роль в снабжении фронта и тыловых регионов топливом, однако ее пропускная способность часто оказывалась недостаточной. Обосновывается необходимость дальнейшего изучения истории трубопроводного транспорта периода войны, подчеркивается важность архивных материалов и публикаций тех лет. Описываются перспективы углубленного анализа роли нефтяной промышленности региона в победе советского народа, подчеркивая недостаток внимания к трубопроводному транспорту в современных исследованиях. Выявляется необходимость расширения исследований в области трубопроводного транспорта времен Великой Отечественной войны, обращая внимание на проблемы информационной закрытости и сложности обработки большого объема материала. Исследование имеет важное значение для понимания вклада нефтяной промышленности Башкортостана в победу Советского Союза и подчеркивает уникальность местных ресурсов и технологий транспортировки нефти.

Ключевые слова: трубопроводный транспорт, Великая Отечественная война, нефтяная промышленность, нефтеперерабатывающий завод, пропускная способность, транспортные сети, газеты, месторождение

В рамках исторических исследований о войне в экономических и логистических вопросах переработка и транспортировка нефти упоминались, но не являлись центральной темой. Некоторые аспекты транспортировки нефти и нефтепродуктов, особенно касающиеся стратегических ее резервов и переброски топлива для вооруженных сил, были засекречены. Ограниченный доступ к информации в военное и послевоенное время затруднял проведение исследований.

В настоящее время наблюдается рост интереса к историческим исследованиям в области энергетики и экономики. Повышается востребованность более глубокого изучения производственных процессов, в том числе транспортировки нефти и проблем трубопроводного транспорта во время Великой Отечественной войны. Задача исследования заключается в рассмотрении вопроса освещения на страницах заводских малотиражек и республиканской газеты Башкирии проблем транспортировки нефти и предлагаемых способов их решения. Информационная база исследования представлена периодическими изданиями предприятий военного времени: газета уфимского крекинг-завода «За боевые темпы», газета «Башкирские вышки» г. Ишимбай, а также официальной газетой Башкирской автономной советской социалистической республики (БАССР) «Красная Башкирия».

Газета «За боевые темпы» [11] являлась общественно-политической газетой коллектива Уфимского нефтеперерабатывающего завода. Она выпускалась 62 года с 1936 г. по 1998 г., с периодичностью 1 раз в неделю, тиражом 3 000 экземпляров и состояла из двух полос. Место издания – Сталинский район г. Уфы. В годы Великой Отечественной войны за издание отвечали Орган партбюро, завком профсоюза и Управление Уфимского нефтеперерабатывающего завода.

Газета «Башкирские вышки» [3] является городским изданием г. Ишимбай, БАССР. Изначально, с 1932 г. газета выходила в качестве приложения к стерлитамакской районной газете «За пятилетку». Почти одновременно стала выходить газета на башкирском языке – «Башкортостан вышкахы». В 1948 г. газета «Башкирская вышка» была переименована в «Ишимбайский нефтяник», позднее в современное издание «Восход». Место редакции определяется как г. Ишимбай. Орган издания Ишимбайский Горком ВКП(б) и Горсовет. Периодичность издания – 3 раза в неделю, тираж – 2 500 экземпляров, 2 полосы.

«Красная Башкирия» являлась главной официальной газетой Башкирской АССР, она также выпускалась на башкирском языке под названием «Ҡыҙыл Башҡортостан» [6]. Выходила она 6 раз в неделю на двух страницах тиражом 42,5 тыс. экземпляров на русском языке и 17,2 тыс. – на башкирском языке. С 1951 г. была переименована в газету «Советская Башкирия», в настоящее время продолжает выходить под названием «Республика Башкортостан», оставаясь одним из главных общественно-политических печатных изданий республики.

В целях охраны государственно-военной тайны в условиях военного времени цензоры Управления Уполномоченного Совета народных комиссаров СССР по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит 1933–1946 гг.) осуществляли проверку и редакцию всех текстов, предназначенных для опубликования, в том числе и в периодической печати.

Запрещено было публиковать все производственные и финансовые планы и их выполнение по наркоматам, отраслям народного хозяйства, главкам, объединениям, отдельным предприятиям, кроме официальных правительственных данных. Также допускалась публикация информации о достигнутых успехах отдельными рабочими, бригадами, цехами и предприятиями, не показывая номенклатуру изделия и количество вырабатываемой продукции (в процентах) [8, с. 200]. Под запретом была информация о строительстве железных дорог и автомагистралей, о технической скорости поездов, месторасположении военных предприятий и крупных строек оборонного значения, о наличии воинских частей в районах республики [21, л. 52].

В историографии есть ряд работ, посвященных изучению вклада нефтяной промышленности Башкирии в Победу во Второй мировой войне. В монографии А. Д. Будкова и Л. А. Будкова [5], посвященной изучению нефтяной промышленности накануне и в годы Великой Отечественной войны в СССР, рассматривались планы прокладки нефтепроводов по территории страны к концу 30-х гг. XX века, например, Ишимбаево–Курган протяженностью 600 км [5, с. 34]. В работе Е. Н. Алдашовой рассмотрены основные направления научно-технической деятельности в изучении потенциала башкирских месторождений в предвоенные и военные годы [1].

В ряде работ рассматривался широкий спектр социально-экономических, научно-технических и геологических вопросов по развитию нефтяной и газовой промышленности страны [4; 16; 22; 25]. Башкирской АССР уделяется особое внимание, как наиболее мощному кластеру «Второго Баку». «Второе Баку» – широко распространённое название Волго-Уральской нефтегазоносной области, которая начала осваиваться в конце 30-х гг. XX века. Термин был введен академиком АН СССР И. М. Губкиным в начале освоения месторождений и связан с особенностями географического расположения, геологического строения и условиям залегания нефти в регионе: «Среднее Поволжье, Прикамье и районы, расположенные между Волгой и Западным Уралом» [10, с. 10]. На нефтяных месторождениях между Волгой и Уралом создавалась вторая (после Кавказа) крупная база нефтяной промышленности СССР. В годы войны работали следующие предприятия: Московский нефтеперерабатывающий завод (далее – НПЗ), Уфимский НПЗ – крекинг-завод, Ишимбайский НПЗ, Краснокамский НПЗ – крекинг-завод, Сызранский НПЗ, Саратовский крекинг-завод им. С. М. Кирова и др.

В 1940 г. в республике был создан единый центр по управлению нефтяной отрасли – «Башнефтекомбинат» – Башкирский нефтяной комбинат Наркомата нефтяной промышленности СССР (1940–1945 гг.). В комбинат входили 17 предприятий: Башнефть, Уфимский НПЗ, Туймазанефть, Ишимбайский нефтеперегонный завод, трубопровод Уфа – Ишимбаево, и другие [21, с. 3.]. Вклад нефтяников Башкортостана в годы Второй мировой войны рассмотрен в работах Э. А. Зайнетдинова [13], Р. М. Зиязетдинова [14, 15], Э. Р. Гималетдиновой [9], в коллективной работе «Энергия Великой Победы» [30] и других.

Коллективная монография «Энергия Великой Победы» [30] состоит из двух частей: первая – «Хронология Победы», вторая «Экономика Победы». Во второй

части рассматриваются основные производства энергетики в годы войны: нефтяная, газовая, угольная, электроэнергия. Рассмотрены значительные нефтепроводные линии транспортировки нефти и газа, которые действовали в годы войны на территории СССР. При этом трубопроводный транспорт Башкирии изучен недостаточно [30].

Э. А. Зайнетдинов в работе «Нефть Победы», на основе воспоминаний эвакуированных в Уфу сотрудников Наркомата нефтяной промышленности СССР, биографий и списков нефтяников, удостоенных за трудовые достижения государственных наград, раскрывает вклад нефтяного комплекса республики в Победу над нацизмом [13].

Становлению нефтедобывающей промышленности Башкортостана в 30-90-е гг. XX века посвящены работы Р. М. Зиязетдинова [15]. На основе широкого круга источников описана история освоения нефтяных месторождений и переработки нефти в республике, ее транспортировки, в основном железнодорожным транспортом. Раскрыты детали строительства железной дороги и нефтепровода Ишимбаево – Уфа для транспортировки нефти с места добычи до Уфимского НПЗ и Ишимбайского нефтеперегонного завода. В работе Э. Р. Гималетдиновой также рассмотрены некоторые аспекты транспортировки нефти с месторождений до нефтеперерабатывающего завода в годы Второй мировой войны [9].

Обзорная работа ректора и проректора Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина профессора В. Г. Мартынова и Н. Н. Голунова [19] посвящена малоизвестным фактам и событиям связанных с нефтегазовой отраслью в годы войны. Технологические аспекты работы нефтепереработки Второго Баку, в частности Уфимского нефтеперерабатывающего завода, в годы войны рассмотрены в работе Е. В. Бодровой и В. В. Калинова [2].

Трубопроводный способ транспортировки является одним из наиболее прогрессивных и эффективных способов доставки газообразных и жидких веществ, таких как нефть, газ, различные химические продукты от месторождений до перерабатывающих заводов и конечных потребителей. Преимуществами трубопровода являются высокая скорость транспортировки, низкие эксплуатационные затраты по сравнению с другими видами транспорта (автомобильным, железнодорожным и др.), большая пропускная способность, минимальные потери в процессе транспортировки, а также возможность работать в любых климатических условиях.

Первый магистральный нефтепровод Ишимбай – Уфа был заложен в 1936 г. для обеспечения бесперебойной работы Уфимского крекинг завода (Уфимского НПЗ). «Проложенный через глубокие изрезанные долины нефтепровод пересек в нескольких местах железнодорожный путь, прошел по дну 11 рек. Через реку Белую трубу прокладывали 20 ЭПРОНовцев (экспедиция подводных работ особого назначения)» [15, с. 69]. Условный диаметр первого трубопровода был 300 мм, протяженность 168 км. Газета «Красная Башкирия» в ноябре 1937 г. писала: «Коллектив рабочих и служащих Восточной конторы «Нефтепроводскладстроя» закончил строительство нефтепровода Ишимбай – Уфа, с 3 ноября начата закачка.

К 9 ноября уже закачано 9 100 тонн ишимбайской нефти. Нефть подошла к воротам Уфимского крекинг-завода» [15, с. 69].

В 40-х гг. XX века транспортировка нефти по трубопроводам была уже достаточно развита. Применяемые технологии включали строительство стальных трубопроводов, использование насосных станций для поддержания давления и применение подогрева паром для транспортировки вязких сортов нефти.

С началом Великой Отечественной войны перед советской нефтяной промышленностью встали сложные задачи, в том числе в части переработки и транспортировки нефти по трубопроводу. В силу объективных причин, трубопроводный транспорт не выполнял всех возложенных на него обязанностей. Пропускная способность отдельных магистральных нефтепроводов в системе нефтяной промышленности СССР работала не в полную силу. В Таблице 1. представлены данные по загрузке магистральных нефтепроводов в этот период.

Таблица 1

Загрузка магистральных нефтепроводов[1]

Годы	Проектная пропускная способность, млн т	Реальная загрузка, млн т	Доля реальной загрузки в проектной пропускной способности, %
1940	8,0	6,0	75
1941	8,6	5,6	65
1942	8,6	3,6	41
1943	6,8	2,5	37
1944	7,7	2,6	34
1945	8,5	3,1	36

Из представленных данных видно, что в период войны загрузка нефтепроводов неуклонно снижается, в целом за период она уменьшилась вдвое. До начала войны в 1940 г. загрузка составляла 75 %, в 1944 г. – 34 %, в 1945 г. произошло небольшое увеличилась на 500 тыс. т и загрузка составила 36 %. В связи с перестройкой народного хозяйства СССР на решение первоочередных военных нужд, были отложены некоторые проекты гражданской инфраструктуры, в том числе и обеспечение трубопроводом. Это было обусловлено приоритетным выделением ресурсов и средств для развития оборонной промышленности и обеспечения нужд армии. Несмотря на это, в 1941 г. Башкирская АССР по добыче нефти на Востоке СССР занимала первое место. Почти 80 % нефти, добываемой во Втором Баку, приходилось на Башкирию [5, с.51].

[1] Составлено по: Мастобаев Б. Н. История применения химических реагентов и технологий в трубопроводном транспорте нефти и нефтепродуктов : автореферат дис. ... доктора технич. наук: 07.00.10, 02.00.13 / Уфимский гос. нефтяной техн. ун-т. – Уфа, 2003. 50 с. [17, с. 9].

В 1943–1944 гг. увеличился объём основных средств на освоение и транспортировку нефти с ишимбайских месторождений. В июне 1944 г. на заседании Пленума Башкирского обкома партии был рассмотрен вопрос «О работе предприятий Башнефтекомбината и мероприятиях по увеличению добычи нефти в Башкирии» [21, с. 8]. В процесс увеличения добычи нефти внес существенный вклад завод по производству нефтяного машиностроения им. Сталина, г. Ишимбай. На заводе выпускали серийную продукцию в виде запчастей к грязевым насосам и тракторам, редукторы для сжиженного газа и производили ремонт оборудования. Перед коллективом завода в декабре 1944 г. была поставлена сложная производственно-техническая задача – спроектировать и изготовить индивидуальные специальные приспособления и усовершенствовать станочное оборудование. По словам директора завода А. Витенберга: «Нефтяникам нужны трубы – завод освоил изготовление специальных прессов для правки бывших в работе труб. Нефтяники ощущали острую нехватку ремней – завод срочно спроектировал и изготовил редукторы для безвременной передачи…» [7].

Вместе с этим появилась возможность для выполнения значительных строительно-монтажных работ на Кинзебулатовском месторождении нефти, которое было открыто в 1943 г. Первая скважина давала до 6 000 тонн нефти в сутки. Транспортировка нефти осуществлялась по узкоколейной железной дороге от Кинзебулатово до Ишимбая. Однако ее мощности было недостаточно, необходимо было решить ряд инфраструктурных вопросов. В результате, на основании информации предоставленной начальником СМУ № 2 Галани, были построены нефтепровод, внутри промысловые коллекторы, шоссейная дорога, товарные емкости и жилые дома [28]. Протяженность нефтепровода и шоссейной дороги в публикации не уточняется.

В связи с открытием нового нефтяного месторождения в с. Салихово монтажно-строительная контора треста «Ишимбайнефть» к 1 мая 1945 г. обязались наладить бесперебойную транспортировку нефти. Планировалось установить насосы, две качалки, смонтировать трапп, проложить 7 500 метров шестидюймового нефтепровода. Для этого в с. Салихово было привезено оборудование и материалы: трубы, колонки трапа, лес для временного помещения столовой и общежития [28].

Присутствующие в составе нефти Урало-Поволжья сера и минеральные соли в значительной степени ускорят износ промыслового оборудования, трубопровода и аппаратуры нефтеперерабатывающих заводов [5, с. 32]. В 1942 г. нефть перекачивали на завод с содержанием воды до 52% и солей до 65 625 мг/л. Ухудшалось качество нефти, поступающей на завод и с других месторождений. Это приводило к интенсивному отложению солей в трубах, змеевиках печей и в других аппаратах, вынуждало через каждые 2–3 дня останавливать установки для промывки. Кроме того, разложение солей в процессе переработки нефти приводило к выделению соляной кислоты, которая является сильным корродирующим агентом [2, с. 76].

Другой проблемой при эксплуатации трубопроводов была необходимость их очистки от отложений элементарной серы и сернистых соединений: «Поступающая нефть содержала значительное количество сероводорода и меркаптанов. Но еще

больше активных соединений серы образовывалось под влиянием высоких температур при переработке. Эти активные сернистые соединения приводили к интенсивной коррозии оборудования, трубопроводов и резервуаров» [2, с. 76]. За пять лет беспрерывной эксплуатации трубопроводов с Ишимбаевских месторождений очистка от серы стала важнейшей задачей. Группа работников треста, вместе с управляющим товарищем Коваленко, разработали новый способ очистки: «В самом трубопроводе устанавливается газовая горелка и подводится воздух от компрессора или воздуходувки. После того, как газопровод продут воздухом, зажигается газовая горелка и подается воздух. На противоположенном конце устанавливается вытяжная труба, через которую продукты горения выводятся из трубопровода» [11]. Данный метод по предварительной просушке трубопровода с последующим прожигом, позволил сэкономить несколько сотен тысяч рублей.

Важное внимание уделяли работе эксплуатационников, которые должны были бороться за сохранение нефти при транспортировке. Работники контролировали герметичность арматур скважин и нефтепроводов: «По капле нефть вытекает на землю. В час вытекает 60 капель, в сутки несколько килограммов с одной скважины» [23]. Кроме того, в результате протечек происходило загрязнение прилегающих площадей и оборудования нефтью, что в свою очередь увеличивало риски возникновения пожара.

Еще одна проблема обслуживания трубопроводов заключалась в необходимости применения обогрева резервуара и трубопровода с нефтью в зимнее время. При низкой температуре происходит загустение вязких нефтепродуктов и возникают сложности при сливо-наливных операциях, перекачке по нефтепроводу, отборах проб и других работах. В статье «Увеличим отбор продукции» говориться о таких видах потерь в зимнее время года: «Размораживание линий в резервуарном парке, разбалтывание линий, продувка их на большом расстоянии паром, неоднократный пуск и остановка установок в течении одного цикла работы, плохое состояние конденсаторов, переработка нестандартной продукции – все это является очагами громадных потерь» [27].

С целью оптимизации процесса работы нефтепровода на производственном совещании цеха №2 Уфимского НПЗ обсуждались материалы заводской комиссии по борьбе с потерями нефтепродуктов. Было отмечено, что за истекшие 5 месяцев 1942 г. потери по цеху в полтора раза превышают плановые. Для снижения производственных потерь было принято решение проводить следующие организационно-технические мероприятия: «1. Провести пар в резервуарные парки, отремонтировав соответствующим образом арматуру; 2. Добиться сокращения числа пуска и остановок установок до минимума, особенно зимой» [27].

Заводская и республиканская периодическая печать времен Великой Отечественной войны уделяла большое внимание людям труда. В прессе приводились примеры героического труда на предприятиях Башкирии, выпускались публикации о стахановцах, о последователях метода Е. Агаркова и других работниках. Многие бригады помимо выполнения завышенных производственных планов брались за выполнение дополнительных обязательств.

Например, рабочие 4-го промысла треста «Ишимбайнефть» после смены оставались на производстве для подготовки промысла к зиме, очистки его территории и сбора металлического лома. Нефтяники Ишимбая вносили в фонд обороны денежные суммы в счет погашения подписки на заем. Рабочие 1-го промысла треста «Ишимбайнефть» ежедневно после смены работали по 2-3 часа на укладке трубопроводов. Деньги, заработанные в сверхурочное время, они передали в фонд обороны [5, с.149]. Объявлялись социалистические соревнования между бригадами и предприятиями на выполнение месячных, квартальных и годовых производственных планов. Начальник планового отдела монтажно-строительной конторы Ишимбайского нефтяного завода тов. П. Семенов сообщал: «Сейчас коллектив, включаясь в предмайское соревнование, поставил своей целью добиться новых производственных успехов как в выполнении объемного плана, так и в снижении себестоимости продукции и строительства, экономии горючего и электроэнергии» [24].

Нефтезаводы Уфы и Ишимбая, за годы войны, увеличили в полтора раза переработку нефти. За успешное выполнение заданий Уфимский нефтеперерабатывающий завод был награжден Орденом Ленина [21, с. 9].

Выводы

Источниковая база исследований по истории развития нефтяной промышленности в Башкирии в годы Великой Отечественной войны состоит из архивных документов и периодических изданий предприятий и республики того времени. Несмотря на наличие ограничений допуска к публикациям целого перечня информации, из периодической печати можно извлечь много ценной информации относительно производственных процессов связанных с трубопроводным транспортом.

Исторические исследования охватывают широкий спектр социально-экономических, научно-технических, геологических вопросов по развитию нефтяной промышленности «Второго Баку». Ряд исследований посвящен вкладу башкирских нефтяников в Победу над нацизмом. Вопросы трубопроводного транспорта рассматривались фрагментарно, в контексте изучения общих вопросов нефтедобычи.

Транспортировка нефти и нефтепродуктов, особенно трубопроводным транспортом, являлась важнейшим фактором обеспечения армии в период Великой Отечественной войны. На основе проведенного исследования представляется очевидным, что трубопроводная транспортировка нефти в годы войны играла ключевую роль в стратегической логистике и поддержании экономической устойчивости страны. Был налажен выпуск труб, насосов и запчастей на заводе по производству нефтяного машиностроения им. Сталина. Обозначены основные технологические проблемы трубопроводной транспортировки нефти из месторождений до крекинг-завода. Решались технологические задачи по очистке отложений серы и сернистых соединений, соляной кислоты в трубах. Обеспечение обогрева нефти в трубопроводе в зимнее время года. А также обращалось внимание на работу эксплуатационников, которые контролировали герметичность арматур

скважин, нефтепровода. Проведены организационно-технические мероприятия по снижению потерь нефтепродуктов на всех этапах транспортировки по нефтепроводу.

Список использованных источников и литературы

1. Алдашова Е. Н. История становления нефтедобывающей отрасли на территории Башкирской АССР в 1930-х первой половине 1940-х годов // Вестник Челябинского государственного университета 2011. № 9(224). История. Вып. 44. С. 52–62.

Aldashova E. N. Istoriya stanovleniya neftedobyvayushchej otrasli na territorii Bashkirskoj ASSR v 1930-h pervoj polovine 1940-h godov // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta 2011. № 9(224). Istoriya. Vyp. 44. S. 52–62.

2. Бодрова Е. В., Калинов В. В. К истории становления нефтепереработки в Урало-Поволжье в годы Великой Отечественной войны // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 3(72). С. 72–84.

Bodrova E. V., Kalinov V. V. K istorii stanovleniya neftepererabotki v Uralo-Povolzh'e v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 3(72). S. 72–84.

3. Башкирская вышка: городское издание. Ишимбай, БАССР. Издавалась с 1932 по 1948 гг. Выходило 3 раза в неделю.

Bashkirskaya vyshka: gorodskoe izdanie. Ishimbaj, BASSR. Izdavalas' s 1932 po 1948 gg. Vyhodilo 3 raza v nedelyu.

4. Башкортостан на рубеже веков. История и современность: статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. – Уфа: Китап, 2007. – 256 с.

Bashkortostan na rubezhe vekov. Istoriya i sovremennost': statisticheskij sbornik / Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Bashkortostan. – Ufa: Kitap, 2007. – 256 s.

5. Будков А. Д., Будков Л. А. Нефтяная промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны / Под ред. И. Я. Вайнера. – М.: Недра, 1985. 248 с.

Budkov A. D., Budkov L. A. Neftyanaya promyshlennost' SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny / Pod red. I. Ya. Vajnera. – M.: Nedra, 1985. 248 s.

6. Валеева А.Ф. Торжество в годы войны: 25-летие Октябрьской революции в Башкирской АССР (по материалам газеты «Красная Башкирия») // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов. Сборник статей II Международной научной конференции. Казань, 2025. Издательство: Академия наук Республики Татарстан, Казань. С. 748–753.

Valeeva A.F. Torzhestvo v gody vojny: 25-letie Oktyabr'skoj revolyucii v Bashkirskoj ASSR (po materialam gazety «Krasnaya Bashkiriya») // Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg. v sud'bah narodov i regionov. Sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Kazan', 2025. Izdatel'stvo: Akademiya nauk Respubliki Tatarstan, Kazan'. S. 748–753.

7. Витенберг А. Нефтяное машиностроение в 1944 г. // Башкирская вышка. 1944. 15 дек. № 139(956).

Vitenberg A. Neftyanoe mashinostroenie v 1944 g. // Bashkirskaya vyshka. 1944. 15 dek. № 139(956).

8. Габбасова К. Р. Радио и печать Башкирии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. Т. 10. № 3. С. 196□203. DOI: https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-196-203.

Gabbasova K. R. Radio i pechat' Bashkirii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. YUridicheskie nauki». 2024. T. 10. № 3. S. 196–203. DOI: https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-196-203.

9. Гималетдинова Э. Р. Нефтедобывающая и нефтепереабатывающая промышленность Республики Башкортостан в годы Второй мировой войны. // Электронный научный журнал «Нефтегазовое дело». 2015. № 2. С. 24–35. Режим доступа: https://ogbus.ru. (Дата обращения: 13.07.2025 г.)

Gimaletdinova E. R. Neftedobyvayushchaya i neftepereabatyvayushchaya promyshlennost' Respubliki Bashkortostan v gody Vtoroj mirovoj vojny. // Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Neftegazovoe delo». 2015. № 2. S. 24- 35. Rezhim dostupa: https://ogbus.ru/. (Data obrashcheniya: 13.07.2025 g.)

10. Губкин И. М. Урало-Волжская нефтеносная область (Второе Баку). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940. 138 с.

Gubkin I. M. Uralo-Volzhskaya neftenosnaya oblast' (Vtoroe Baku). M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1940. 138 s.

11. Демидов С. Новый способ очистки газопроводов уложенных в земле // Башкирская вышка. 1944. 19 ноября. № 130(947).

Demidov S. Novyj sposob ochistki gazoprovodov ulozhennyh v zemle // Bashkirskaya vyshka. 1944. 19 noyabrya. № 130(947).

12. За боевые темпы: общественно-политическая газета коллектива Уфимского нефтеперерабатывающего завода. Уфа. Издавалась с 1936 по 1998 гг. Выходила 1 раз в неделю.

Za boevye tempy: obshchestvenno-politicheskaya gazeta kollektiva Ufimskogo neftepererabatyvayushchego zavoda. Ufa. Izdavalas' s 1936 po 1998 gg. Vyhodila 1 raz v nedelyu.

13. Зайнетдинов Э. А. Нефть Победы. Уфа: Юша, 2016. 201 с.

Zajnetdinov E. A. Neft' Pobedy. Ufa: YUsha, 2016. 201 s.

14. Зиязетдинов Р. М. Нефтянники Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии наук. 2010. Т. 15. № 2. С. 35–41.

Ziyazetdinov R. M. Neftyanniki Bashkirii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Vestnik Akademii nauk. 2010. T. 15. № 2. S. 35–41.

15. Зиязетдинов Р. М. Нефтедобывающая промышленность Башкирской АССР (1930–1991 гг.) / Р. М. Зиязетдинов. – Уфа: АН РБ, Гилем, 2010. – 376 с.

Ziyazetdinov R. M. Neftedobyvayushchaya promyshlennost' Bashkirskoj ASSR (1930–1991 gg.) / R. M. Ziyazetdinov. – Ufa: AN RB, Gilem, 2010. – 376 s.

16. Иванов А. И., Никишин А. А., Макаренко О. А. Трубопроводный транспорт России конца XIX – начала XX века // Транспорт и хранение нефтепродуктов и углеводородного сырья. 2016. № 4. С. 67–69.

Ivanov A. I., Nikishin A. A., Makarenko O. A. Truboprovodnyj transport Rossii konca XIX – nachala XX veka \\ Transport i hranenie nefteproduktov i uglevodorodnogo syr'ya. 2016. № 4. S. 67–69.

17. Из справки отдела нефтяной промышленности Башкирского обкома ВКП(б) о производственных успехах предприятий нефтяной промышленности. Март. 1942 г. // Документы мужества и героизма. Башкирская АССР в период Великой Отечественной войны: док. и матер. – Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1980. С. 56.

Iz spravki otdela neftyanoj promyshlennosti Bashkirskogo obkoma VKP(b) o proizvodstvennyh uspekhah predpriyatij neftyanoj promyshlennosti. Mart. 1942 g. // Dokumenty muzhestva i geroizma. Bashkirskaya ASSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny: Dok. i materialy. – Ufa: Bashkir. kn. izd-vo, 1980. S. 56.

18. Кисилев Т.А. Снизить содержание солей в сырье до 100 мг/литр // За боевые темпы. 1942. 30 мая.

Kisilev T. A. Snizit' soderzhanie solej v syr'e do 100 mg/litr // Za boevye tempy. 1942. 30 maya.

19. Мартынов В. Г., Голунов Н. Н. Нефтегазовые вехи Великой Победы: малоизвестные истории Великой Отечественной войны // Электронный журнал «Neftegaz.RU». 2020. № 3,5. Апрель. Режим доступа: https://magazine.neftegaz.ru/articles/nefteservis/543122-neftegazovye-vekhi-velikoy-pobedy-maloizvestnye-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny/ (дата обращения 8.03.2025.)

Martynov V. G., Golunov N. N. Neftegazovye vekhi Velikoj Pobedy: maloizvestnye istorii Velikoj Otechestvennoj vojny // Elektronnyj zhurnal «Neftegaz.RU». 2020. № 3,5. Aprel'. Rezhim dostupa: https://magazine.neftegaz.ru/articles/nefteservis/543122-neftegazovye-vekhi-velikoy-pobedy-maloizvestnye-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny/ (data obrashcheniya 8.03.2025.)

20. Мастобаев Б. Н. История применения химических реагентов и технологий в трубопроводном транспорте нефти и нефтепродуктов : автореферат дис. на соиск. ученой степ. доктора технических наук : 07.00.10, 02.00.13 / Уфим. гос. нефтяной техн. ун-т. – Уфа, 2003. 50 с.

Mastobaev B. N. Istoriya primeneniya himicheskih reagentov i tekhnologij v truboprovodnom transporte nefti i nefteproduktov : avtoreferat dis. na soisk. uchenoj step. doktora tekhnicheskih nauk : 07.00.10, 02.00.13 / Ufim. gos. neftyanoj tekhn. un-t. - Ufa, 2003. 50 s.

21. НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 1719. Предметно-тематический указатель. Ф. 122. Оп. 21. Д. 23. Л. 3.

NA RB – Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan. F. 1719. Predmetno-tematicheskij ukazatel'. F. 122. Op. 21. D. 23. L. 3.

22. Нефть СССР (1917−1987 гг.) / Апапович Ю.Г., Байбаков Н. М., Берлин М. А. и др. Под ред. Динкова В. А. – М.: Недра, 1987. – 384 с.

Neft' SSSR (1917−1987 gg.) / Apapovich YU.G., Bajbakov N. M., Berlin M. A. i dr. Pod red. Dinkova V. A. – M.: Nedra, 1987. – 384 s.

23. Пономарев В. Нефтяная капля. // Башкирская вышка. 1945. 2 марта. № 23(1984).

Ponomarev V. Neftyanaya kaplya. // Bashkirskaya vyshka. 1945. 2 marta. № 23(1984).

24. Семенов П. Монтажники в предмайском соревновании // Башкирская вышка. 1945. 22 апреля. № 43(2004).

Semenov P. Montazhniki v predmajskom sorevnovanii // Bashkirskaya vyshka. 1945. 22 aprelya. № 43(2004).

25. Страницы истории ОАО Урало-Сибирские магистральные нефтепроводы им. Д. А. Черняева / Под. ред. Р. Р. Набиева. Уфа: Слово, 1998. С. 33-40.

Stranicy istorii OAO Uralo-Sibirskie magistral'nye nefteprovody im. D. A. Chernyaeva / Pod. red. R. R. Nabieva. Ufa: Slovo, 1998. S. 33-40.

26. Тыл Вооруженных Сил в документах / М-во обороны РФ. – М.: Воентехлит, 2000. – 720 с., ил.; ISBN 5-900053-021-3.

Tyl Vooruzhennyh Sil v dokumentah / M-vo oborony RF. – M.: Voentekhlit, 2000. – 720 s., il.; ISBN 5-900053-021-3.

27. Увеличим отбор продукции // За боевые темпы. 1942. 11 июля. № 18(586).

Uvelichim otbor produkcii // Za boevye tempy. 1942. 11 iyulya. № 18(586).

28. Успешно завершить 1-й квартал 1945 года // Башкирская вышка. 1945. 31 янв. № 11(1972).

Uspeshno zavershit' 1-j kvartal 1945 goda // Bashkirskaya vyshka. 1945. 31 yanv. № 11(1972).

29. Уткин В. Салиховскую нефть – стране. // Башкирская вышка. 1945. 31 янв. № 11(1972).

Utkin V. Salihovskuyu neft' – strane. // Bashkirskaya vyshka. 1945. 31 yanv. № 11(1972).

30. Экономика Победы / Энергия Великой Победы: [о героическом труде энергетиков в период Великой Отечественной войны: сборник] / Минэнерго России. – М.: Экспертус, 2015. – 494, [2] с.: ил., портр., факс.; 22 см. – Библиогр.: с. 489-494 (129 назв.). С. 245–496. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.gubkin.ru/university_life/pobeda-75/energiya_Velikoy_Pobedy.pdf (дата обращения: 13.07. 2025 г.)

Ekonomika Pobedy / Energiya Velikoj Pobedy: [o geroicheskom trude energetikov v period Velikoj Otechestvennoj vojny: sbornik] / Minenergo Rossii. – Moskva: Ekspertus, 2015. – 494, [2] s.: il., portr., faks.; 22 sm. – Bibliogr.: s. 489–494 (129 nazv.). S. 245–496. Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa: https://www.gubkin.ru/university_life/pobeda-75/energiya_Velikoy_Pobedy.pdf (data obrashcheniya: 13.07. 2025 g.)

Khuzakhmetova G. N., Rakhimov R. N., Garipova Z. F. Problems of oil transportation in Bashkir ASSR during the Great Patriotic War reflected in factory media and the newspaper «Krasnaya Bashkiriya»

This study examines the significance of transportation infrastructure, particularly pipeline transport, during World War II using the example of Bashkir ASSR. Historical facts are presented regarding the establishment of a unified center for managing the oil industry ("Bashneftekombinat") and the development of pipeline transport in the region. It is noted that the pipeline system played a crucial role in supplying fuel to frontline areas and rear regions, although its capacity often proved insufficient. The necessity of further

studying the history of pipeline transport during wartime is justified, emphasizing the importance of archival materials and publications from those years. Prospects for deeper analysis of the role of the region's oil industry in the Soviet people's victory are described, highlighting the lack of attention paid to pipeline transport in modern studies. It becomes evident that there is a need to expand research in the field of pipeline transport during World War II, drawing attention to issues of informational secrecy and difficulties in processing large amounts of material. This study has significant implications for understanding the contribution of Bashkortostan's oil industry to the victory of the Soviet Union and emphasizes the uniqueness of local resources and technologies for oil transportation.

Keywords: pipeline transport, Great Patriotic War, oil industry, refinery, throughput capacity, transportation networks, newspapers, oil fields.

УДК 069.01

DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18679596

НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЭКСПОЗИЦИИ КАК ОСНОВА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА (ДОМ-МУЗЕЙ И. А. КУСКОВА В ТОТЬМЕ) [1]

Черкаева О. Е.

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: cherkaeva.o@rggu.ru

Рощук А. И.

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: alexandra.roshchuk@gmail.com

Социокультурное проектирование как знак времени становится важной составляющей музейной деятельности, одновременно классическая музейная работа, такая как подготовка и создание музейной экспозиции, нередко отдается на откуп приглашенным исполнителям, игнорирующим сложившуюся отечественную практику и соответствующую этапам подготовки экспозиции документацию. Представлен в контексте развития музея как социокультурного института генезис формирования научной документации, сопровождающей процесс создания экспозиции с акцентом на научную концепцию экспозиции и показать, что она не утратила своей актуальности до настоящего времени. Сочетание традиций и инноваций, на которые опираются два действующих субъекта – научный коллектив Тотемского музейного объединения и студенты двух первых в стране кафедр по подготовке музейщиков (Москва и Петербург) – позволило рассмотреть научную концепцию экспозиции как основу социокультурного проекта и представить ключевые этапы её разработки на конкретном примере. Проведен анализ современных музейных тенденций, учтены требования модельного стандарта деятельности муниципального краеведческого музея и специфика муниципальных мемориальных музеев. В статье представлен опыт разработки научной концепции экспозиции дома-музея И. А. Кускова, выполненной участниками II Летнего студенческого музеологического лагеря на базе Тотемского музейного объединения Вологодской области. Важный акцент сделан на социокультурных аспектах проекта, включая постановку задач и подходы к их решению музейными методами. На основании проведенного анализа предложены рекомендации, направленные на повышение качества и эффективности работы над концепциями музейных экспозиций, рассматриваемых как социокультурные проекты.

Ключевые слова: научная концепция экспозиции, социокультурный проект, дом-музей И. А. Кускова, Тотьма, II Летний студенческий музеологический лагерь

Музейная экспозиция в сознании посетителей соответствует понятию музей, не только ассоциируется с ним, но и является его синонимом, что вполне объяснимо с точки зрения истории музея и его специфики как места демонстрации предметов. Формирование и развитие музея как социокультурного института, зародившегося в эпоху

[1] Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Экспозиционно-выставочная деятельность в музее: концепции, процессы, технологии».

Возрождения, обусловлено на протяжении последующих столетий степенью открытости коллекций для осмотра публики. Иными словами, музей появляется тогда, когда владелец коллекции принимает решение показать ее определённому кругу посетителей, расширяющемуся по мере линеарного развития времени, и достигающего апогея в современном обществе.

Характеризуя экспозицию как «целостную предметно-пространственную систему, в которой музейные предметы и другие экспозиционные материалы объединены единым (научным и художественным) замыслом» [19, с. 308], отметим, что все элементы приведенного выше определения были присущи экспозиции изначально, с момента появления музеев, на каждом этапе исторического развития соответствующие своему времени. То есть при показе всегда было задано как определённое пространство, так и конкретные предметы, размещенные в нем согласно научным и эстетическим представлениям этого времени.

Вопрос о том, какой музей можно считать первым в истории музейного дела, остается открытым, но именно программа демонстрации предметов, концепция их отбора и показа позволяет большинству исследователей назвать первым музеем Галерею Уффици во Флоренции. Основанием для этого послужило концептуальное оформление зала Трибуна, работы над которым начались в 1584 г. (продолжались 3 года). В Трибуне были представлены самые ценные предметы коллекции рода Медичи – картины, скульптуры, медали, камеи и т.д. Зал, расположенный под куполом, символизировал Вселенную, а элементы его оформления – Воздух, Воду, Огонь и Землю [11, с. 104–105].

Однако еще в 1570-е годы в замке Амбрас недалеко от Инсбрука (соврем. Австрия) появился целый музейный комплекс – эрцгерцог Фердинанд Тирольский распорядился построить Нижний замок как «Musaeum», в помещениях которого размещались различные собрания, представленные в соответствии с задуманной содержательной программой [31]. В Кунсткамере предметы, удивлявшие чудесами природы и гениальностью человека, большей частью были классифицированы по материалу и показаны в специальных шкафах-витринах; в Оружейной палате военных героев (существовало несколько Оружейных палат) были представлены доспехи, вооружение и портреты самых выдающихся воинов своего времени. Во всех помещениях большое значение эрцгерцог уделял эстетическому оформлению выставленных предметов – их пространственному расположению, цветовому сопровождению и даже освещению [9, с. 15].

Важным этапом в развитии музея как социокультурного института и концепции экспонирования стало возникновение в начале XIX века специальных музейных зданий, спроектированных в качестве целостной содержательной и художественной концепции для конкретных собраний. Возникает понятие «музейная архитектура», связанное, прежде всего с именами немецких архитекторов – Карла Фридриха Шинкеля (1781–1841), Лео фон Кленце (1784–1864), создавших канонический тип европейского музейного здания XIX века. Второй важнейший составляющей принципов экспонирования на протяжении XIX в. становится профилизация наук, определяющая научную концепцию показа в музеях и возросшую в обществе роль ученых. В Королевском музее в Берлине (ныне – Старый музей, арх. К. Ф. Шинкель) впервые в основу структуры экспозиции в полной мере были положены принципы новой науки – истории искусства. Целью музея было «просветить

публику по части истории искусств, как ее понимали немецкие ученые-искусствоведы» [29, с. 50]. Эта установка относится в XIX в. к музеям разных профилей.

Количественный рост музеев на рубеже XIX – XX вв. приводит к появлению музейной профессии, созданию музейных союзов, специальных музейных журналов, в которых активно обсуждаются вопросы экспозиции.

В отечественном музейном деле вопросом создания экспозиции уделяется особое внимание после революции 1917 года, что связано с созданием нового государства на основе новой идеологии. На всем протяжении существования советского государства в музейном деле вырабатывались принципы, методы, методика построения экспозиции, форма документации, фиксирующая весь процесс создания экспозиции, появляется большой комплекс специальной литературы, посвященной этой задаче. Актуальные вопросы построения экспозиционной работы регулярно обсуждались на страницах журнала «Советский музей».

Среди классиков советской экспозиционной мысли такие имена, как Федор Иванович Шмит (1877–1937) [30], Анна Ивановна Михайловская (1901–1992) [16], Анна Борисовна Закс (1899–1996) [5; 6]. В значительной степени благодаря их деятельности, как и работе многих других экспозиционеров-практиков формируется система документации, отражающая процесс подготовки экспозиции от идеи до реализации.

Порядок работы над экспозицией в тандеме с художниками официально зафиксировал приказ Министерства культуры РСФСР № 240 от 12 мая 1985 г. и Правления Союза художников РСФСР № 139 от 11 мая 1985 г. [21]. Согласно приказу, разработка содержания экспозиции включает 3 этапа – научную концепцию, расширенную тематическую структуру, разработку тематико-экспозиционного плана; каждому этапу научной работы соответствуют этапы архитектурно-художественного проектирования – генеральное решение, эскизный проект, техно-рабочая документация. Развернутое описание работы над научной подготовкой и архитектурно-художественным решением экспозиции, данное к краткой форме в вышеупомянутом приказе, представлено в учебнике «Музееведение. Музеи исторического профиля», написанного в 1988 г. научными коллективами сотрудников двух национальных исторических музеев – Музея немецкой истории (Берлин) и Государственного Исторического музея (Москва) под руководством основоположника отечественного музееведения Авраама Моисеевича Разгона [17].

В связи со сменой политической парадигмы в постсоветское время вопросам построения экспозиция отводится особое место. Ведущий научно-исследовательский и методический центр в области музейного дела – Российский институт культурологии – инициирует в 1990-е годы издание научных трудов, посвященных музейной экспозиции. Особое место занимает сборник научных трудов, изданных в серии «На пути к музею XXI века», в котором теоретики и практики выявляет тенденции в экспозиционной деятельности и предлагают новые сценарии и концепции [18]. Среди авторов сборника – имена наших современников, труды которых до настоящего времени служат ориентиром для экспозиционеров: Мария Терентьевна Майстровская [10; 11; 18], Мария Елисеевна Каулен [7; 8; 18], Тарас Пантелеймонович Поляков [18; 23].

В 2001 г. в институте издан фундаментальный труд – «Российская музейная энциклопедия» [25], где подведены итоги развитию отечественного музейного дела за 200

лет. Блок статей посвящен музейной экспозиции. Благодаря трудам специалистов, их осмыслению процесса подготовки экспозиции вырабатывается система документации, сопровождающая этот процесс, которая может варьироваться в зависимости от масштаба, профиля, подчинённости музея и целого ряда других факторов. В контексте нашей темы мы опираемся на один документ – **научную концепцию экспозиции**. В энциклопедии научная концепция определяется как основной документ при разработке музейной экспозиции, который содержит «изложение основ экспозиционного замысла и научную трактовку темы экспозиции», «создается на основе исследований в области музееведения и профильных научных дисциплин…содержит аналитическую и проектную части» [20]. В 2003 г. выходит в свет коллективная монография «Музейное дело России» [19], где вопросам экспозиции посвящен отдельный раздел и рассмотрен процесс ее научной подготовки. Автор текста, крупнейший теоретик и экспозиционер-практик музейного дела М. Е. Каулен, предлагает следующее содержание научной концепции экспозиции [19, с. 308]: формулировка и обоснование темы; исследование источниковой базы по теме, материалов, хранящихся в фондах музея и других хранилищах; анализ степени научной разработки темы; задание на создание плана комплектования; определение будущего посетителя; выбор основных принципов и методов построения экспозиции; анализ помещения; определение экспозиционных тем и маршрута, ведущих экспонатов или комплексов; требования к архитектурно-художественному решению; место экспозиции в системе экспозиций музея и среди экспозиций музея аналогичного профиля.

Структура и содержание научной концепции экспозиции как основного документа была положена в основу работы студентов II Летнего студенческого музеологического лагеря на базе Тотемского музейного объединения (далее – ТМО) Тотемского района Вологодской области при подготовке концепции экспозиции дома-музея И. А. Кускова. Однако в данном случае процесс разработки научной концепции отличается от классического варианта и имеет ряд специфических черт:

1) по сути, он представляет собой проект в рамках Летнего студенческого музеологического лагеря, объединившего студентов двух первых кафедр в стране, открывшихся для подготовки музейных кадров. Обе кафедры – в Ленинградском государственном институте культуры и в Историко-архивном институте в Москве – были основаны в 1988 году и на протяжении почти 40 лет обеспечивают сотрудниками не только музеи Москвы и Санкт-Петербурга, но и различных регионов страны. Студенты, составившие коллектив лагеря, изучают курсы по истории музейного дела, проектированию экспозиций и выставок, соответственно, включены в контекст отечественной и зарубежной музейной практики, знакомы с процессом развития музея и с эволюцией экспозиционной мысли в трудах отечественных музееведов, упомянутых во вступительной части данной статьи. Автором концепции выступают не сотрудники музея и не приглашённые со стороны специалисты-проектировщики, как в классическом варианте разработки концепции, а студенты-музеологи, будущие музейные сотрудники, включившиеся в музейную практику на этапе обучения;

2) в качестве заказчика концепции выступает научное руководство ограниченного в ресурсах муниципального музея, активно использующего для реализации своих проектов финансовую поддержку грантообразующих фондов. Следовательно, разработанная

студентами концепция должна соответствовать форме грантовой заявки и стать основой социокультурного проекта музея. Кроме того, директор и ученый секретарь Тотемского музея принимали участие в разработке «Методических рекомендаций по модернизации муниципальных музеев на основе модельного стандарта деятельности муниципального краеведческого музея», поэтому логично, что новый проект экспозиции музея И. А. Кускова должен был учитывать содержание основополагающего документа для муниципальных музеев нашей страны, становясь примером для других муниципальных музеев в плане использования основ стандарта.

3) научная концепция экспозиции, являясь в классическом варианте основным документом для реализации экспозиций, в нашем случае становится основой социокультурного проекта. Под социокультурным проектированием в данной статье понимается «специфическая технология, представляющая собой конструктивную, творческую деятельность, сущность которой заключается в анализе проблем и выявлении причин их возникновения, выработке целей и задач, характеризующих желаемое состояние объекта (или сферы проектной деятельности), разработке путей и средств достижения поставленных целей» [13, с. 12].

В результате подготовки научной концепции музея И. А. Кускова реализуется два проекта – студенческий в рамках Летнего музелогического лагеря (реализован) и музейный (подготовлен), поскольку им присущи ключевые характеристики социокультурного проекта, такие как «инновационность, командная работа и вовлеченность, осознанность и целеполагание, практическая направленность, решение проблемы и ориентация на целевую аудиторию, укорененность в настоящем и ориентация на будущее, ценностная составляющая» [2].

Рассмотрим основные этапы работы над научной концепцией экспозиции музея, опираясь на опыт, сложившийся в отечественном музейном деле, исходя из анализа современных музейных тенденций, требований модельного стандарта деятельности муниципального краеведческого музея, специфики муниципального мемориального музея, а также подхода к созданию экспозиции как к социокультурному проекту.

Этапы работы

1 этап. Знакомство с музеем. Постановка цели и задач руководством музея перед командой лагеря

Дом-музей Ивана Александровича Кускова – мемориальный музей мореплавателя, исследователя Аляски и основателя крепости Росс в Калифорнии, входящий в состав Тотемского музейного объединения. Дом-музей был открыт в 1990 году в здании XIX века, объекте культурного наследия регионального значения, где, по одной из версий, провел последние дни своей жизни по возвращении на родину И. А. Кусков. Цель, поставленная перед командой участников лагеря руководством ТМО, формулировалась как создание «нового музея» (по сути, новой экспозиции) с учетом следующих вводных:

здание дома-музея подготовлено к ремонту, после которого руководство музея не считает возможным возвращать в здание прошлую экспозицию, так как она практически не менялась с 1990-х годов и требует обновления. Команда должна проанализировать не

только существующие фонды и первоначальную экспозицию, но и изучить современные источники и литературу по теме для создания экспозиции на новом научном уровне;

ТМО – муниципальный музей с ограниченным ресурсом в финансировании и кадрах, но постоянно ищущий возможности для развития и обновления. Поэтому сотрудники стараются использовать проектный метод в своей работе, что позволяет при существующих вводных участвовать в грантовых программах и реализовывать задуманные проекты. Новая концепция музея должна соответствовать требованиям формы заявки на грант: отвечать задачам социокультурного проекта, быть реализуемой в рамках возможного бюджета и иметь дальнейшие перспективы развития;

ТМО находится на стадии изменений и концепций других своих музеев. Идет работа над экспозицией «Краеведческого музея», планируется переезд и изменения в «Музее мореходов». Таким образом, обновленную концепцию требовалось рассматривать в контексте общего видения музеев Тотемского объединения и учитывать будущие изменения;

концепция музея должна быть ориентирована на разные целевые аудитории, у каждой из которых должна быть возможность самостоятельного осмотра без привлечения экскурсовода.

2 этап. Сбор материалов и аналитика

На основании полученных вводных, источников и литературы, предоставленных ТМО, команда определилась со своим видением цели и задач, которым должен соответствовать обновленный музей.

Для разработки единой концептуальной идеи и цели новой экспозиции музея требовалось проанализировать: предметный состав первой экспозиции и фонды ТМО; методические рекомендации к экскурсии по дому-музею Кускова; используемые ранее и новые источники и литературу по теме; планировочные решения, архитектуру и прилегающую территорию дома-музея; позиционирование музеев ТМО – миссия и концепция каждого музея, входящего в состав объединения; мнения посетителей дома-музея; актуальные проблемы жителей города, на решение которых может быть направлена новая экспозиция музея.

Анализ фондов ТМО показывает, что в коллекции музея, к сожалению, имеются единицы экспонатов, связанных с именем И. А. Кускова (они представлены в экспозиции), также практически не осталось вещей, связанных с Российско-американской компанией, а немногочисленные предметы, имеющие отношение к крепости Росс, в основном привезены представителями индейского племени Кашайя Помо в 2000-е годы, во время их дружественного визита в Тотьму – на родину почитаемого ими И. А. Кускова.

Тема мореходства XIX века и «Русская Америка» в целом – важная часть исторического наследия и самоидентификации города, об этом свидетельствуют и несколько музеев в Тотьме, посвященных данной теме («Музей мореходов», «Дом-музей Ивана Кускова» и «Усадьба Холодиловых»), а также активная выставочная, издательская и исследовательская деятельность ТМО, посвященная данной тематике. При этом система и общая структура, в которую выстраивались бы все музеи по теме мореходства, взаимодополняя друг друга, как и критерии отбора предметов, определяющие особенности той или иной экспозиции в них, четко не прослеживаются. Соответственно, одной из задач

для исполнителя стало **определение места темы мореходства** в системе культурного и исторического наследия города, а также в общей концепции и стратегии развития ТМО.

Собственно здание музея и окружающая его территория также стали важной основой для разработки концепции. Одноэтажный деревянный дом с четырьмя залами и небольшим общественным пространством повлиял на размещение тематических блоков. Команде стало очевидно, что для быстрого погружения посетителей в контекст и успешной работы с ними, а также реализации задачи самостоятельного осмотра, требуется использование всего внутреннего пространства и экстерьерной части дома, как и примыкающего к нему небольшого сада.

Именно реализация ***возможности самостоятельного осмотра*** посетителями стала одним из фокусов при работе над концепцией экспозиции. Четко сформулированный запрос от руководства ТМО на самостоятельный осмотр музея также подтвердился данными из открытых источников. Так, на сайте Tripadvisor оставлено 18 положительных отзывов, при этом гости отмечают: «музей может быть интересен только с экскурсионным обслуживанием» [4].

Аналогичные отзывы мы видим на портале Яндекс.Карты, где гости также рекомендуют взять экскурсию: «экспонаты музея не дадут и толики представления об удивительных путешествиях вологодских купцов в Новый Свет» [27].

Аудиторию музея в целом можно разделить на два основных блока – это местные жители (около 8 000 городских жителей и 13 000 сельских) [22] и туристы (138 218 чел. за 2022 год) [24]. Небольшим мемориальным музеям сложно работать на постоянное привлечение местных жителей, у них нет возможностей частой смены экспозиции или проведения больших выставочных проектов, также для них характерно отсутствие традиции регулярного посещения. Основной подход в коммуникации со зрителем для мемориальных музеев – это личные истории: «Коммуникация на уровне межличностного общения, где одним из субъектов является посетитель, а другим – человек иной эпохи, иной культуры, более или менее отдаленной от нашей во времени, выводит восприятие музейной экспозиции на иной эмоциональный уровень, рождает возможность не только усвоения информации или даже «погружения» в эпоху, но активного сопереживания» [7, с. 223]. Мемориальные музеи всегда именно «погружают» посетителя в особом пространстве в жизнь мемориуемой личности, вызывая сопереживания с ее судьбой благодаря раскрытию ее внутреннего мира. Как отметил К. Хадсон, характеризуя Музей Давида д'Анже[1]: «Два великих достоинства этого замечательного музея таковы: во-первых, он с одинаковой силой обращается как к нашему интеллекту, так и к нашим чувствам; во-вторых, стараясь дать ответ на любые возможные вопросы о Давиде д'Анже, он уравнивает в правах несведущего посетителя и знатока» [29, с.156].

Для погружения в специфику города и определения проблематики командой проекта были изучены результаты ранее проведенных исследований на темы «Брендинг Тотьмы», «Социальное самочувствие жителей г. Тотьма в контексте муниципального развития» и «Потенциал активного общества в Тотемском районе: социальная структура и

[1] Музей не является в полном смысле мемориальным, так как мемориальные предметы представлены в немемориальном пространстве.

перспективы развития», а также проведены интервью с жителями города – лидерами мнений.

3 этап. Постановка задач для новой экспозиции и поиск идеи

Миссия музея заключается в генерировании культуры настоящего и будущего на основе сохранения, и актуализации наиболее ценной части всех видов наследия [15]. Иначе говоря, наследие включается «в современную культуру путем активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации» [1]. В Манифесте Союза музеев России «Музей прямо сейчас. 2025» подчеркнуто, что к музею как хранителю и транслятору культурного кода нации «современность обращается за поддержкой, примерами и образцами» [12]. Музей реагирует на потребности общества, отвечая на запрос всей своей деятельностью, но, что особенно важно для нас в контексте данной работы, прежде всего экспозиционно-выставочной.

В «Модельном стандарте деятельности муниципального краеведческого музея» также указано, что музеи должны стать «центрами исторической памяти и формирования на этой основе локальной идентичности, должны внести вклад в формирование привлекательного образа своих территорий и поселений, необходимого в том числе для экономического и социокультурного развития регионов» [14]. Соответственно, концепция и основная идея экспозиции должна отвечать критерию общественной пользы и значимости, связывать прошлое, настоящее и будущее региона, иметь возможность постоянно развиваться вместе с городом.

Изученные материалы и полученные данные позволили команде определить основную проблематику, с которой мог бы работать дом-музей: недостаток инфраструктуры и организованного досуга для жителей, особенно молодежи; нехватка пространств для самореализации (творческой, социальной); потребность в реализации права на активное участие в преобразование города и работы с собственным наследием; непонимание привлекательности города и возможностей для реализации среди молодежи. При этом важно отметить, что жители Тотьмы гордятся своим прошлым и героями-мореплавателями, и считают, по словам участников интервью, общими качествами тотьмичей авантюризм, упорство в движении к цели, социальную ответственность и сплоченность.

Новая концепция музея, согласно видению проектной команды, должна актуализировать память об Иване Александровиче Кускове и тотемских мореходах (местным жителям известно имя Кускова, но мало кто знает, в чем заключается его вклад в отечественную историю), связать его деятельность с настоящим современного города, вовлечь жителей в работу с наследием, и через него показать перспективы города и возможности для его развития. Эти задачи помог решить фокус на личности Ивана Александровича Кускова и его ценностях, на тех чертах характера и особенностях, которые тотьмичи для себя считают общими и чрезвычайно актуальными в настоящее время: ответственность, любовь к своему городу, сплоченность, желание сделать и оставить после себя что-то значимое. Для музея И. А. Кускова также важно было предложить возможности дальнейшего пополнения фондов, концепцию совместного с местным сообществом комплектования, чтобы в развитии музей мог рассказывать историю и других значимых для города жителей, которые меняли его к лучшему.

Соответственно, предлагаемая концепция должна включать не только отдельные мероприятия по привлечению посетителей и работе с ними, но и последовательную стратегию их вовлечения в постоянную работу, в непрерывное взаимодействие с музеем и наследием, для реализации которой необходимо выделение отдельного пространства внутри музея. Речь идет об общественном пространстве для проведения встреч с посетителями, общения, игр, интервью и пр.; идеальный вариант, если в этом пространстве существуют возможность сделать выставку.

4 этап. Формулирование основных положений для новой экспозиции

Общую идею экспозиции требовалось выстроить через последовательный сценарий, начиная от истории и значения мореходства для города, переходя к основным этапам биографии И. А. Кускова, завершая экспозицию рассказом о личности Ивана Александровича и связи поколений. Учитывая состав коллекций музейного фонда ТМО и отсутствие в нем мемориальных предметов, основная задача заключалась в отборе таких предметов и материалов, которые могли бы выстроиться в визуальный ряд, максимально полно раскрывающий главную идею. Для этого сформулировано несколько важных положений:

позиционирование дома как самостоятельного мемориального объекта, который с 1900-х годов занимает важное место в жизни города,

каждый зал посвящается одной общей теме, внутри которой раскрываются несколько тематических блоков,

предложенные экспонаты должны обладать информативностью и аттрактивностью, при этом их нужно отбирать для экспонирования и собирать в комплексы таким образом, чтобы 1) у сотрудников музея была возможность работать с несколькими уровнями информации, 2) у посетителей возможность самостоятельно считывать соответствующий их подготовке уровень информации,

в экспозиции необходимо оставить пространство и возможность для организации небольших тематических выставок.

5 этап. Выбор аудитории и стратегия работы с посетителем

Общепринятое разделение посетителей музея по социально-демографическим признакам не дало бы понимания того, как выстраивать работу с аудиторией и какие возможности ей открывает новая экспозиция. Поэтому будущих посетителей команда проекта разделила по *принципу мотивации.* В соответствии с данным принципом выявляются следующие условные группы: *искатели опыта* (в основном упор на индивидуальных туристов); *исследователи* (в большей степени дети и молодежь – местные жители), *посредники* (родители, городские жители серебряного возраста – местные жители).

Для ***искателей опыта*** требовалось предложить:

понятную навигацию, начиная от поиска музея в городе;

возможность самостоятельного осмотра, включая понятные тексты, погружающие не только в исторический контекст, но и выявляющие связи прошлого с настоящим сегодняшнего города;

интересные и яркие мероприятия, для участия в которых туристам захотелось бы приехать в музей;

возможность ознакомления с новыми музейными практиками, которые, возможно, пробудили бы интерес к повторному возвращению в музей.

Исследователей предлагается вовлечь в деятельность музея через игру и организованные формы досуга, которые давали бы пространство для творческой самореализации. Для ***посредников*** выделяется площадка для общения, самодокументирования, то есть возможность поделиться своим опытом и историями. Последние две целевые аудитории (исследователи и посредники) – основа музея. Это местные жители, которые через взаимодействие с музеем могут прочувствовать свою ответственность за наследие города и ощутить собственный вклад в его сохранение.

Экспозиция каждого зала музея подводит к теме наследия и связи поколений, которая раскрывается в последнем зале. Здесь предполагается решить основные задачи по вовлечению посетителей в деятельность музея и культурную жизнь города через партиципаторные проекты. Основываясь на формах партиципации, описанных в книге «Партиципаторный музей» Ниной Саймон [26, с. 24], зал предполагается разделить на три пространственные зоны и, соответственно, три способа взаимодействия с посетителями по видам партиципаторных практик: документирование, комплектование, кураторство. В каждый из проектов по трем видам практик жители могут вовлекаться постепенно, увеличивая свое присутствие в музее. Также данный способ поможет музею постоянно развиваться и меняться, оставаться интересным для местного населения.

Первый вид партиципаторных практик – сменные выставки, построенные на основе устной истории, представляющей собой «практики научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами» [28].

Опираясь на концепцию Pro-Am – профессионалы (professionals) и любители (amateurs) [3, с. 51], мы предлагаем два проекта по сбору и фиксации недавней истории совместно с жителями города:

«Культурный обмен» – записанные истории местных жителей о посещении Тотьмы делегацией индейцев американского племени кашайя. В основе выставки – аудиоинтервью, дополненные предметным рядом из подарков племени (Например, сувенир «Ребенок племени Кашая в люльке. 2000-е. Pinola K.»)

«Недавнее прошлое» – воспоминания о пароходстве на реке Сухона. Проект направлен на вовлечение людей старше 50 лет в процесс документирования недавней истории города, свидетелями которой они были. Основа выставки – рисунок «Буксирный пароход «Туркси6»» Лашина Ф. И., архивные документы и звук пароходного гудка, который жители назвали одним из аудиальных символов города. Документация воспоминаний – записи коротких интервью – осуществляется посетителями на выставке

Второй вид партиципации – совместное комплектование музея, предъявляемое в виде открытого хранения. Студенческая команда предлагает музею совместно с жителями отбирать из среды бытования и сохранять в музейной коллекции мемориальные предметы, рассказывающие истории современников, которые в недавнем прошлом внесли значительный вклад в наследие города или делают это в настоящее время.

Третий вид – сокураторство, или исследовательские проекты, результаты которых впоследствии могут быть отражены в небольших выставках. Первый проект мы считаем важным ориентировать на детей старшего возраста и подростков. Его цель заключается в

том, чтобы с помощью игрового формата выявить опасения, страхи, а также ожидания молодых жителей, связанные с родным городом.

6 этап. Организация внутреннего пространства и рекомендации по архитектурно-художественному решению

Учитывая небольшую площадь дома, было принято решение вынести первый блок экспозиции, посвященный истории мореходства, во внешнее пространство, задействуя фасад дома и прилегающую территорию – небольшой сад. Саду также отводится роль общественного пространства и навигационной системы, связывающей музей с городом.

Исходя из кругового маршрута по экспозиции, первый зал – небольшое помещение рядом со входом – должен служить и вводной и завершающей точкой. В нем предлагается разместить один экспонат – компас, который при входе на выставку погружает посетителя в тему путешествий и мореходства, а на выходе, после тематического зала о важности сохранения наследия и связи поколений, символизирует выбор жизненного пути и ценностной ориентации каждого человека.

Поскольку собственно дом И. А. Кускова (недвижимое наследие) является объектом показа, студенческая команда рекомендует использовать при разработке дизайн-концепции простые лаконичные решения, не вступающие в диссонанс с интерьером дома и не перегружающие его пространство.

Выводы и рекомендации

По итогам работы II Летнего студенческого музеологического лагеря можно сделать вывод, что участники прошли следующие этапы работы над концепцией дома-музея И. А. Кускова:

Знакомство с музеем. Постановка цели и задач руководством ТМО: работа исполнителя (студенческой команды) с заказчиком по прояснению основных вводных данных, характеризующих состояние музея на данный момент и конкретных задач, которые перед собой ставит музей.

Сбор материалов и аналитика – исследование источниковой базы: фондовых коллекций и возможностей для комплектования; анализ научной разработанности темы, изучение актуальной документации (прежде всего, «Методических рекомендаций по модернизации муниципальных музеев…») и современных музейных практик, соответствующих специфике музея, отзывов посетителей, опросов жителей, а также проведение интервью.

Постановка задач для новой экспозиции и поиск идеи – частичный анализ социокультурного состояния региона, определение проблематики и способов решения поставленных вопросов.

Формулирование основных положений для новой экспозиции, закладывающих фундамент реализации главной идеи.

Выбор аудитории и стратегия работы с посетителем – определение основных сегментов будущих посетителей и способов их вовлечения в работу музея.

Разработка рекомендаций по организации внутреннего и внешнего пространства музея, а также архитектурно-художественного решения экспозиции.

Исходя из опыта, полученного проектной командой во время II Летнего студенческого музеологического лагеря на базе Тотемского музейного объединения Вологодской области, можно предложить следующие рекомендации, которые будут полезны при организации работы над концепцией экспозиции как социокультурным проектом и позволят сделать процесс более эффективным:

Для мемориального музея, как и для любого другого, характерно циклическое изменение уровня общественного внимания к персоналии или тематике экспозиции. Прежде всего, это связано со сменой общественных приоритетов, политических установок и культурных трендов, но также с динамичным развитием науки и появлением новых исторических источников. В зависимости от эпохи и контекста различные грани жизни героя, особенности его творчества либо общественно-политической деятельности становятся особенно значимыми для современников или, наоборот, теряют свою актуальность. Следовательно, проектирование научной концепции требует постоянного *осмысления прошлого сквозь призму настоящего* – актуализация наследия осуществляется с учетом потребности современной аудитории, резонансности для нее конкретных аспектов биографии меморируемой личности и ее наследия, соотнесения системы ее ценностей с нынешней повесткой дня.

При выстраивании плана-графика проекта рекомендуется заложить время на прототипирование и тестирование идей, помогающих решить социокультурную задачу, для работы с сотрудниками и потенциальной аудиторией музея. Тестирования смогут сэкономить ресурс следующих этапов – вложив определенные усилия и время для создания простого прототипа, можно спрогнозировать, какие идеи действительно отражают потребности посетителей и сотрудников музея и требуют доработки и вложения, а какими можно пренебречь.

В рамках этапа по сбору информации и ее аналитике не стоит забывать о сотрудниках музея как о важной части аудитории, на которую направлен будущий социокультурный проект. Особенность работы с музейными сотрудниками заключается в том, что необходимо исследовать не только их мнения, пожелания и опасения по поводу будущей экспозиции как музейных специалистов, но и как посетителей, жителей региона. Категория музейных сотрудников включает не только специалистов фондовых, экспозиционно-выставочных и образовательных отделов, но и инженерно-технических, хозяйственных, кадровых, финансовых и других служб. Нередко процентное соотношение профессиональных музейщиков и специалистов других сфер в штатном расписании музея далеко не в пользу специфически музейных отделов, особенно в музеях-заповедниках с большей или меньшей территорией, требующей соответствующего штата для поддержания порядка. Сотрудников не-музейных отделов важно рассматривать в качестве посетителей с позиции того, насколько им интересна деятельность их музея.

Если разработка концепции экспозиции определяется музеем как социокультурный проект [13, с. 12], а для ее реализации планируется привлечение грантовых средств, то в этапы работы над проектированием экспозиции рекомендуется включить не только изучение социокультурного состояния региона и определение проблем, которые могут быть решены с помощью музея, но также описание стратегии по последовательному вовлечению посетителей и варианты использования современных форм работы с

аудиторией. Подобные проекты не могут быть разовой акцией, они должны встраиваться в общую концепцию музея и иметь дальнейшие перспективы для развития.

Подведем итоги. Оба субъекта взаимодействия в процессе решения задачи – исполнитель в лице научного руководства музея и студенческая команда – нацелены на использование традиций и инноваций. «Модельный стандарт…», отражающий позицию научного руководства музея, участвовавшего в подготовке документа, разработан с учетом проверенных временем отечественных практик и апробированных новейших идей, включает в деятельность музея разработку научной концепции экспозиции [14, с. 12] и научной концепции музея в целом, подразумевающих участие в жизни музея местного сообщества, влияния музея на социокультурную среду региона [14, с. 9–11].

Проектирование научной концепции студентами выстраивалось на основе знаний в области музейного дела, полученных в исторических, теоретических и практикоориентированных курсах, в которых анализировался мировой и отечественный опыт прошлого и настоящего. В результате классический документ – научная концепция экспозиции – дополняется элементами социокультурного проекта и в силу комплексного характера становится основой потенциального проекта музея, нацеленного на решение социальных проблем города.

Список использованных источников и литературы

1. Словарь актуальных музейных терминов: Актуализация наследия // Музей. – 2009. – № 5. – С. 49.

Slovar' aktual'nyh muzejnyh terminov: Aktualizaciya naslediya // Muzej. – 2009. – № 5. – S. 49.

2. Быстрова Т. Ю. Какие действия и почему можно считать социокультурным проектом // Управление культурой. – 2024. – № 4(1). – С. 3–9.

Bystrova T. Ju. Kakie dejstvija i pochemu mozhno schitat' sociokul'turnym proektom // Upravlenie kul'turoj. – 2024. – № 4(1). – S. 3–9.

3. Ван Менш П., Мейер-ван Менш Л. Новые тренды в музеологии / пер. с англ. В. Г. Ананьева. – М.: Перспектива, 2021. – 128 с.

Van Mensh P., Meyer-van Mensh L. Novie trendy v muzeeologii / per. s angl. V. G. Anan'eva. – M.: Perspektiva, 2021. – 128 s.

4. Дом-музей И. А. Кускова // Tripadvisor. – URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g1759931-d8517826-Reviews-or10-House_Museum_of_Kuskov-Totma_Vologda_Oblast_Northwestern_District.html (дата обращения: 07.08.2025).

Dom-muzej I. A. Kuskova // Tripadvisor. – URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g1759931-d8517826-Reviews-or10-House_Museum_of_Kuskov-Totma_Vologda_Oblast_Northwestern_District.html (data obrashchenija: 07.08.2025).

5. Закс А. Б. Методика построения экспозиции по истории СССР. С древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. – М.: Госкульпросветиздат, 1957. – 127 с.

Zaks A. B. Metodika postroenija jeksponata po istorii SSSR. S drevnejshikh vremjon do Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii. – M.: Goskul'prosvetizdat, 1957. – 127 s.

6. Закс А. Б. Музейная экспозиция. Научная подготовка // Музееведение. Музеи исторического профиля. – М., 1988. – С. 195–245.

Zaks A. B. Muzejnaja jekspozicija. Nauchnaja podgotovka // Muzeevedenie. Muzei istoricheskogo profila. – M., 1988. – S. 195–245.

7. Каулен М. Е. Проблема личности в исторической экспозиции // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев: по материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле / Гос. Исторический музей. – М., 2002. – С. 219–226.

Kaulen M. E. Problema lichnosti v istoricheskoj jekspozicii // Sovremennaja istoriografija i problemy soderzhanija istoricheskih jekspozicij muzeev: po materialam «kruglogo stola», sostojavshegosja 18 maja 2001 g. v Orle / Gos. Istoricheskij muzej. – M., 2002. – S. 219–226.

8. Каулен М. Е. Экспозиция и экспозиционер: конспект лекций. – М.: АПРИКТ, 2001. – 80 с.

Kaulen M. E. Jekspozicija i jekspozicioner: konspekt lekcij. – M.: APRIKT, 2001. – 80 s.

9. Кунсткамеры Габсбургов. Магия природы и механизм Вселенной: из собрания Музея истории искусств, Вена. – М.: ИПЦ «Художник и книга», 2005. – 96 с.

Kunstkamery Gabsburgov. Magija prirody i mehanizm Vselennoj: iz sobranija Muzea istorii iskusstv, Vena. – M.: IPC «Hudozhnik i kniga», 2005. – 96 s.

10. Майстровская М. Т. Музей как объект культуры. XX век: искусство экспозиционного ансамбля. – М.: Прогресс-Традиция, 2018. – 678 с.

Majstrovskaja M. T. Muzej kak objekt kul'tury. XX vek: iskusstvo jekspozicionnogo ansamblja. – M.: Progress-Tradicija, 2018. – 678 s.

11. Майстровская М. Т. Музей как объект культуры: искусство экспозиционного ансамбля. – М.: Прогресс-Традиция, 2016. – 678 с.

Majstrovskaja M. T. Muzej kak objekt kul'tury: iskusstvo jekspozicionnogo ansamblja. – M.: Progress-Tradicija, 2016. – 678 s.

12. Музей прямо сейчас. 2025: манифест // Союз музеев России. – URL: https://www.souzmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=22588:muzej-pryamo-sejchas-2025&catid=10589&Itemid=176 (дата обращения: 07.08.2025).

Muzej prjamo sejchas. 2025: manifest // Sojuz muzeev Rossii. – URL: https://www.souzmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=22588:muzej-pryamo-sejchas-2025&catid=10589&Itemid=176 (data obrashchenija: 07.08.2025).

13. Марков А. П., Бирженюк Г. М. Основы социокультурного проектирования: учеб. пособие. – СПб.: СПГУП, 1998. – 258 с.

Markov A. P., Birzhenuk G. M. Osnovy sociokul'turnogo projektirovanija: ucheb. posobie. – SPb.: SPGuP, 1998. – 258 s.

14. Методические рекомендации по модернизации муниципальных музеев на основе модельного стандарта деятельности муниципального краеведческого музея (в рамках реализации Национального проекта «Культура») / Министерство культуры Российской Федерации. – URL: https://culture.gov.ru/documents/metodicheskie-rekomendatsii-po-modernizatsii-munitsipalnykh-muzeev-na-osnove-modelnogo-standarta-deya/?sphrase_id=1051958 (дата обращения: 07.08.2025).

Metodicheskie rekomendacii po modernizacii municipal'nyh muzeev na osnove model'nogo standarta dejatel'nosti municipal'nogo kraevedcheskogo muzeja (v ramkakh realizacii Nacional'nogo proekta «Kul'tura») / Ministerstvo kul'tury Rossijskoj Federacii. – URL: https://culture.gov.ru/documents/metodicheskie-rekomendatsii-po-modernizatsii-munitsipalnykh-muzeev-na-osnove-modelnogo-standarta-deya/?sphrase_id=1051958 (data obrashchenija: 07.08.2025).

15. Миссия музея // Российская музейная энциклопедия: словарь терминов. – URL: http://museum.ru/rme/dictionary.asp?90 (дата обращения: 07.08.2025).

Missija muzeja // Rossijskaja muzejnaja enciklopedija: slovar' terminov. – URL: http://museum.ru/rme/dictionary.asp?90 (data obrashchenija: 07.08.2025).

16. Михайловская А. И. Музейная экспозиция: организация и техника / под ред. проф. Ф. Н. Петрова и проф. К. Г. Митяева; М-во культуры РСФСР. Науч.-исслед. ин-т музееведения. – 2-е изд., доп. – М.: Сов. Россия, 1964. – 518 с.

Mikhajlovskaya A. I. Muzejnaja jekspozicija: organizacija i tekhnika / pod red. prof. F. N. Petrova i prof. K. G. Mitjaeva; M-vo kul'tury RSFSR. Nauch.-issled. inst. muzeevedenija. – 2-e izd., dop. – M.: Sov. Rossiya, 1964. – 518 s.

17. Музееведение. Музеи исторического профиля: учеб. пособие для вузов по спец. «История» / под ред. К. Г. Левыкина, В. Хербста. – М.: Высш. шк., 1988. – 431 с.

Muzeevedenie. Muzei istoricheskogo profila: ucheb. posobie dlja vuzov po spec. «Istorija» / pod red. K. G. Levykina, V. Herbsta. – M.: Vyss. shk., 1988. – 431 s.

18. Музееведение: на пути к музею XXI века: музейная экспозиция: сб. науч. тр. / Рос. ин-т культурологии МК РФ и РАН. – М., 1997. – 368 с.

Muzeevedenie: na puti k muzeju XXI veka: muzejnaja jekspozicija: sb. nauch. tr. / Ros. in-t kul'turologii MK RF i RAN. – M., 1997. – 368 s.

19. Музейное дело России / отв. ред. М. Е. Каулен, И. М. Коссой, А. А. Сундиева. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: ВК, 2010. – 676 с.

Muzejnoe delo Rossii / otv. red. M. E. Kaulen, I. M. Kossoj, A. A. Sundieva. – 3-e izd., ispr. i dop. – M.: VK, 2010. – 676 s.

20. Научная концепция экспозиции // Российская музейная энциклопедия. – URL: http://www.museum.ru/RME/dictionary.asp?107 (дата обращения: 07.08.2025).

Nauchnaja koncepcija jekspozicii // Rossijskaja muzejnaja enciklopedija. – URL: http://www.museum.ru/RME/dictionary.asp?107 (data obrashchenija: 07.08.2025).

21. Об утверждении «Порядка организации работы музеев, творческих коллективов художников и художественно-производственных организаций по научному и архитектурно-художественному проектированию, оформлению и монтажу, оценке и открытию экспозиций и выставок музеев местного подчинения (кроме художественных)»: приказ Министерства культуры РСФСР от 12 мая 1985 г. № 240, Правления Союза художников РСФСР от 11 мая 1985 г. № 139. – Отд. оттиск. – 12 с.

Ob utverzhdenii «Porjadka organizacii raboty muzeev, tvorcheskih kollektivov hudozhnikov i hudozhestvenno-proizvodstvennyh organizacij po nauchnomu i arhitekturno-hudozhestvennomu proektirovaniju, oformleniju i montazhu, ocenke i otkrytiju jekspozicij i vystavok muzeev mestnogo podchinenija (krome hudozhestvennyh)»: prikaz Ministerstva kul'tury RSFSR ot 12 maja 1985 g. № 240, Pravel'stva Soyuza hudozhnikov RSFSR ot 11 maja 1985 g. № 139. – Otdel'. ottysk. – 12 s.

22. Оценка численности постоянного населения по городским и муниципальным округам (районам) Вологодской области на 1 января 2023 г. и в среднем за 2022 г. // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://35.rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 07.08.2025).

Ocenka chislennosti postojannogo naselenija po gorodskim i munitsipal'nym okrugam (rajonam) Vologodskoj oblasti na 1 janvarja 2023 g. i v srednem za 2022 g. // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. – URL: https://35.rosstat.gov.ru (data obrashchenija: 07.08.2025).

23. Поляков Т. П. Как делать музей? (о методах проектирования музейной экспозиции): учеб. пособие для студентов и аспирантов, обучающихся по спец. «Музееведение». – М.: Изд-во Рос. ин-та культурологии Мин-ва культуры РФ, 1997. – 253 с.

Poljakov T. P. Kak delat' muzej? (o metodah proektirovanija muzejnoj jekspozicii): ucheb. posobie dlja studentov i aspirantov, obuchajushchihsja po spec. «Muzeevedenie». – M.: Izdv. Ros. in-ta kul'turologii Min-va kul'tury RF, 1997. – 253 s.

24. Об утверждении муниципальной программы «Развитие туризма в Тотемском муниципальном округе на 2024–2029 годы»: постановление администрации Тотемского муниципального округа от 08.12.2023 № 1832. – URL: https://35totemskij.gosuslugi.ru/netcat_files/47/470/pad_20231208_1832.pdf (дата обращения: 07.08.2025).

Ob utverzhdenii municipal'noj programmy «Razvitie turizma v Totemskom municipal'nom okruge na 2024–2029 gody»: postanovlenie administracii Totemskogo municipal'nogo okruga ot 08.12.2023 № 1832. – URL: https://35totemskij.gosuslugi.ru/netcat_files/47/470/pad_20231208_1832.pdf (data obrashchenija: 07.08.2025).

25. Российская музейная энциклопедия: в 2-х т. / Рос. ин-т культурологии МК РФ и РАН ; редкол.: В. Л. Янин (пред.) [и др.]. – М.: Прогресс: Рипол классик, 2001. – Т. 1. – 414 с. ; Т. 2. – 436 с.

Rossijskaja muzejnaja enciklopedija: v 2 t. / Ros. in-t kul'turologii MK RF i RAN ; redkol.: V. L. Janin (pred.) [i dr.]. – M.: Progress: Ripol klassik, 2001. – T. 1. – 414 s.; T. 2. – 436 s.

26. Саймон Н. Партиципаторный музей / пер. А. Глебовского. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 368 с.

Saimon N. Partsitipatornyj muzej / per. A. Glebskogo. – M.: Ad Marginem Press, 2017. – 368 s.

27. Тотемское музейное объединение. Дом-музей И. А. Кускова // Яндекс.Карты. – URL: https://yandex.ru/maps/org/totemskoye_muzeynoye_obyedineniye_dom_muzey_i_a_kuskova/1094541454/ (дата обращения: 07.08.2025).

Totemskoe muzejnoe ob"edinenie. Dom-muzej I. A. Kuskova // Jandeks.Karty. – URL: https://yandex.ru/maps/org/totemskoye_muzeynoye_obyedineniye_dom_muzey_i_a_kuskova/1094541454 (data obrashchenija: 07.08.2025).

28. Устная история // Фонд знаний «Ломоносов». – URL: http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0134503 (дата обращения: 07.08.2025).

Ustnaja istorija // Fond znanij «Lomonosov». – URL: http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0134503 (data obrashchenija: 07.08.2025).

29. Хадсон К. Влиятельные музеи / пер. с англ. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. – 196 с.

Khadson K. Vlijatel'nye muzei / per. s angl. – Novosibirsk: Sib. hronograf, 2001. – 196 s.

30. Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. – Л.: Academia, 1929. – 245 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007915520/ (дата обращения: 07.08.2025).

Shmit F. I. Muzejnoe delo. Voprosy jekspozicii. – L.: Academia, 1929. – 245 s. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007915520 (data obrashchenija: 07.08.2025).

31. Das erste Museum der Welt // Schloss Ambras Innsbruck. – URL: https://schlossambras-innsbruck.at/das-schloss-entdecken/das-schloss (дата обращения: 07.08.2025).

Das erste Museum der Welt // Schloss Ambras Innsbruck. – URL: https://schlossambras-innsbruck.at/das-schloss-entdecken/das-schloss (data obrashchenija: 07.08.2025).

Cherkaeva O. E., Roshchuk A. I. Exhibition concept as a basis for sociocultural project (House-museum of I. A. Kuskov in Tot'ma)

Sociocultural project design as a sign of the times becomes an important component of museum activities, while classical museum work such as preparation and creation of exhibitions is often entrusted to invited contractors who ignore established domestic practices and documentation corresponding to the stages of exhibition development. The aim of this article is to present in the context of the evolution of museums as sociocultural institutions the genesis of scientific documentation accompanying the process of creating an exhibition with emphasis on its scientific concept, showing that it has not lost relevance up to now. Combining traditions and innovations, which are relied upon by two active subjects – the scientific team of Totma Museum Association and students from the first two museological departments in Russia (Moscow and St Petersburg), allowed us to consider the scientific concept of the exhibition as the basis of a socio-cultural project and to demonstrate key stages of its development using a specific example. An analysis was conducted of modern trends in museology, taking into account requirements of the model standard for municipal local history museums and characteristics of municipal memorial museums. This article presents experience in developing of the exhibition concept at the house-museum of I. A. Kuskov by participants of the Second Summer Student Museological Camp based at the Totma Museum Union in Vologda region. Special attention is given to the sociocultural aspects of the project, including setting tasks and approaches to solving them through museum methods. Based on the analysis presented, recommendations have been proposed aimed at improving quality and efficiency in working on the museum exhibitions concepts considered as sociocultural projects.

Keywords: exhibition concept, sociocultural project, house-museum of I. A. Kuskov, Tot'ma, Second Summer Student Museological Camp

УДК 94(47)902 КРЫМ, ДОМБРОВСКИЙ

DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18679718

«А ЭТО – НИКОМУ НЕ НУЖНАЯ ТРАТА ВРЕМЕНИ. У МЕНЯ ЕГО КРАЙНЕ МАЛО»: НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ДИССЕРТАЦИЯ О. И. ДОМБРОВСКОГО

Юрочкин В. Ю.

Институт археологии Крыма Российской академии наук
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru

Проценко А. В.

Крымский республиканский онкологический клинический диспансер имени В. М. Ефетова
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: avictorovich57@yandex.ru

Рассматривается один из аспектов научной деятельности известного крымского археолога О. И. Домбровского (1914–1994). Учёный был автором многочисленных открытий и фактическим лидером крымской археологии в 60-80 гг. XX в. Несмотря на признание его научных достижений, как коллегами, так и оппонентами, он весь период формально числился на скромной должности младшего научного сотрудника Института археологии АН УССР. Причиной стало отсутствие у него учёной степени. Обстоятельства, по которым он так и не защитил диссертацию, располагая столь значительным материалом, долгое время оставались не ясными. Документы, недавно, выявленные в личном архиве О. И. Домбровского, проливают свет на данную загадку. В статье они представлены в контексте его научной практики, реконструируемой на основе материалов из архива Института археологии Крыма РАН.

Ключевые слова: Крым, О. И Домбровский, Б. А. Рыбаков, фрески средневекового Крыма, диссертация.

Имя Олега Ивановича Домбровского (1914–1994) хорошо известно в крымской археологии. С ним связан целый ряд открытий, среди них: античный театр в Херсонесе, пересмотр хронологии средневековых храмов и мозаик города, «длинные стены» и локализация готской области Дори, масштабные раскопки средневековых памятников Южнобережья, наконец – фундаментальные исследования фресковой живописи средневекового Крыма. Хотя с точки зрения современной науки некоторые из них представляются спорными, это нисколько не умаляет заслуг их автора. В 60-80 гг. прошлого века, благодаря своей активной деятельности, охватывавшей научно-организационную, популяризаторскую и педагогическую работу, а также обширную полевую практику, он стал фактическим лидером крымской академической археологии. Особенно это проявилось после возвращения в 1967 г. в Ленинград П. Н. Шульца, когда руководство Отделом античной и средневековой археологии Крыма (далее – ОАСАК) Института археологии АН УССР

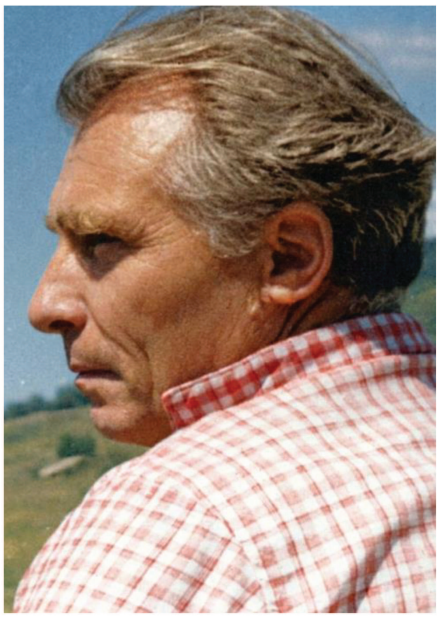

Рис. 1. Олег Иванович Домбровский. 1960-е годы

(далее – ИА АН УССР) принял на себя его директор, член-корреспондент АН УССР С. Н. Бибиков (1908–1988) Он постоянно проживал в Киеве и бывал в Симферополе только наездами, а всей деятельностью на месте фактически руководил О. И. Домбровский. При этом он до конца жизни официально числился на скромной должности младшего научного сотрудника. Иногда в документах О. И. Домбровский фигурирует как учёный секретарь. Но коллектив крымских археологов, работавший в 1948–1991 гг. под различными названиями, в эти годы не был автономным учреждением, а такая должность не предусматривалась штатным расписанием ИА АН УССР для ОАСАК [11]. Следовательно, обязанности учёного секретаря он исполнял на общественных началах. Ранее, до 1962 г. данные функции были у к.и.н. Е. В. Веймарна, но в связи с краткосрочным переводом его на должность заведующего ОАСАК, он передал их О. И. Домбровскому [20, л. 21].

Почему же О. И. Домбровский официально не стал руководителем ОАСАК, в последствии – Отдела археологии Крыма ИА АН УССР (далее – ОАК)? Ответ очевиден – отсутствие у него учёной степени, соответствующей этой должности. Что же помешало ему, обладавшему непререкаемым авторитетом и значительным научным опытом, защитить диссертационную работу? Судя по воспоминаниям знавших его коллег (В. А. Кутайсова, С. Б. Ланцова и др.) О. И. Домбровский неохотно касался данной темы, отделываясь общими фразами, ссылаясь на возраст, отсутствие времени, карьерных амбиций и т.д. В 2024 г. А. И. Айбабин в беседе с одним из авторов в общих чертах прояснил ситуацию, пояснив: со слов О. И. Домбровского это было связано с его монографией, посвящённой фресковой живописи средневекового Крыма [3]. Независимо от этого А. В. Проценко[1] среди документов личного архива О. И. Домбровского, хранившегося в семье Кутайсовых, был выявлен документ, подтверждающий сообщение А. И. Айбабина. Однако книга А. В. Проценко, в которой в том числе опубликован данный документ, вышла незначительным тиражом, поэтому не доступна широкому кругу читателей [23]. К тому же его следует рассматривать в общем контексте научной деятельности

[1] Проценко Александр Викторович (род. в 1957 г.). Участник археологического кружка и экспедиций под руководством О. И. Домбровского В настоящее время врач-онколог, к.м.н., редактор сборников об О. И. Домбровском.

О. И. Домбровского. Аспекты, связанные с несостоявшейся диссертацией учёного, и затрагиваются в представленной статье.

Свою археологическую детальность в Крыму О. И. Домбровский, демобилизованный с фронта по ранению, тогда ещё студент Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры (далее – ЛИЖСА), начал в 1945 г. в составе Тавро-Скифской экспедиции, будучи привлечённым П. Н. Шульцем в качестве художника (рис. 1). Однако ещё до войны особый интерес он проявил к фрескам древнерусских храмов и мозаикам. Эти наблюдения и легли в основу его дипломной работы, защищённой в 1949 г. [5, с. 73–139].

В штатный состав Сектора истории и археологии (далее – СИА) Крымской научно-исследовательской базы АН СССР (далее – КНИБ), начавшего работу в 1948 г., О. И. Домбровский был зачислен с самого начала на должность старшего лаборанта, при этом должен был руководить Лабораторией археологической технологии, т.е. заниматься вопросами реставрации в рамках мероприятия «Разработка методов реставрации и консервации археологических памятников древнего и средневекового Крыма» [10, л. 15]. Кроме того он принимал участие в разработке темы «Фортификационные сооружения эпохи средневековья в юго-западном Крыму» под руководством Е. В. Веймарна. Работу планировалось завершить коллективной монографией, в которой О. И. Домбровский готовил раздел, посвящённый художественно-технологическому описанию остатков фресковой росписи в верхней части Сюреньской башни. Историко-архитектурное описание памятника должен был представить архитектор-художник А. П. Припусков [9, л. 60]. Однако последний в 1949 г. ушёл из СИА, творческий коллектив распался, а дальнейшее комплексное изучение Сюреньской крепости прекратилось.

В 1950 г. году из СИА по ряду причин был вынужден уйти Г. Д. Белов, до этого возглавлявший Херсонесскую экспедицию КНИБ, в задачи которой, в том числе, входили вопросы изучения мозаик древнего города [11, л. 40]. Судя по всему, первоначально мозаиками Херсонеса предполагал заниматься другой выпускник ЛИЖИСА И. М Дрябкин – супруг Э. И. Соломоник, но он скоропостижно скончался [7, л. 95, 96]. Работу в этом направлении в 1948–1949 г. продолжил Г. Д. Белов, а иллюстративный материал для него должен был готовить О. И. Домбровский [8, л. 59]. Возглавив Херсонесскую экспедицию Отдела истории и археологии (далее – ОИА) Крымского филиала АН СССР (далее – КФ АН СССР) О. И. Домбровский, переведённый на должность младшего научного сотрудника, начал свою деятельность на городище, связанную с реставрацией мозаик. Первоначально она имела исключительно прикладной характер и велась по инициативе Херсонесского музея, а О. И. Домбровский работал по трудовому договору в отпускное время [1, л. 5; 2, л. 149–150]. С этого времени и до последних дней жизни Херсонес стал для него важнейшим объектом исследований [22].

К 1951 г. в план работы Лаборатории археологической технологии ОИА была включена тема «Разработка способов консервации древних каменных сооружений, стенописи, мозаики и керамики», руководителем которой значился П. Н. Шульц, а исполнителем О. И. Домбровский. Тогда же О. И. Домбровский впервые представил

рукопись «Научное описание памятников монументальной живописи древнего и средневекового Крыма». В работе содержалось научное описание галечной эллинистической мозаики Херсонеса, фрагменты фресок из южного нефа Херсонесской «базилики 1935 года», монументальной живописи «пещерных городов»: Эски-Кермена, Мангупа и Сюреньской крепости. Одной из задач данной работы являлась подготовка материалов для реставрации [12, л. 23–24]. Из вышесказанного следует, что первоначальные исследования О. И. Домбровского имели прикладной характер и касались, прежде всего, технической стороны вопроса.

С 1953 г. О. И. Домбровский, наряду с изучением мозаик Херсонеса, на протяжении трёх лет вёл обмеры и зарисовки композиционных схем росписей пещерных храмов Юго-Западного Крыма, их фотографирование и снятие факсимильных копий, осуществлялась частичная реставрация [3, с. 9, 104]. В это время О. И. Домбровский стал одним из руководителей археологического и геодезического кружка Горного клуба при Областной детской экскурсионно-туристической станции (далее – ОДЭТС). Под его руководством школьники осуществляли походы по горам Крыма, вскоре превратившиеся в полноценные археологические разведки. На начальном этапе О. И. Домбровский считал основной их задачей поиск средневековых храмов с остатками фресок [17, л. 38].

Разрабатывать данную тематику О. И. Домбровский продолжил и после перехода коллектива крымских археологов в систему АН УССР в 1954 г. Теперь исследования велись по теме «Возникновение и развитие феодальных отношений в Крыму» под руководством Е. В. Веймарна, возглавлявшего изучение средневекового периода в истории полуострова. О. И. Домбровским, как одним из исполнителей темы, должны были производиться исследования памятников архитектуры и монументальной живописи полуострова [16. л. 113–117, 94, 97–101; 21, л. 13]. С 1955 г. О. И. Домбровский официально начал систематизацию материалов по теме «Памятники архитектуры и живописи пещерных городов» [21, л. 2; 17. л. 11.]. Весной того же года состоялось заседание ОИА АН УССР на котором рассматривался план диссертации О. И. Домбровского под названием «Мозаика и стенная живопись средневекового Крыма». Её он планировал представить уже в следующем году на соискание учёной степени кандидата искусствоведения. П. Н. Шульц и Е. В. Веймарн, принявшие участие в обсуждении, обращали внимание, что, учитывая специфику материала, следовало бы ориентироваться скорее на соискание степени кандидата исторических наук, нежели кандидата искусствоведения, а защищать её стоит в Институте истории материальной культуры [17, л. 27–30]. После перевода в 1956 г. в состав Института археологии АН УССР (далее – ИА АН УССР), коллектив крымских археологов продолжил работу в составе Отдела античной и средневековой археологии (далее – ОАСА). Работа О. И. Домбровского была выделана в особую тему «Стенная живопись и мозаика средневекового Крыма». По её итогам предполагалась монография [13, л. 1–6]. К 1957 г. О. И. Домбровский также планировал издание иллюстрированного альбома, воспроизводящего скопированные им фрески «пещерных городов» [14, л. 12]. Однако он не был издан. Затянулась и работа над диссертацией. Её первое обсуждение состоялось лишь в 1959 г., при этом

О. И. Домбровский получил в целом одобрение коллег [18, л. 14–16]. Работа над монографией «Фрески и мозаики юго-западного Крыма в эпоху средневековья» была в целом завершена к концу 1960 г. [19, л. 63]. К этому времени О. И. Домбровский уже прочно вошёл в число ведущих крымских археологов.

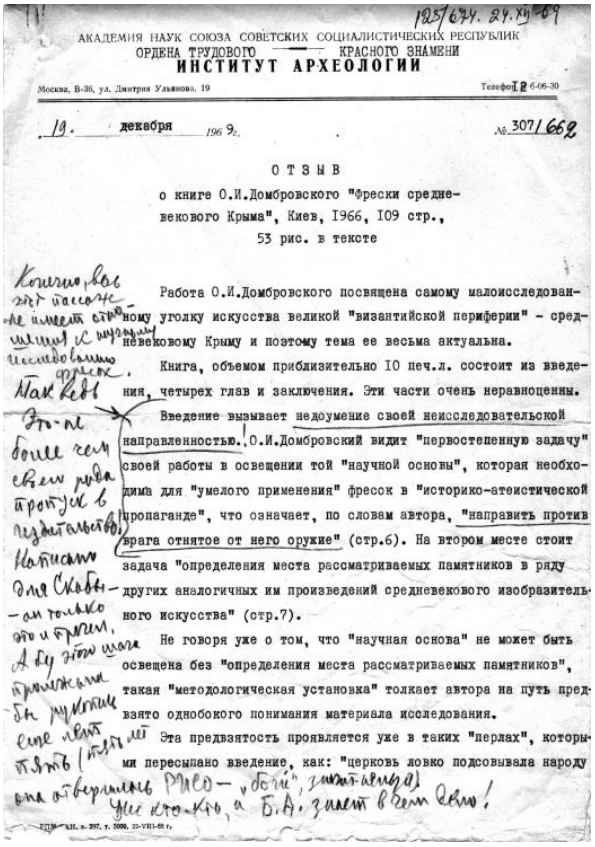

Рис. 2. Слева направо: О. И. Домбровский, неизвестные, П. Н. Шульц, С. Н. Бибиков. Пещера Кизил-Коба. 1963/1964 гг.

Пока остаётся не ясным, почему О. И. Домбровский после обсуждения в ОАСА не подал диссертацию на соискание учёной степени, а сразу решил издать её в виде монографии, исключив из неё материалы, касающиеся Херсонеса. На дальнейший ход событий проливают свет данные документа, опубликованного А. В. Проценко. Из него следует, что монография была подана в киевское издательство АН УССР примерно в 1961 г. Ответственным редактором издания значилась доктор искусствоведения А. П. Иванова (1903–1963), работавшая в ОАСА с 1957 г. Рукопись пролежала в издательстве около 5 лет. Судя по замечаниям О. И. Домбровского, это связано с тематикой книги, касающейся вопросов церковной живописи, обращение к которой в «хрущевское» время не приветствовалось. Подвергалась ли она какой-либо корректуре со стороны автора – не вполне ясно. По крайней мере, последняя по хронологии сноска относится к изданию 1960 г., но, судя по его заметкам, этого нельзя исключать. Возможно, антирелигиозные пассажи, которые впоследствии

стали предметом критики, присутствовали в ней изначально, учитывая общую позицию в стране. В 1966 г. монография вышла в печати [3]. Однако О. И. Домбровский не спешил представлять её в качестве кандидатской диссертации, хотя действовавшее законодательство допускало такой вариант. Предположительно, на это повлияло то обстоятельство, что в эти годы О. И. Домбровский руководил Южнобережным отрядом Крымской экспедиции ИА АН УССР, проводившим во второй половине 1960-х гг. масштабные работы в связи со строительством нового шоссе Ялта – Севастополь и на других новостройках [6]. Эти грандиозные по своему масштабу исследования, включавшие изучение десятков памятников, требовали массу усилий научных и организационных, постоянного присутствия в поле и фактически не оставляя времени на какую либо иную деятельность. Умелая организация этих работ и успешные их результаты собственно и выдвинули О. И. Домбровского в лидеры крымских археологов.

С 1968 г. руководителем ОАК ИА АН УССР официально был утверждён С. Н. Бибиков, по возрасту находившийся на пенсии и постоянно проживавший в Киеве (рис. 2). Учитывая объективные обстоятельства, он, надо полагать, был заинтересован в выдвижении на руководящую работу О. И. Домбровского. Как выясняется, он-то и инициировал предоставление монографии в качестве диссертации в Институт археологии АН СССР (далее – ИА АН СССР), хотя сам автор и сомневался в такой перспективе [23, с. 107]. Ответ, точнее отзыв на монографию, подписанный директором ИА АН СССР академиком Б. А. Рыбаковым, был получен в конце 1969 г. (см. приложение). Б. А. Рыбаков хорошо был знаком с ситуацией в археологии Крыма, лично знал местных учёных. Ещё в начале 1950-х гг. в период борьбы с «марризмом», он умело разрядил ситуацию, сложившуюся вокруг «славянского вопроса» и не упускал из вида деятельность крымских коллег в дальнейшем [25, с. 278–279]. Отзыв был довольно критичным. Но критика касалась отнюдь не результатов научных исследований О. И. Домбровского, а литературного стиля изданной монографии, прежде всего пассажей антирелигиозной направленности. Они явно контрастировали с основным текстом и выглядели язвительными и даже кощунственными (Рис. 3). К 1969 г. в период руководства страной Л. И. Брежнева отношение к православной церкви стало гораздо более толерантным. На этом фоне монография О. И. Домбровского 1966 г. выглядела явным анахронизмом. К тому же Б. А. Рыбаков происходил из семьи русских старообрядцев. Это, правда, не мешало ему прежде активно участвовать в идеологических компаниях [24, с. 291–298]. Однако незаслуженные упрёки в сторону христианской церкви не вызывали у него симпатии, тем более в изменившейся ситуации в стране Отзыв заканчивался выводом: «Институт археологии Академии наук СССР не может рекомендовать к защите в качестве кандидатской диссертации», но «считает возможным представление к защите рукописи на туже тему и на том же материале с обязательным устранением отмеченных недостатков» [23. с. 105–107].

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Москва, В-36, ул. Дмитрия Ульянова, 19 Телефон И 2-06-30

19 декабря 1969 г. № 307/668

О Т З Ы В

о книге О.И.Домбровского "Фрески средневекового Крыма", Киев, 1966, 109 стр., 53 рис. в тексте

Работа О.И.Домбровского посвящена самому малоисследованному уголку искусства великой "византийской периферии" – средневековому Крыму и поэтому тема ее весьма актуальна.

Книга, объемом приблизительно 10 печ.л. состоит из введения, четырех глав и заключения. Эти части очень неравноценны.

Введение вызывает недоумение своей неисследовательской направленностью. О.И.Домбровский видит "первостепенную задачу" своей работы в освещении той "научной основы", которая необходима для "умелого применения" фресок в "историко-атеистической пропаганде", что означает, по словам автора, "направить против врага отнятое от него оружие" (стр.6). На втором месте стоит задача "определения места рассматриваемых памятников в ряду других аналогичных им произведений средневекового изобразительного искусства" (стр.7).

Не говоря уже о том, что "научная основа" не может быть освещена без "определения места рассматриваемых памятников", такая "методологическая установка" толкает автора на путь предвзятого однобокого понимания материала исследования.

Эта предвзятость проявляется уже в таких "перлах", которыми пересыпано введение, как: "церковь ловко подсовывала народу

Рис. 3. Отзыв Б. А. Рыбакова о книге О. И. Домбровского. Титульный лист. 1969 г.

Полученный отзыв О. И. Домбровский снабдил целым рядом рукописных замечаний и эмоциональных комментариев, во многом проясняющих ситуацию. При этом О. И. Домбровский во многом соглашался с оценками оппонента, хотя и трактовал их по-своему. В них, равно как и в беседе с А. И. Айбабиным, он высказывал мнение, что при подготовке отзыва большую роль сыграл Г. К. Вагнер (1908–1995), доктор искусствоведения, сотрудник Института археологии АН СССР, специалист по древнерусской архитектуре и церковному искусству. Так это или нет сказать сложно.

Сейчас спустя полвека легко понять позицию и Б. А. Рыбакова и О. И. Домбровского. Оба они были правы, но каждый по-своему. Однако на О. И. Домбровского, судя по всему, этот негативный отзыв тогда произвёл удручающее впечатление, что заставило его отказаться от дальнейших попыток получения учёной степени. По крайней мере, ни в документах, ни в воспоминаниях современников подобной информации нет. Вполне вероятно, что значительная и

напряжённая ежедневная работа, которую он вёл в тот период, просто не оставляла свободного времени.

Подводя итоги, монографию О. И. Домбровского и отзыв на неё следует рассматривать как памятники истории науки, характеризующие эпоху со всеми её противоречиями. Между тем книга давно стала и остаётся классическим исследованием фресковой живописи средневекового Крыма. Не обращая особого внимания на упомянутые пассажи, её с пониманием воспринимают не только историки, но даже современные священнослужители, отдавая дань авторскому труду. Наука остаётся наукой, в какую бы форму она не была облачена.

Рис. 4. Надгробие на могиле О. И. Домбровского, выполненное в стиле мозаики ранневизантийского христианского храма Херсонеса

О. И. Домбровский – член ВКП(б) – КПСС с 1943 г. не был религиозным человеком. Он был представителем своего времени, большую часть которого к церкви относились, прежде всего, как к социальной структуре, не вписывающейся в советское общество. Вместе с тем его уважительное отношение к православным древностям как памятникам средневековой византийской культуры – не вызывает сомнений. Парадокс в том, что для церковной археологии Крыма он сделал гораздо больше, чем кто-либо иной. И данный факт неоспорим. Последней его научной работой стала обширная статья (фактически монография) о результатах исследования т.н. Загородного крестообразного храма в Херсонесе. Её по настоянию своего ученика В. А. Кутайсова[1] он готовил в последние годы жизни для одного из первых выпусков «Материалов по истории и археологии Таврии» (далее – МАИЭТ), выходивших под редакцией А. И. Айбабина [4]. Для подбора иллюстраций к ней по заданию А. И. Айбабина, совместно с профессиональным фотографом И. Г. Теплицким, один из авторов, будучи ещё совсем молодым человеком, в 1993 г. в Херсонесе единственный раз встретился с О. И. Домбровским. Учёный, несмотря на возраст, продолжал работы по реставрации античного театра. Вскоре он оставил этот мир. На его похоронах, проходивших на кладбище г. Симферополя при огромном стечении народа, В. А. Кутайсов в гроб усопшего положил только что отпечатанный выпуск МАИЭТ с его работой о Загородном храме. Так обычно на Руси кладут Евангелие в могилу священника…

Список использованных источников и литературы

1.Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК), ф. Р-3383, оп.1, д. 80. 180 л.

GARK, f. R-3383, op.1, d. 80. 180 l.

2.ГАРК, ф. Р-3383, оп. 1, д. 128, 168 л.

GARK, f. R-3383, op. 1, d. 128, 168 l.

3. Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. – Киев: Наукова думка, 1966. – 112 с.

Dombrovskij O. I. Freski srednevekovogo Kry`ma – Kiev: Naukova dumka, 1966. – 112 s.

4. Домбровский О. И. Архитектурно-археологическое исследование Загородного крестообразного храма Херсонеса // Материалы по истории и археологии Таврии. – 1993. – Вып. III. – С. 289–318.

Dombrovskij O. I. Arxitekturno-arxeologicheskoe issledovanie Zagorodnogo krestoobraznogo xrama Xersonesa // Materialy` po istorii i arheologii Tavrii. – 1993. – Vy`p. III. – S. 289–318.

5.Домбровский О. И. Монументальная мозаика. Техника, материалы, изобразительные возможности. Дипломная работа. Ленинград, 1949 // «Были мы молоды и чистосердечны…»: фронтовые письма и воспоминания о войне. Дипломная работа / Отв. ред. А. В. Проценко. – Симферополь: Н. Оріанда, 2017. – С. 73–139.

Dombrovskij O. I. Monumental`naya mozaika. Texnika, materialy`, izobrazitel`ny`e vozmozhnosti. Diplomnaya rabota. Leningrad, 1949 // «By`li my` molody` i chistoserdechny`…»: frontovy`e pis`ma i vospominaniya o vojne. Diplomnaya rabota. / otv. red. A. V. Procenko. – Simferopol`: N. Opianda, 2017. – S. 73–139.

6.Научный архив Института археологии Крыма РАН (далее – НА ИАКр РАН), ф. О-1, оп. 1, д. 911, 221 л.

NA IAKr RAN, f. O-1, op. 1, d. 911, 221 l.

7.НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 7, 97 л.

NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 7, 97 l.

[1] Кутайсов Вадим Александрович (1956–2019), археолог, доктор исторических наук. Участник археологического кружка и экспедиций под руководством О. И. Домбровского.

8.НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп.2, д. 10, 97 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op.2, d. 10, 97 l.
9.НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 21, 145 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 21, 145 l.
10.НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 22, 105 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 22, 105 l.
11.НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 24, 137 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 24, 137 l.
12.НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 29, 107 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 29, 107 l.
13.НА ИАКр РАН, ф. 3, оп. 1, д. 11, 14 л.
NA IAKr RAN, f. 3, op. 1, d. 11, 14 l.
14.НА ИАКр РАН, ф. 3, оп. 1, д. 12, 27 л.
NA IAKr RAN, f. 3, op. 1, d. 12, 27 l.
15.НА ИАКр РАН, ф. 3, оп. 2, д. 1, 79 л.
NA IAKr RAN, f. 3, op. 2, d. 1, 79 l.
16.НА ИАКр РАН, ф. 3, оп. 2, д. 4, 203 л.
NA IAKr RAN, f. 3, op. 2, d. 4, 203 l.
17.НА ИАКр РАН, ф. 3, оп. 2, д. 5, 118 л.
NA IAKr RAN, f. 3, op. 2, d. 5, 118 l.
18.НА ИАКр РАН, ф. 3, оп. 2, д. 7, 97 л.
NA IAKr RAN, f. 3, op. 2, d. 7, 97 l.
19.НА ИАКр РАН, ф. 3, оп. 2, д. 9, 101 л.
NA IAKr RAN, f. 3, op. 2, d. 9, 101 l.
20.ИАК РАН. НА. Ф. 3. Оп. 2. Д. 12. 79 л.
IAK RAN. NA. F. 3. Op. 2. D. 12. 79 l.
21.НА ИАКр РАН, ф. 3, оп. 2, д. 10, 27 л.
NA IAKr RAN, f. 3, op. 2, d. 10, 27 l.

22. Прохорова Т. А. Олег Иванович Домбровский: с Херсонесом до конца: к 105-летию со дня рождения учёного (по документам научно-архивного отдела Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический») // V Феодосийские научные чтения: «Крым: история и современность – проблемы и решения: труды Всероссийской научно-практ. конф. / отв. ред. А. А. Родионов. – Феодосия; Санкт-Петербург, 23 мая, 10 сент. 2019 года. – Феодосия, 2019. – С. 207–214.

Prohorova T. A. Oleg Ivanovich Dombrovskij: s Hersonesom do koncza. K 105-letiyu so dnya rozhdeniya uchyonogo (po dokumentam nauchno-arhivnogo otdela Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavricheskij») // V Feodosijskie nauchny`e chteniya: «Kry`m: istoriya i sovremennost` - problemy` i resheniya: Trudy` vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / otv. red. A. A. Rodionov. – Feodosiya, Sankt-Peterburg, 23 maya, 10 sent.2019 goda. – Feodosiya, 2019. – S. 207–214.

23. Проценко А. В. Неутомимый следопыт древнего Крыма: к 110-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского . – Симферополь: Н. Оріанда, 2024 – 108 с.

Protsenko A. V. Neutomimy`j sledopy`t drevnego Kry`ma. K 110-letiyu so dnya rozhdeniya Olega Ivanovicha Dombrovskogo . – Simferopol`: N. Opianda, 2024 – 108 s.

24. Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука. Середина 1940–1953. – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – 424 с.

Tihonov V. V. Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka. Seredina 1940–1953. – M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. – 424 s.

25. Юрочкин В. Ю. Крымская сессия 1952 г. – рубежное событие в крымской археологии // Проблемы истории, филологии и культуры. – 2024. – № 3. – С. 272–284.

Yurochkin V. Yu. Kry`mskaya sessiya 1952 g. – rubezhnoe soby`tie v kry`mskoj arxeologii // Problemy` istorii, filologii i kul`tury`. – 2024. – № 3. – S. 272–284.

26. Юрочкин В. Ю., Майко В. В. Институт археологии Крыма за 75 лет: хроника достижений // Российская археология. – 2023 – № 4. – С. 206–214.

Yurochkin V. Yu., Majko V. V. Institut arheologii Kry`ma za 75 let: hronika dostizhenij // Rossijskaya arheologiya. – 2023 – № 4. – C. 206–214.

Приложение

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

19 декабря 1969 г. №307/662

Отзыв о книге О. И. Домбровского
«Фрески средневекового Крыма», Киев, 1969, 109 стр., 53 рис. в тексте

Работа О. И. Домбровского посвящена самому малоисследованному уголку искусства великой «византийской периферии» – средневековому Крыму, и поэтому тема её весьма актуальна.

Книга, объёмом приблизительно 10 печ. л., состоит из введения, четырёх глав и заключения. Эти части очень неравноценны.

Введение вызывает недоумение своей неисследовательской направленностью [1]. О. И. Домбровский видит «первостепенную задачу» своей работы в освещении той «научной стороны», которая необходима для «умелого применения» фресок в «Историко-атеистической пропаганде», что означает, по словам автора, «направить против врага отнятое от него оружие» (стр. 6).

(*Конечно, весь этот пассаж не имеет отношения к научному исследованию фресок. Так ведь это – не более чем своего рода пропуск в издательство! Написано для Скибы*[2] *– он только это и прочёл. А без этого шага пролежала бы рукопись ещё лет пять (пять лет она отвергалась РИСО*[3] *- «боги», значит нельзя).Уж кто-кто, а Б. А.*[4] *знает в чем дело*! – О. Д)[5].

На втором месте стоит задача «определения места рассматриваемых памятников», такая «методологическая установка» толкает автора на путь предвзято однобокого понимания материала исследования.

Эта предвзятость проявляется уже в таких «перлах», которыми пересыпано введение, как: «церковь ловко подсовывала народу в качестве гарантии безопасности от врагов феодальную систему» или: художественный анализ памятников «помогает разоблачить прислужническую политическую роль церкви», а так же «…прямое предательство интересов

[1] Здесь и далее подчёркнуто О. И. Домбровским. Восклицательные и вопросительные знаки также поставлены им.

[2] Персонаж не известен, возможно, сотрудник киевского издательства.

[3] Редакционно-издательский совет

[4] Б. А. Рыбаков

[5] В скобках помещены карандашные комментарии О. И. Домбровского (– О.Д.) на полях отзыва.

пасомого ею народа» (стр. 6). В таком «понимании» средневековой церкви нет ни грани марксизма.

Правда, в последующих главах, где автор даёт визуальное описание фресок, кстати, сказать, нигде не обнаруживающее ни «прямого предательства» церкви, ни обещающего авторского «разоблачения», изложение становится на почву фактов. Видно, что О. И. Домбровский досконально знает вещевой материал, ощупал его руками археолога, хорошо разбирается в технике фрески и, несколько известно, успешно выступает в качестве энтузиаста-реставратора и хранителя крымских фресок вообще.

Домбровским довольно убедительно разобраны росписи «храма Донаторов», справедливо переведённые из XIV в. в XIII-й. Немало ценного для истории искусства даёт исследование росписей «Храма Трёх всадников», «церкви Успения», Сюйреньской башни, а также церквей Феодосии и Керчи и пр.

Но порочная методологическая установка даёт себя знать и здесь.

(*Теперь это называется так!? Учтём. Значит – бесклассовость средневековой церковной живописи? Значит церковь не классовая организация или она не орудие определённого класса? Б. А. Рыбаков «не знает» киевской ситуации и того, что рукопись без этих «экскурсов» в духе «Союза воинствующих безбожников» более 5 лет не издавалась. Только введя всю эту чепуху, я смог добиться публикации «Фресок»* – О. Д.).

Интерпретируя наиболее распространённые сюжеты росписей – Деисусы и Евхаристии, Домбровский с настойчивостью, достойной лучшего применения, выискивает в них классовую «идею осуществления власти божества через сложную иерархическую лестницу персонажей» (стр. 96), совершенно проходя мимо тех больших человеческих чувств в средние века расширялись «до религиозной утопии, вбивающей в себя социальные чаяния широких масс» (В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 31).

(*Это столь же лишнее в книге, как и мои выпады против церкви, но последнее было необходимо для «проталкивания» книги в печать. Я понимал, что пожалеть кое о чем придётся, но было бы хуже не издать «Фрески» - или-или! Так обстояло дело. Это беспринципность? Нет, тактика, вынужденная тем, что в опасности была не только книга, но и сами фрески* – О. Д.).

Так же ошибочно интерпретируется и злополучная Евхаристия. Она злополучна потому, что автор смешивает собственно Евхаристию и так наз. «Поклонение жертве». В росписях алтарей «храма Донаторов» (рис. 4), «храма Успения» (стр. 46) и храма в селе Верхоречье (рис. 25) изображена не Евхаристия, а «Поклонение жертве». Это очень существенная разница. Сцена «Поклонение жертве» распространена гл. образом на Балканах, есть она ни на Руси. Она связана с активным местным творчеством формирующихся национальных школ. Было бы важно проследить эволюцию этого сюжета в Крыму. Там, где Домбровский видит «стойкость несомненно архаической символики», было как раз интереснейшее развитие. Не видя этого, автор неправильно критикует атрибуцию Н.И. Репникова

(*У Б. А. почти лютеранское понимание Евхаристии!? Рыбаков ли это писал? Скорее Вагнер*[1]*. Б. А. сам из поповского сословия*[2] *и должен бы понимать, что все это – богопоедание* – О. Д.).

Он вообще недооценивает значение балканского искусства преувеличивая роль Византии, палеологовского ренессанса и т.п.

(*Для Крыма оно не так существенно* – О. Д.).

[1] Георгий Карлович Вагнер.

[2] Академик АН СССР Борис Александрович Рыбаков (1908–2001) происходил из известной семьи московских старообрядцев.

Значение искусства итальянского Возрождения тоже преувеличено. Техника процарапывания рисунка по штукатурке – не исключено ренессансная.

(*Преимущественно!* – О. Д).

Изображение мальчика за спиной одного из конных св. воинов (роспись «храма Трёх всадников»), никак не может быть «просто пажем» (стр. 39), это очень интересная деталь иконографии св. воина, которой посвящено исследование Т. Райса.

(*Я присоединяюсь к мнению Кондакова и Покровского. Меня оно убеждает в том же самом – все-таки «паж»!* – О. Д.).

Деталь эта встречается в болгарской живописи

(*не только!* – О. Д.).

И невнимание к этому лишний раз говорит о недооценке автором историко-культурных связей Крыма с Балканами.

В то же время О. И. Домбровский по непонятным причинам затушёвывают, в лучшем случае всячески умаляет крымско-кавказские, в частности крымско-армянские контакты.

(*У меня этого нет, но армяно-малоазийские связи считаю главными, и они прослеживаются в древнерусском искусстве тоже* – О. Д.).

Памятники средневекового армянского искусства в Крыму почти не привлекаются к исследованию, а на работы А. Л. Якобсона даже нет ссылок!

(*Негативная критика работы Якобсона в рукописи была. К сожалению, отсутствие её в книге – результат спешного редакторского сокращения, т.е. ампутации целого раздела рукописи* – О. Д.).

Одновременно Домбровский считает возможным исследовать фрески Крыма в полной изоляции от жизни в Херсонесе. От такого подхода нельзя ожидать правильной расстановки акцентов. Утверждения о большой роли средневекового Крыма в сложении древнерусской культуры не идут дальше декларации, не говоря уже о том, что они воскрешают опровергнутый наукой «корсунский мираж» Н. П. Кондакова.

(*Присоединяюсь к Кондакову!* – О. Д.).

Вызывает, наконец, удивление, почему вместе с публикацией ряда малозначительных фрагментов росписей в книге Домбровского опущены очень важные фрески. Это тоже говорит о какой-то непонятной предвзятости или страховке.

(*Только «Страшный суд» открыт в Феодосии после моей книги. Как и фрески церкви св. Сергия (там же). Ничего не поделаешь – они открыты благодаря моей публикации* – О. Д.)

В книге много и других более мелких фактических ошибок.

(*Даже бессмыслица есть! И то же самое – в результате небрежных редакторских сокращений. Редакторы менялись, и каждый делал, что ему вздумается («волюнтаризм»)* – О. Д.).

Заключение книги особенно полно вульгаризмов. Говоря, например, о борьбе княжества Феодоро и Кафы и о падении их под ударами турок, Домбровский пишет: «Православная церковь без труда столковалась даже с таким противником, как исламистская Порта…Видна не только продажность церкви, но и её змеиная живучесть, способность приспособляться к смене хозяев, к переменам политической конъюнктуры» (стр. 101). Допустим, что все это так. Но позволительно задать вопрос: а что было бы с православным населением Крыма, если бы церковь «не столковалась» с Портой и не проявила бы «змеиной живучести». Вероятно, пришлось бы иметь дело с полностью исламизированным средневековым Крымом. Но чем этот «вариант» крымской истории лучше?

(*? Это чушь!* – О. Д.).

Все подобные конъюнктурные рассуждения автора не имеют отношения к науке.

(*Как тонко подмечено! И кем? Таким сверхреалистом, как Б. А.? Точно ему неизвестна обстановка хрущевского времени, в Киеве во сто раз более затяжная и острая, нежели в Москве. Уж его-то «вульгаризмы» покрепче наших были* – О. Д.).

Приходится поражаться, как издательство «Наукова думка» и ответственный редактор книги доктор искусствоведения А. П. Иванова допустила такие вульгаризмы в интерпретации трудной истории средневекового Крыма. Книгу О. И. Домбровского Институт археологии Академии наук СССР не может рекомендовать к защите в качестве кандидатской диссертации.

(*Книга на это не рассчитывалась. Обращение по этому поводу к Б. А. – не моя инициатива, а С. Н. Бибикова: я-то знал, что будет резкий отпор. Вот он и получен*. – О. Д.).

Учитывая, однако, что в книге содержится очень важный для истории древнерусского искусства материал, что автор её, О. И. Домбровский, – большой энтузиаст, имеет большие и несомненные заслуги в сохранении фресок средневекового Крыма, а так же располагает материалами для их исследования и полной публикации, Институт археологии считает возможным представление к защиты рукописи на ту же тему и на том же материале с обязательным устранением отмеченных недостатков.

Директор Института археологии АН СССР, академик / Б. А. Рыбаков/

Учёный секретарь Института, канд. ист. наук / Г. Ф. Соловьева/

(*А это – никому не нужная трата времени. У меня его крайне мало. Но в этом заключении – весь Рыбаков. Великодушие!*

Как щепетильно стал заботиться Б. А. о чистоте своих риз! Надо часто заглядывать в «Богословский вестник»[1]*, там те же мысли!*

В основе отзыва, особенно в конце стр. 2, виден не Рыбаков, а кто-то другой. Да и «лютеранство» в понимании Евхаристии и родственных ей сюжетов – вряд ли его; он этими вопросами сам не занимается. Защита церкви от Домбровского особенно колоритна: заставь дурака Богу молиться – он лоб разобьёт. Очевидно, дурак, выполняя поручение, решил, что теперь пришла пора молиться. Неосторожно подписался под этим Б. А. Правда он знает, что ни я, ни С. Н.[2] *ему не враги. Отзыв будет похоронен, а московский экземпляр будет забыт. В Москве никому нет дела до нас.*

В период Шелеста[3] *(и Скибы) при Хрущеве иначе было нельзя, т.е. «вульгаризмы» были неизбежны; без них нельзя было бы сделать ни шагу в издательстве. Рыбаков и сам держался тогда на «вульгаризмах». Теперь многое меняется, он сменил мундир и прикладывает ко всему сегодняшнюю мерку. Я понимаю, что это неизбежно, и для иной цели пошёл бы на его предложение сделать диссертацию, но…Обойдёмся без хамелионства. Не ради же повышения зарплаты кривляться* – О.Д.).

[1] Ежемесячный богословский журнал, издающийся с 1892 г. Московской духовной академией Русской православной церкви.

[2] С. Н. Бибиков.

[3] Шелест Пётр Ефимович (1908–1996) – первый секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Украинской ССР в 1963–1972 гг.

Yurochkin V. Yu., Protsenko A. V. «This is a waste of time for no one. I have extremely little of it». The unfinished dissertation of O. I. Dombrovsky (1914–1994)

This article examines one aspect of the scholarly work of the renowned Crimean archaeologist O.I. Dombrovsky (1914–1994). The scientist was the author of numerous discoveries and the de facto leader of Crimean archaeology in the 1960s-1980s. Despite the recognition of his scientific achievements by both colleagues and opponents, he remained formally employed throughout this period as a modest junior researcher at the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. The reason was that he did not have an academic degree. The circumstances why he never defended his dissertation, despite having such significant material, remained unclear for a long time. In the article they are presented in the context of his scientific activity, which is reconstructed on the basis of materials from the archive of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: Crimea, O. I. Dombrovsky, B. A. Rybakov, medieval Crimean frescoes, dissertation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бредихин Владимир Вадимович — аспирант историко-филологического факультета Педагогического института НИУ «Белгородский государственный университет» (г. Белгород, Российская Федерация)

Гарипова Зухра Фанусовна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Научного центра изучения социального развития региона Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан (г. Уфа, Российская Федерация).

Горлянский Сергей Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)

Калашников Алексей Валерьевич — аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского (г. Брянск, Российская Федерация)

Курочкин Сергей Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент кафедры Б4 Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Максимов Михаил Александрович — соискатель факультета истории и социальных наук Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Ленинградской обл. Российская Федерация)

Михайлов Вадим Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории факультета истории и социальных наук Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Ленинградской обл. Российская Федерация)

Непомнящий Андрей Анатольевич	доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (г. Симферополь, Российская Федерация)
Никитенко Сергей Дмитриевич	аспирант кафедры всеобщей истории Государственного академического университета гуманитарных наук (г. Москва, Российская Федерация)
Пенской Виталий Викторович	доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского научно-исследовательского университета (г. Белгород, Российская Федерация)
Проценко Александр Викторович	кандидат медицинских наук, заведующий отделением торакальной онкологии Крымского республиканского онкологического клинического диспансера имени В. М. Ефетова (г. Симферополь, Российская Федерация)
Сорокин Александр Анатольевич	кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Национальный исследовательский Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Российская Федерация)
Рахимов Рамиль Насибуллович	кандидат исторических наук, заведующий кафедры Истории России, историографии и источниковедения Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий (г. Уфа, Российская Федерация)
Рощук Александра Игоревна	соискатель кафедры музеологии факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета; начальник отдела координации технических проектов Государственной Третьяковской галереи (г. Москва, Российская Федерация)
Русинова Анна Сергеевна	генеральный директор АНО «Киностудия им Н. Я. Данилевского» (г. Мариуполь, Российская Федерация)

Савинов Виктор Юрьевич — аспирант кафедры истории России Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева (г. Орел, Российская Федерация)

Сорокин Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Российская Федерация)

Хужахметова Гульнара Нургалеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры Истории России, историографии и источниковедения Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий (г. Уфа, Российская Федерация).

Черкаева Ольга Евгеньевна — кандидат культурологии, доцент кафедры музеологии факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва, Российская Федерация)

Юрочкин Владислав Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Российская Федерация)

СОДЕРЖАНИЕ

Бредихин В. В.

От варвара к гражданину: путь в римскую идентичность в позднеантичной нарративной традиции 3

Горлянский С. П.

Развитие Лисп-культуры в США и Японии: сравнительный анализ. 18

Калашников А. В.

К вопросу о судебном преследовании кланистского движения в ходе его роста в штатах глубокого юга США в начале 1870-х гг. 37

Курочкин С. С.

Развитие ситуации на Черном море в прогнозах военного командования Российской империи на начальном этапе Крымской войны (октябрь 1853 – сентябрь 1854 гг.). 55

Максимов М. А.

Бакинская военная экспедиция генерала Л. Денстервиля и отряд Л. Бичерахова в первой половине 1918 года 70

Михайлов В. В.

Из политической биографии Хосе Антонио Паэса: окончательный разрыв Паэса с Симоном Боливаром 80

Непомнящий А. А.

Александр Бернштам и крымоведение 88

Никитенко С. Д.

Российский военный агент в Вашингтоне Н. Н. Распопов: история назначения и службы в 1902–1905 гг.: по материалам РГВИА 100

Пенской В. В.

К вопросу об обстоятельствах дворцового переворота и времени воцарения в Крыму Девлет-Гирея I 109

Русинова А. С.

Исторические взгляды Антонио Грамши: влияние идеализма и материализма 123

Савинов В. Ю.

Участие Лейб-гвардии Преображенского полка в Февральской революции: карательная экспедиция полковника А. П. Кутепова 27 февраля 1917 года 131

Сорокин А. А.

Проекты организации мелкой земской единицы в Российской империи на рубеже XIX – XX вв. 143

Хужахметова Г. Н., Рахимов Р. Н., Гарипова З. Ф.

Проблемы транспортировки нефти в БАССР в годы Великой Отечественной войны в зеркале заводских СМИ и газеты «Красная Башкирия» 158

Черкаева О. Е., Рощук А. И.

Научная концепция экспозиции как основа социокультурного проекта (Дом-музей И. А. Кускова в Тотьме) 170

Юрочкин В. Ю., Проценко А. В.

«А это – никому не нужная трата времени. У меня его крайне мало»: несостоявшаяся диссертация О. И. Домбровского 186

Сведения об авторах 201